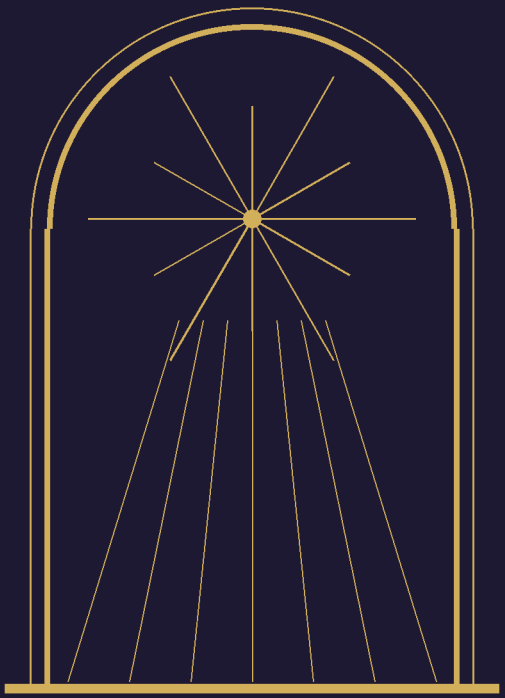
УИЛЬЯМ БАРРЕТТ

НА ПОРОГЕ НЕВИДИМОГО

СЭР УИЛЬЯМ БАРРЕТТ

НА ПОРОГЕ НЕВИДИМОГО

Исследование явлений спиритизма и свидетельств о жизни после смерти

«Люди привыкли судить о новых предметах по тем, что им уже знакомы, и по поспешным и испорченным домыслам, которые они отсюда составили; а нет способа рассуждать обманчивее этого».

Бэкон, «Новый Органон», кн. I, § 109

Светлой памяти той, чья сияющая вера давала ей «осуществление ожидаемого» и не нуждалась в «уверенности в невидимом», которую эта книга, быть может, даст иным сраженным горем душам и другим ищущим истины.

Об этой книге

Сэр Уильям Барретт — физик, профессор Королевского научного колледжа в Дублине, член Королевского общества и один из основателей Общества психических исследований. Больше сорока лет он сам проверял то, о чем другие ученые предпочитали не говорить: стуки и движение предметов на сеансах, видения умирающих, автоматическое письмо, сообщения, которые медиум не мог знать.

«На пороге невидимого» — итог этой работы. Барретт начинает с того, почему наука и церковь одинаково отмахиваются от таких явлений, затем разбирает физические явления спиритизма, правила, по которым следует взвешивать свидетельства, загадку медиумизма и подпорогового «я». Дальше идут сами свидетельства: видения, автоматическое письмо, доска «уиджа», сообщения, по которым узнают умерших. Последняя часть — философская: что такое человеческая личность, на чем держится душа и что следует из телепатии.

Автор не просит верить ему на слово. Он приводит протоколы, имена свидетелей и собственные опыты, честно говорит об обмане и самообмане и предостерегает от легкомысленного обращения с этими вещами.

Содержание

	Предисловие	7
	Часть I	**15**
I	Введение	16
II	Психические исследования и общественное мнение	27
III	Противоречивые возражения науки и религии	35
	Часть II	**43**
IV	Физические явления спиритизма	44
V	Физические явления спиритизма (продолжение)	57
VI	Левитация и неуязвимость для огня	72
VII	О некоторых более спорных явлениях спиритизма: эктоплазма, «прямой голос», материализация, фотографирование духов, аура	82
	Часть III	**94**
VIII	Правила доказательства в психических исследованиях	95
IX	Теории	102
X	Загадка медиумизма	113
XI	Человеческая личность. Подпороговое «я»	121
	Часть IV	**132**
XII	Видения	133

XIII	Автоматическое письмо. Свидетельства тождества	151
XIV	Доказательства сверхнормальных сообщений. Доска «уиджа»	163
XV	Новые свидетельства посмертного существования	175
XVI	Свидетельства тождества развоплощенных	189
XVII	Свидетельства посмертного существования из других стран	202
	Часть V	**213**
XVIII	Ясновидение. Психология явлений транса	214
XIX	Трудности и возражения	223
XX	Предостережения и советы	229
	Часть VI	**240**
XXI	Урок философии в истолковании природы	241
XXII	Тайна человеческой личности	250
XXIII	Божественная основа души. Перевоплощение	255
XXIV	Телепатия и ее следствия	262
	Приложения	**269**
	Приложение A. Суеверие и сверхъестественное. Чудеса	270
	Приложение B. Заметка покойного профессора Бальфура Стюарта	278
	Приложение C. Эвсапия Палладино	282
	Приложение D. Советы исследователям	289

ПРЕДИСЛОВИЕ

✦

«Ум, который не желает верить и даже не желает ничему научиться, никогда не впечатлят самые весомые наши свидетельства. Он будет упорно брать их по кусочку и отвергать одно за другим. Человек, который заявляет, что намерен ждать, пока не обнаружится одно-единственное, совершенно неопровержимое свидетельство, на деле не готов к тому, чтобы его убедили, и, если он логик, он это знает. Ибо современная логика ясно показала, что отдельные факты никогда не могут быть „доказаны" иначе как их связностью в некоей системе. Но так как все факты приходят поодиночке, то всякий, кто отметает их один за другим, уничтожает те самые условия, при которых в его уме вообще могло бы возникнуть убеждение в новой истине».

Д-р Ф. К. С. Шиллер, «Труды Общества психических исследований», т. XVIII, с. 419

Большую часть прошлого столетия, да и предшествовавшего ему, ученый мир в целом относился с пренебрежением и презрением ко всем тем темным психическим явлениям, что лежат между областью, уже завоеванной наукой, и мрачными царствами невежества и суеверия. В последние годы множество причин способствовало тому, что эта неприязнь ослабла: она не только проходит, но и уступает место горячему желанию узнать, какие надежные свидетельства существуют в пользу явлений сверхнормальных — их часто, но ошибочно называют сверхъестественными.

Хотя многие выдающиеся ученые прошлого и нынешнего поколения, как в Англии, так и за границей, засвидетельствовали подлинность и важность этих явлений, официальная наука по-прежнему держится в стороне. Во многом это, без сомнения, объясняется существенным различием между явлениями физическими и психическими — различием, которое далеко не всеми ясно сознается и которое никогда не может быть стерто. Главная задача физической науки — измерять и предсказывать, и из ее явлений должна быть исключена свободная воля. Психические же состояния, напротив, нельзя ни измерить, ни предсказать, и возмущающее влияние жизни и воли из них нельзя ни исключить, ни предвидеть.

Поэтому привычный ход мысли и методы исследования в физике сильно отличаются от тех, что приняты в психических исследованиях. Вследствие этого умы, работающие в первом направлении, становятся более или менее невосприимчивы к фактам, принадлежащим ко второму, как бы хорошо эти факты ни были засвидетельствованы. Новый ход мысли им чужд и не по душе и, по-видимому, никак не согласуется с принятыми научными истинами. Тем не менее, как я старался показать во вступительных главах, когда эти различия будут осознаны, а быстро растущий вес свидетельств в пользу явлений, до сих пор не признанных официальной наукой, будет критически и беспристрастно рассмотрен, общее признание этих явлений наукой станет лишь вопросом времени.

Что так, вероятно, и случится, видно из того, что все прочные приобретения нашего знания о вселенной покоятся на подобном же основании. Они — плод долгого и осторожного исследования, изучения и обсуждения множества обстоятельств, каждое из которых само по себе может казаться незначительным, но

которые, взятые вместе, указывают на какое-то широкое обобщение. Такие свидетельства, хотя и убедительные для опытного наблюдателя, мало говорят уму широкой публики: у нее нет ни времени, ни охоты вникать в необходимые подробности, и она требует какого-то одного неопровержимого доказательства — некоего «сокрушительного удара», — который заставил бы ее обратить внимание и согласиться. Однако такого доказательства дать нельзя, как указал проницательный мыслитель д-р Ф. К. С. Шиллер в словах, поставленных в начале этого предисловия, и не остается ничего иного, как утомительно изучать подробные свидетельства, сила которых заключается в их совокупности.

На следующих страницах я привел часть этих свидетельств, постаравшись как можно меньше утомить читателя, а также осмелился коснуться — быть может, слишком дерзко — многих предметов, требующих более полного изложения, чем то было возможно в небольшой книге, история которой такова.

Более двадцати лет назад доклад о явлениях спиритизма, прочитанный мною в Лондоне, разросся в небольшую книгу — ядро нынешнего тома — под названием «На пороге нового мира мысли». Хотя тираж этой книги был отпечатан еще в 1895 году, ее выход задержался более чем на дюжину лет по следующей причине. В то время большой общественный интерес вызывала известная итальянская медиум Эвсапия Палладино; несколько выдающихся ученых с континента, а затем и некоторые видные члены Общества психических исследований после тщательного исследования в 1894 году засвидетельствовали подлинность многих замечательных явлений, происходивших при этом медиуме. Их отчет я приводил в моей прежней книге, но как раз перед ее выходом другие исследователи, не менее компетентные, после нового исследования в 1895 году пришли к

противоположному мнению. Поэтому казалось разумнее отложить выпуск книги до тех пор, пока не появятся более убедительные свидетельства в ту или иную сторону. Кроме того, я чувствовал, что если Эвсапия действительно не более чем ловкая и расчетливая обманщица, способная ввести в заблуждение нескольких видных исследователей, и английских, и иностранных, то это непременно подорвало бы ценность и других научных свидетельств в пользу сверхнормального и поколебало бы прочность многих выводов, к которым я пришел в своей книге.

Как увидит читатель, обратившись к истории этого случая, изложенной мною в главе V и в приложении С настоящей книги, повторные критические исследования последующих лет показали, что этот пресловутый медиум действительно обладал подлинной сверхнормальной силой, хотя, подобно столь многим профессиональным медиумам низкого нравственного склада, порой и прибегал к обману, который, впрочем, опытные наблюдатели быстро обнаруживали.

Итак, книга «На пороге нового мира мысли» вышла в 1908 году, и тираж быстро разошелся. В то время шла замечательная серия опытов, которые Общество психических исследований проводило, проверяя свидетельства посмертного существования, и я отложил выпуск нового издания до тех пор, пока по этому жизненно важному вопросу не удастся получить новых надежных свидетельств. Теперь, по моему мнению, они получены; поэтому моя прежняя книга была переработана, в нее включен очерк некоторых свидетельств посмертного существования, и в результате появился настоящий том. Тем временем издатели «Домашней университетской библиотеки» попросили меня написать для их серии книгу «Психические исследования», а после ее выхода разные обстоятельства мешали закончить эту книгу

вплоть до нынешнего года. Теперь же, увы, война сделала печать и бумагу большой трудностью для издателей, к которым, надеюсь, мои читатели проявят снисхождение за все недостатки в этом отношении.

Отсюда видно, что выводы, к которым пришла эта книга, не плод поспешного и поверхностного рассмотрения. Более сорока лет назад я начал исследовать мнимые сверхнормальные явления с совершенно беспристрастным и открытым умом. Вскоре стала очевидна настоятельная нужда в обществе, которое сохраняло бы непрерывность записей об исследованиях и высокий уровень опытной работы, и при содействии одного-двух друзей в начале 1882 года было основано Общество психических исследований. К настоящему времени вышло сорок шесть томов его «Трудов» и «Журнала»; кроме того, его родственное общество в Америке — которое я смог основать в 1884 году благодаря помощи нескольких видных друзей в Бостоне и Гарварде — также выпустило целую библиотеку своих «Трудов» и «Журнала» под неутомимой редакцией профессора Хислопа. Так накапливается и печатается огромное собрание проверенных свидетельств, которое будет иметь неоценимое значение для будущих справок и изучения.

Что касается так называемых «физических явлений» спиритизма, о которых идет речь во второй части, то, как ни странны, а порой и неприятны эти проявления — и как ни мало в них, казалось бы, смысла, кроме того, что служат примерами действия какого-то неведомого разума и силы, — приведенные свидетельства кажутся мне неоспоримыми, хотя некоторые мои читатели, может быть, и не решатся их принять. Здоровый скептицизм желателен, но приписывать слабоумие или галлюцинации видным и осторожным ученым-исследователям

или обман людям высокого ума и безупречной честности, таким как преподобный Стейнтон Мозес («М. А. Oxon»), попросту несерьезно. Тем не менее в еженедельнике «Бритиш уикли» автор пространной рецензии на книгу сэра Оливера Лоджа «Реймонд» выражает изумление тем, что сэр Оливер ссылается «без единого слова предостережения на записи Стейнтона Мозеса». Этот упрек он обосновывает цитатами из сочинений покойного м-ра Ф. Подмора, который проделал полезную работу в области психических исследований, но более всего был известен изобретательностью, с какой он ставил под сомнение или приписывал телепатии любые психические явления, выходившие за пределы его взглядов. Те, кто, подобно мне, знал и преподобного С. Мозеса, и м-ра Подмора, возмутились бы, если бы последний приписал первому преднамеренный обман; но автор из «Бритиш уикли» ошибается и не имеет достаточных оснований думать, что так оно и было. Упомянуть об этом было необходимо, так как свидетельства о явлениях, связанных с м-ром Стейнтоном Мозесом, которые я привожу во второй части, иначе могли бы вызвать подозрение у тех, кто не знает фактов.

Читатель заметит, что, выбирая примеры из растущей массы надежных свидетельств посмертного существования, приведенных в четвертой части, я воздержался от того, чтобы приводить какие-либо свидетельства, полученные через платных профессиональных медиумов, к которым публика, естественно, относится с большим или меньшим недоверием. Нельзя также упрекнуть в погоне за известностью или в иных побуждениях к обману тех, через кого пришли свидетельства посмертного существования, приведенные в этой книге.

Естественно, часто задают вопрос: если общение с теми, кто перешел в невидимое, возможно, то зачем нужно связующее звено

в лице так называемого медиума, обычно совершенно постороннего человека и совсем иного склада ума? Неужели наши любимые, недавно вступившие в духовный мир, не постарались бы обратиться прямо к самым дорогим для них людям! Отец или мать скорее почувствовали бы духовное присутствие своего любимого ребенка, чем чуждый ему посторонний человек. Этот вопрос я разбираю в главе X, а также прошу читателей обратиться к предостережениям и советам, изложенным в главе XX.

Те, кто, подобно апостолу Фоме, не могут поверить в существование после телесной смерти без какого-либо вещественного доказательства, вероятно, найдут в продолжительных сеансах с одним-двумя друзьями, проводимых так, как описано в приложении D, ответ на свою тоску и опору для своей веры.[1] Обретя эту уверенность, я не советую им идти в этом деле дальше; пусть лучше узнают больше о духовном мире и духовном общении у христианских мистиков всех стран; особенно я рекомендовал бы книгу покойного м-ра Дж. Х. Сполдинга, где учение одаренного провидца Сведенборга изложено ясно и беспристрастно.[2]

---

[1] Всем, кто желает ставить опыты с автоматическим письмом и изучать его, советую прочесть рассказ покойной миссис Верролл о ее собственном опыте и способе, помещенный в «Трудах Общества психических исследований», т. XX, а также статью м-ра Майерса в т. IV, с. 209 и далее.

---

[2] Дж. Х. Сполдинг, «Царство Небесное» (издательство «Дент и Ко», 3 шиллинга 6 пенсов); читателю может быть интересна и моя небольшая книжка «Сведенборг» (издательство Дж. Х. Уоткинса, 1 шиллинг).

Ни в автоматическом письме, ни в других явлениях спиритизма никто не найдет пути к «общению святых», которое не зависит от вещественных посредников и достигается лишь в тишине и ясности души. Ибо психический порядок — не духовный порядок;

он имеет дело, как я уже говорил в другом месте, только «с *внешним*, хотя бы и в невидимом мире; и главная его ценность заключается в исполнении той работы, которою он открывает нам, что внешнее, здесь или в будущей жизни, неспособно насытить жизнь души».

Первостепенное значение психических исследований состоит в том, что они исправляют привычку западной мысли — мысли тех обыкновенных людей, с которыми мы встречаемся, — считать, будто физический план и есть вся Природа или, во всяком случае, единственная сторона вселенной, которая действительно нас касается. Под гнетом этого ложного и губительного допущения все более широкие взгляды и духовные понятия вянут и гибнут, едва успев родиться. Однако эта огромная и опустошительная война принесла в жизнь множества людей известные духовные стремления и порывы и многих привела к убеждению, которое выражает Лоуэлл:

Мы видим лишь половину причин наших дел,
Ища их целиком во внешней жизни
И не внимая окружающему нас миру духов,
Который, хотя и невидим, ощутим и сеет в нас
Все семена чистых и всемирных замыслов.

Самую сердечную благодарность приношу моему другу преподобному М. А. Бейфилду, магистру искусств, за то, что он любезно прочел корректуру этой книги и сделал много ценных замечаний.

Лондон, Девоншир-плейс, 31
Март 1917 года

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ

✦

«Если кто-нибудь выдвигает что-либо новое, что противоречит символу веры, который мы годами повторяли и передавали другим, а может быть, и грозит его ниспровергнуть, против него поднимаются все страсти и делается все, чтобы его раздавить. Люди сопротивляются изо всех сил; они ведут себя так, словно и не слышат, и не могут понять; о новом взгляде они говорят с презрением, будто он не стоит труда даже исследовать его или хотя бы взглянуть на него, — и так новая истина может долго ждать, прежде чем проложит себе путь».

«Разговоры Гете» (Библиотека Бона, с. 47)

Есть много людей, и число их быстро растет, которые чувствуют, как говорил покойный профессор Генри Сиджвик, что «позорно, что спор о реальности чудесных явлений спиритуализма[3] все еще продолжается, — явлений, научное значение которых невозможно преувеличить, если бы удалось показать истинность хотя бы десятой доли того, о чем сообщали свидетели, в общем заслуживающие доверия». Смотря на предмет без предубеждения, такие люди хотят знать, сколько истины лежит в основе утверждаемых фактов. Для них эта небольшая книга может оказаться полезной.

[3] Точнее было бы сказать «спиритизма»; см. ниже.

Есть и другие, которые, не отрицая, что этот предмет, возможно, и составляет законный предмет научного исследования, предпочитают обходить все это дело стороной; они утверждают либо что это никчемный блуждающий огонек, заманивающий свои жертвы мнимой надеждой на знание в жалкую трясину, либо что это прямо запрещено Писанием и осуждено Церковью, так что заниматься этим — а иные добавили бы, что и исследовать это, — недозволено.

С другой стороны, обычный образ мысли, будь то мирской или научный, считает все это дело слишком презренным, чтобы его исследовать: от него, мол, разит не бездной преисподней, а навозной кучей, и суеверие, обман и шутовство вполне объясняют все мнимые «явления». Поэтому люди эти благодушно смотрят на множество пустых *охотников до новостей*, вечно ищущих чего-нибудь новенького, которые в пересказанных из четвертых рук историях о «привидениях» находят обильный материал для развлечения своих друзей. В суетном мире, занятом другими делами, — где всем правит жестокая борьба за материальное существование, богатство и положение, — такое состояние ума вполне естественно. Но мне не удалось найти ни одного человека из тех, кто высмеивает спиритизм, который уделил бы этому предмету серьезное и терпеливое внимание; более того, осмелюсь утверждать, что всякий беспристрастный человек, который посвятит тщательному и бесстрастному исследованию его столько дней или хотя бы часов, сколько некоторые из нас посвятили лет, уже не сможет оставаться в собрании насмешников, какую бы иную позицию он ни занял.

Без сомнения, обычное колебание публики, когда речь идет о том, чтобы признать причиной этих явлений невидимые

разумные существа, проистекает не столько из неспособности объяснить механизм их действия, *modus operandi*, сколько из предвзятого убеждения, что такое объяснение невозможно, а быть может, и из страха быть осмеянным за ненаучность или суеверие, если его принять.

Есть, однако, и некоторые способные мыслители, которые отказываются принимать эти явления или хотя бы исследовать их на том основании, что при наших ограниченных способностях успешное исследование невозможно, а при наших нынешних ограниченных знаниях любые полученные результаты, вероятно, были бы нами неверно истолкованы, так что всякие выводы о сверхнормальном характере явлений ничего не стоят или, во всяком случае, не заслуживают доверия.

Даже те, кто не заходит так далеко, считают психические исследования, будь то телепатия или спиритизм, недостойными серьезного внимания, потому что явления эти либо невозможны, либо совершенно ничтожны, а следовательно, в обоих случаях это чистая потеря времени.

Есть, признаю, вещи, тратить время на которые было бы полным безумием, — например, «квадратура круга» или «вечный двигатель» и тому подобное. Эти вещи в наши дни лежат за пределами разумного исследования именно благодаря обширности наших знаний в этих особых областях. Но есть и другие вещи, которые сегодня кажутся невозможными лишь из-за обширности нашего невежества в этих направлениях. Таковы, скажем, морской змей, передача мыслей или явления спиритизма; несколько лет назад мы причислили бы к ним также телефон и беспроволочный телеграф. Существенное различие между этими двумя разрядами невероятных событий состоит в том, что первые заключают в себе противоречие опыту или твердо

установленным законам, а вторые — непредвиденное расширение существующего знания и опыта, но никак не противоречие им.

Утверждать, что ум может действовать на ум независимо от какого бы то ни было признанного канала чувств или что ум может существовать в связи с недоступной восприятию формой материи, — значит значительно расширить наше знание, если это верно, а я верю, что это верно; но это не требует ни отвергать иное, столь же истинное знание, ни противоречить ему. С другой стороны, утверждать, что дважды два — пять и вместе с тем четыре, значило бы впасть в путаницу мысли; точно так же верить в материализм в нынешнем его понимании и вместе с тем в эти явления значило бы допустить противоречие в мышлении и, следовательно, путаницу мысли; поэтому что-то одно из двух должно быть отвергнуто. Так что «невозможность», на которую ссылаются, относится не к самим явлениям, а лишь к некоторым ходячим теориям или представлениям о них.

Но, говорят нам, совершенно ничтожный характер явлений делает их слишком презренными для серьезного исследования. «Даже если это правда, *нам нет дела* до результатов, которые вы получаете», — частое замечание. Без сомнения, именно это чувство побудило знаменитого Фарадея отказаться от всякого дальнейшего исследования; ибо в своем известном письме к сэру Эмерсону Тенненту[4] он заявил, что не нашел в этих явлениях «ничего достойного внимания» или способного дать «какую-либо силу или сведения, хоть сколько-нибудь полезные или ценные для человечества». При всем почтении к человеку, которого я знал и так высоко чтил, это, несомненно, была неверная позиция. Еще давно Бенджамин Франклин, самый практичный из людей, разделался с этим доводом; да и вся великая жизнь Фарадея

показала, что он ценил истину ради нее самой, независимо от каких бы то ни было коммерческих соображений, и служит лучшим ответом на приведенные мною его слова. Тем не менее мы и до сих пор видим, как некоторые ученые самого высокого ранга становятся точно на ту же почву. Так, профессор Гексли, отвечая м-ру А. Р. Уоллесу, кавалеру ордена «За заслуги» (который описал ему некоторые виденные им явления спиритизма), сказал: «Может быть, все это и правда, насколько я знаю, но, право, я не могу пробудить в себе никакого интереса к этому предмету».

[4] «Пэлл-Мэлл газетт», 19 мая 1868 года. Вся переписка приведена в журнале «Лайт», февраль и март 1888 года.

Некоторое время назад, в 1894 году, выдающийся физик и смелый исследователь сэр Оливер Лодж ответил таким возражателям на страницах официального научного журнала «Нейчур» следующим образом:

> «Эта позиция, когда „нет дела“ до результатов научного исследования в непопулярных областях, даже если эти результаты верны, хорошо знакома некоторым из нас, занятым поисками, которые *оба* великих вождя упомянутого выше спора [лорд Кельвин и профессор Гексли] согласно не любят и презирают. Это позиция, подобающая собранию акционеров, это обычное и почти всеобщее чувство славного воинства так называемых „практических людей“, но это поразительная позиция для признанного ученого, все призвание которого — открывать и принимать новую истину. Некие темные факты много веков стучатся в дверь человеческого разума, и они стучатся и теперь, в самую научную эпоху, какую когда-либо видел мир. Может быть, им придется отступить разочарованными еще на несколько столетий; может быть, на этот раз им удастся добиться шаткого и стесненного права на вход; исход, по-видимому, зависит от

позиции ученых настоящего и ближайшего будущего, и никто со стороны не может им помочь».

Но еще пятьдесят лет назад профессор А. де Морган с неподражаемой иронией разоблачил ту нефилософскую и нелогичную позицию, которую в этих вопросах все еще занимают столь чтимые вожди науки, как лорд Кельвин и профессор Гексли. Ничего более блестящего или забавного никогда не было написано на всю эту тему, чем предисловие де Моргана к книге его жены «От материи к духу», и я настойчиво советую ученым наших дней прочесть его. А тем, кто предпочитает себе в руководители не де Моргана, а епископа Батлера, позволю себе привести следующие слова из его «Аналогии»: «В конце концов то, что истинно, *должно* быть признано, хотя бы оно и показало нам ограниченность наших способностей и то, что мы ни в коей мере не судьи во многих вещах, в которых склонны считать себя весьма компетентными судьями».

Тем не менее порой можно услышать довод, что если эти сверхнормальные психические явления истинны, то их должно быть возможно воспроизводить и показывать по желанию. Этот довод выдвинул выдающийся физиолог д-р Карпентер, выступая с ответом на мой доклад в Британской ассоциации в 1876 году, когда впервые свидетельства в пользу передачи мыслей и других психических явлений были представлены научному обществу. Талантливый публицист м-р Р. Х. Хаттон в своем журнале «Спектейтор» показал нелепость такого довода, заметив, что, будь он верен, нам пришлось бы отвергнуть как вымышленные многие психологические и патологические факты, приводимые д-ром Карпентером и другими авторами, писавшими о физиологии ума.[5] И, как сказал покойный профессор Генри Сиджвик, «я никогда не видел серьезной попытки оправдать этот отказ [принять

свидетельства о редких и прихотливых явлениях] общими принципами научного метода». Мы пока не знаем всех условий успеха, и следует ожидать, что иногда они будут налицо, а иногда — нет. Кроме того, исходят ли явления из бессознательного «я» медиума или из действия какого-то невидимого разумного существа, ни в том ни в другом случае мы не можем управлять проявлением воли.

---

[5] См. «Спектейтор» от 30 сентября 1876 года.

Прежде чем идти дальше, желательно определить точный смысл слова «спиритуализм». На континенте это слово часто заменяют термином «спиритизм», чтобы отличить его от того широкого значения, в каком его употребляют философы для обозначения метафизики, противоположной материализму. Но общепринятый в наши дни смысл этого слова определяется: 1) миссис Генри Сиджвик в статье «Спиритуализм» в последнем издании «Британской энциклопедии» — как «вера в то, что духовный мир проявляет себя, производя в мире физическом действия, необъяснимые известными законами природы»; или 2) д-ром А. Р. Уоллесом в «Энциклопедии Чемберса» — как «название, прилагаемое к большому и разнообразному ряду ненормальных, или выходящих за пределы нормального, явлений, которые, по их собственному свидетельству, вызываются по большей части духовными существами»; или 3) автором статьи в «Спиричуэл мэгэзин», чье определение я сокращаю, — как «вера, основанная исключительно на фактах, открытых миру через широкую систему медиумизма; главная ее истина, установленная опытом, — существование мира духов и непрерывность существования индивидуального духа сквозь мгновенное затмение смерти».

Читатель заметит, что эти определения идут как бы по восходящей; последнее, без сомнения, выражает тот смысл, который обычно вкладывают в это слово спиритуалисты. Я не вижу в нем ничего, с чем мог бы не согласиться, и, говоря за себя, без колебаний утверждаю, что тщательный и беспристрастный пересмотр моих собственных опытов, растянувшихся на сорок лет, вместе с изучением свидетельств компетентных очевидцев заставляет меня верить в спиритизм в таком его определении.

Едва ли можно сомневаться, что нетерпимость, с какой правоверная наука относится к спиритизму и к психическим исследованиям вообще, проистекает из трудности найти такое объяснение явлений, которое было бы связано с существующим научным знанием. Отсюда, как заметил Гете в одной из своих бесед, слова из которой поставлены в начале этой главы, «новая истина может долго ждать, прежде чем проложит себе путь». Мой друг, покойный м-р Ч. К. Мэсси, хорошо указал на это:

> «Когда мы видим, *как* нечто могло произойти, мы гораздо охотнее выслушиваем беспристрастно свидетельства о том, что оно *действительно* произошло, чем когда предлагаемый материал совершенно неудобоварим для нашего разума. И потому объясняющая гипотеза едва ли менее необходима для принятия фактов определенного рода, чем факты — для подкрепления гипотезы».[6]

[6] Предисловие к книге Дю Преля «Философия мистики».

Так и покойный профессор Уильям Джеймс сказал в недавнее время: «Часто бывает, что факт упорно отрицают, пока вместе с ним не явится желанное истолкование, — тогда его признают довольно охотно».

Настойчивое требование какого-то объяснения этих явлений, которое мы ощущаем в себе, есть лишь частный случай того «непрерывного давления причинного инстинкта», которое отличает наш разум; и именно из-за трудности найти им сколько-нибудь достаточное объяснение в известных и привычных причинах наука сомневается в существовании самих явлений. Способность рассуждения, отвергая всякую известную причину как недостаточную, успокаивает свою тревогу тем, что отвергает сами *события* как невероятные или недоказанные. По правде говоря, строго научного объяснения высших явлений спиритизма *нет*. Вторичные причины, с которыми имеет дело наука, суть лишь предшествующие обстоятельства, или прежние состояния, явления, а у них, в свою очередь, есть еще более отдаленные предшествующие обстоятельства, или прежние состояния, которые тоже нужно объяснить, и так далее, бесконечной цепью; поэтому для ученого-материалиста Бог неизбежно становится бесконечным «и так далее» — *et cetera*.

С подлинной, или истинной, причиной — и еще того менее с конечной причиной вещей — наука справиться не может.[7] Подлинную причину, хотя и ограниченного действия, мы находим в самих себе, в нашей личности; и такую же причину, быть может, более широкого действия, мы находим в том разуме, который стоит за многими из рассматриваемых здесь явлений. Но действие невидимых разумных существ, которые каким-то неведомым образом могут влиять на нас, а также на окружающие нас вещественные предметы, точно так же, как наша личность может влиять на серое вещество нашего мозга, а через него и на вещи вне нас, — это действие, хотя бы оно и было истинной причиной, так же далеко от научного объяснения, как и явления самого сознания. Пока наука не сумеет объяснить, как сознание

связано с мозгом, — а это, хотя и факт повседневного опыта, совершенно непостижимо, — мы не можем ожидать от нее никакого объяснения того, как *развоплощенные* разумные существа могут действовать на материю или откуда берется для этого энергия. (См. примечание в конце главы.)

[7] См. об этом предмете замечательно богатый мыслями и талантливый труд покойного каноника Иллингворта «Личность человеческая и божественная».

Но в образованном мире наступает перемена взглядов на этот предмет. Некоторые из самых просвещенных умов и проницательных исследователей последних лет убедились в подлинности явлений спиритизма или по меньшей мере в том, что на первый взгляд, *prima facie*, есть веские основания для серьезного исследования, и глубоко поражены открывающимися вопросами и тем огромным движением мысли, которое вызвало бы общее признание этих явлений. Некоторые, правда, желают воздержаться от суждения о том, как объяснить эти факты, тогда как удивительно большое число людей безоговорочно принимает факты как «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». «Когда мы виделись в последний раз, — сказал Холман Хант Рескину, — вы заявили, что совсем утратили веру в бессмертие». — «Хорошо помню, — ответил Рескин, — но главное, что изменило мои взгляды, — это неопровержимые свидетельства спиритизма. Я знаю, что с ним связано много пошлого обмана и глупости, но под всем этим, я уверен, есть достаточно, чтобы убедить нас, что существует личная жизнь, независимая от тела; но, раз это доказано, спиритизм меня больше не занимает».[8]

[8] Холман Хант, кавалер ордена «За заслуги», «Прерафаэлитское братство», т. II, с. 271.

Многие мужчины и женщины, сраженные горем в этой гигантской и опустошительной войне, нашли подобное же утешение в темные часы своих утрат. Они увидели в этом луч небесного света, падающий

На великого мира алтарные ступени,
Что сквозь тьму восходят к Богу.

Примечание. Существуют, разумеется, различные философские теории, объясняющие сознание и его отношение к процессам в мозгу; в главе X я вкратце касаюсь этого предмета. В конечном счете, как показал д-р У. Макдугалл, член Королевского общества, мы вынуждены выбирать между материализмом и спиритуализмом, употребляя это последнее слово в его истинном метафизическом смысле — «теории души». Эта теория предполагает психофизическое взаимодействие, и на довод, будто такое взаимодействие невозможно, потому что немыслимо, Лотце ответил так: «Легко показать, что во взаимодействии тела и души заключено не больше загадки, чем в любом другом примере причинной связи, и что лишь ложное самомнение, будто мы что-то понимаем в одном случае, заставляет нас удивляться тому, что мы ничего не понимаем в другом». Я цитирую это по мастерскому и широко известному труду д-ра Макдугалла «Тело и душа». Знаменательно, что — хотя профессор У. Джеймс некоторое время назад и сказал: «Души вышли из моды» (в науке и философии), — сегодня не только д-р Макдугалл, но и многие другие видные психологи и метафизики поддерживают теорию души.

ГЛАВА II

ПСИХИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

✦

«Везде, где для ума человеческого есть хотя бы малейшая возможность познать, есть и законная задача для науки».

Профессор Карл Пирсон

Думаю, все согласятся, что общественное мнение избрало новый путь по отношению к обширному кругу важных и любопытных явлений, лежащих на границе невидимого мира. Мы стоим *на пороге нового мира мысли*, и уже само существование Общества психических исследований, с длинным списком выдающихся людей, которые состоят его членами или оказали ему горячую поддержку, доказывает, что в последние годы в мышлении произошла глубокая перемена. Среди бывших президентов Общества есть и бывший премьер-министр нашей страны, достопочтенный А. Дж. Бальфур, который в своей президентской речи перед Обществом в 1894 году сказал следующее[1]:

[1] «Труды Общества психических исследований», т. X, с. 6 и далее. За время, прошедшее с основания Общества в 1882 году, из первоначальных вице-президентов Общества в живых остались лишь м-р Бальфур и я.

«Думаю, теперь настало время, когда желательно — и в их собственных интересах, и в наших, — чтобы руководители научной мысли в нашей стране и за ее пределами признали: существуют хорошо засвидетельствованные факты, которые, хотя и нелегко укладываются в рамки наук или упорядоченного опыта, как они его понимают, все же требуют исследования и объяснения, и святой долг науки — если не самой исследовать их, то, во всяком случае, помогать в исследовании нам… Всякого произвольного ограничения нашей области работы следует избегать. Наше дело — записывать, исследовать, классифицировать и, если возможно, объяснять факты куда более поразительные и впечатляющие, чем эти скромные случаи телепатии. Не будем же пренебрегать этим делом… Если многими движет желание получить свидетельство реальности разумных существ, не наделенных телесной организацией, подобной нашей, — и получить его не путем трудоемкого умозаключения, а прямым наблюдением, — я не вижу в их действиях ничего, что заслуживало бы критики, а тем более осуждения… Если я правильно истолковываю результаты, к которым долгие годы труда привели членов этого Общества, а также других, не входящих в наше число, но объединенных сходным духом, то мне действительно кажется, что есть по меньшей мере веские основания предполагать: за пределами мира (каким мы, с точки зрения науки, привыкли его представлять) действительно лежит область… правда, недоступная опытному наблюдению так, как доступны ему более знакомые области материального мира, но все же такая, о которой ценою упорного труда можно собрать кое-какие опытные сведения. Даже если мы не смеем питать твердой надежды открыть, каким законам подчиняются эти едва различимые явления, во всяком случае, будет немалым приобретением показать — не в виде умозрения или догадки, а в

виде установленного факта, — что есть многое на небе и земле, что доныне и не снилось нашей научной философии».

Это слова государственного мужа, а не мечтателя или фанатика; более того, они выражают мнение необычайно острого и философского ума, привыкшего просеивать и взвешивать свидетельства и знающего не только знания и мысли своих ближних, но и их заблуждения и иллюзии.

Другой знаменитый премьер-министр, достопочтенный У. Ю. Гладстон, также отдал свое великое имя в поддержку Общества психических исследований и многие годы, до самой смерти, был его почетным членом. Почетными членами были и поэт-лауреат Альфред Теннисон, великие художники Дж. Ф. Уоттс и лорд Лейтон, а также знаменитые писатели Джон Рескин и Р. Л. Стивенсон.

Первые люди науки как в Англии, так и за границей выразили Обществу свое сердечное одобрение, войдя в его Совет или став его членами. Среди них — недавние президенты Королевского общества, все удостоенные ордена «За заслуги»: лорд Рэлей, сэр Арчибальд Гейки, сэр У. Крукс и сэр Дж. Дж. Томсон. Еще один бывший президент Королевского общества, также кавалер ордена «За заслуги», сэр Уильям Хаггинс, заверил меня в своей поддержке, когда я разослал приглашения на совещание, которое привело к основанию Общества психических исследований в 1882 году[2]. Впрочем, сэр Уильям Хаггинс (как и архиепископ Бенсон, тоже горячо сочувствовавший делу) по разным причинам не пожелал стать членом Общества, хотя и убедился в подлинности некоторых сверхнормальных явлений, свидетелем которых был сам.

[2] Упомяну здесь, что в основании Общества участвовали мои друзья, ныне покойные м-р Доусон Роджерс и м-р Ф. У. Майерс.

Деятельная работа сэра Оливера Лоджа в Обществе, президентом которого он был, известна всем. На континенте и в Америке многие видные ученые оказали Обществу ценную поддержку, вступив в него, — например, профессор Шарль Рише из Парижа и профессор Уильям Джеймс из Гарварда, оба бывшие президентами Общества; среди других иностранных членов мы находим имена профессоров Жане, Бернгейма, Ломброзо, Скиапарелли, Фламмариона и неутомимейшего труженика доктора Хислопа; не должны мы забывать и покойного профессора Герца, «блеск чьего имени», как заметил м-р Бальфур в своей президентской речи, придавал нашей работе особое достоинство. Не остались в стороне и наиболее просвещенные духовные лица, как покойный епископ Карлайлский, преподобный Р. Дж. Кэмпбелл и епископ Бойд Карпентер, недавно бывший президентом Общества; его преемниками были миссис Генри Сиджвик, доктор словесности, доктор Шиллер из Оксфорда и профессор Гилберт Марри, доктор словесности, который в 1916 году был президентом Общества.

Едва ли можно сомневаться, что во многом своим успехом Общество обязано мудрому руководству и неутомимому труду, которые так долго отдавал ему первый президент, профессор Генри Сиджвик, — работе, с большим умением и усердием продолженной его вдовой. Почти излишне упоминать об огромной услуге, оказанной психическим исследованиям двумя хорошо известными людьми, блестящими и одаренными, — оба были членами совета Тринити-колледжа в Кембридже, — м-ром Эдмундом Герни и м-ром Ф. У. Г. Майерсом, первыми почетными секретарями Общества. Некоторые из нас знают, какое бескорыстное мужество, какую редкую беспристрастность и какой самоотверженный труд вложили Сиджвик, Майерс и Герни в изучение этих трудных вопросов, и едва ли можно сомневаться,

что через поколение-другое имена этих выдающихся первопроходцев будут в чести во всем образованном мире.

Некоторые думают, и не без естественных причин, что О.П.И., как обычно сокращенно называют Общество, продвигается слишком медленно и осторожно и не проявило достаточной непредвзятости к физическим явлениям спиритизма. В этом последнем упреке есть, без сомнения, доля правды, но надо помнить, что осторожность, с которой действует Общество психических исследований, свойственна всякому научному исследованию и вдвойне необходима в области, где неосмотрительного подстерегает столько ловушек. Но если Общество строит медленно, то строит прочно, и после приумножения новых знаний в своей области оно сердечнее всего приветствует того исследователя, который сумеет доказать неверность какого-либо из сделанных им выводов. Оно не получает платы за защиту ни телепатии, ни привидений и не имеет никакой корыстной заинтересованности в сверхнормальном. Теории, сколь бы правдоподобны они ни были, если они не охватывают всей совокупности наблюденных фактов, должны быть отвергнуты; суеверие поступает наоборот, но наука не должна знать ни предрассудков, ни пристрастий. Как хорошо сказал сэр Джон Гершель: «Совершенный наблюдатель будет иметь глаза, так сказать, открытыми, чтобы они сразу останавливались на всяком событии, которое, согласно принятым теориям, *не должно* происходить, ибо именно такие факты служат ключами к новым открытиям»[3].

[3] «Рассуждение о натуральной философии», разд. 5.

Именно эта непредвзятость ума побудила отважных первопроходцев в исследовании спиритических явлений

рисковать своей репутацией и навлекать на себя своими изысканиями насмешки и поношения; а получив то, что казалось им убедительным доказательством подлинности явлений, они обнародовали свои мнения с мужеством, которое в то время было редкостью. Первым среди них был наш великий обличитель заблуждений и парадоксов, выдающийся математик профессор А. Де Морган, писавший в 1863 году: «Я совершенно убежден, что видел и слышал — так, что неверие должно стать невозможным, — вещи, именуемые *духовными*, которые ни одно разумное существо не может счесть объяснимыми обманом, совпадением или ошибкой»[4]. Подобное же свидетельство дали доктор А. Р. Уоллес, кавалер ордена «За заслуги», и другие известные люди, а знаменитые исследования сэра У. Крукса в области спиритизма известны всем.

[4] Предисловие к книге «От материи к духу» (издательство Лонгманс). Превосходный свод высказываний выдающихся людей, пришедших к вере в спиритизм, дает доктор А. Р. Уоллес в своей книге «Чудеса и современный спиритизм».

Но не только эти и другие выдающиеся люди убедились в фактах — множество мужчин и женщин во всех частях света пришли к подобной же вере. Давно уже доктор А. Р. Уоллес писал в статье для «Энциклопедии Чемберса»: «Спиритизм рос и распространялся непрерывно, пока, вопреки насмешкам, искажениям и преследованиям, не приобрел приверженцев во всех слоях общества и во всех цивилизованных частях земного шара». Эти люди имели в собственном опыте несомненные свидетельства существования явлений, совершенно новых для нынешней науки, — явлений, которые проще всего объясняются предположением о духовном мире и о разумных существах в нем, способных временами сообщаться с нами по определенным

каналам. Ни яркий свет общественного мнения, ни мошенники, слишком часто обманывавшие доверчивых, не поколебали веры, которая уходит в далекое прошлое[5] и крепла по мере того, как от времени до времени и в разных местах накапливались новые свидетельства.

[5] Ср. Майерс, «Классические очерки», с. 83 и далее. См. также Хауитт, «История сверхъестественного», т. I, гл. IX.

Делич в своей «Библейской психологии», разд. XVII, показывает, что «верчение столов» было в ходу во многих еврейских кружках в XVII веке; «стол подскакивает, даже когда нагружен многими центнерами». В сочинении, изданном в 1614 году, это осуждается как магия. Цеви в 1615 году защищает этот обычай как действие не магии, но силы Божией, «ибо мы поем столу священные псалмы и песни, и не может быть делом дьявола то, где поминается Бог».

Но если вернуться на 2000 лет назад, то, как мне сообщают, видной чертой просвещенного вероучения древних *ессеев* была их вера в спиритизм, склонявшаяся к почитанию ангелов. В самом деле, учение этой мистической секты и в ряде других отношений напоминало взгляды многих современных спиритуалистов.

Ранние церковные соборы, например Эльвирский (305 г. н. э.) и чуть позднее Анкирский, предостерегали христиан от гаданий и спиритических явлений как от дела дьявола и его бесов, но в анкирском «Canon Episcopi» («Епископском каноне») около 900 г. н. э. эти явления были объявлены чистой иллюзией. Однако таково не было мнение святого Фомы Аквинского в XIII веке, равно как и Римско-католической церкви тогда и ныне. См. брошюру каноника Макклюра «*Спиритизм*», изданную Обществом распространения христианского знания.

Философ Фихте сказал: «Все великое и доброе, на чем покоится наше нынешнее существование и из чего оно произошло, существует лишь потому, что благородные и мудрые люди отказывались от радостей жизни ради идей»[6]. То, что человек *утверждает*, — это идея, которую он сделал своей, а это всегда любопытно и обычно заслуживает того, чтобы быть выслушанным; а то, что утверждает множество людей и продолжает непоколебимо утверждать сквозь годы враждебных

предрассудков, а то и гонений, — это, бесспорно, предмет, которому всякий честный любитель истины должен уделить некоторое внимание.

---

[6] «Сочинения Фихте», т. VII, с. 41.

С другой стороны, то, что люди *отрицают*, либо ничего не стоит, либо свидетельствует о редкости или новизне отрицаемых событий — разве что само отрицание служит способом утвердить иную истину, как отрицание вечного двигателя. Так, если кто-то отрицает возможность электрического телефона, как это делали в моем присутствии в 1877 году некоторые ученые скептики, это не имеет никакого значения рядом с показаниями сведущих свидетелей, которые видели и слышали телефон.

Как же тогда случилось, что отрицания людей неосведомленных или предубежденных относительно спиритических явлений имели больший вес в оценке ученых и публики, чем утвердительные свидетельства многих очевидцев, о которых мы говорили? Рассмотрение этого вопроса придется отложить до следующей главы.

ГЛАВА III

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ НАУКИ И РЕЛИГИИ

✦

«Разве что-либо из сотворенного Богом подвергается опасности от исследования? Мироздание ли трепетало перед телескопом Галилея или монахи? Разве остановилось в ужасе обращение небесной тверди оттого, что Ньютон положил свой дерзкий палец на ее пульс?»

Лоуэлл

Почему, вправе мы спросить, в век, превыше всего отмеченный бесстрашием исследования и дерзким продвижением в области, где веками безраздельно царило невежество, не сделано гораздо больших шагов в направлении, которое представляется столь важным? Ведь, несомненно, высшая задача, которую наука должна решить, если сможет, состоит в том, может ли жизнь, какой мы ее знаем, существовать без протоплазмы, или же мы лишь создания одного праздного дня; служит ли нынешняя жизнь входом в бесконечный и невидимый мир за ее пределами, или же «Вселенная — лишь бездушное взаимодействие атомов, а жизнь — жалкое страдание, кончающееся в могиле». И хотя область религии — это область веры, все же, несомненно, религия должна была бы радушно принять свидетельства, доставляемые

спиритизмом, как служанку веры. Однако, как ни странно, именно эти два великих авторитета, Наука и Религия, во многом и преграждали путь. И когда мы просим руководителей мысли в той и в другой области назвать основания их противодействия, оказывается, что их доводы взаимно уничтожают друг друга.

Наши научные учителя прошлого поколения, во многом под влиянием немецкого материализма, отрицали — и многие отрицают до сих пор — возможность ума без материального мозга, равно как и возможность получить какие-либо сведения или знание иначе, чем через признанные каналы ощущений. Но наши религиозные учители решительно противятся этому; они утверждают, что духовный мир существует и что боговдохновенные писания содержат систему знания, данную человеку сверхчувственным путем. Оба взгляда не могут быть истинными, однако оба выдвигаются против спиритизма. Общее у них то, что всякое расширение нашего нынешнего знания в соответствующей области должно приходить лишь законными путями, которые они предписывают: в одном случае путь ограничен известными чувствами и известными свойствами материи, в другом это путь, освященный Авторитетом. Все, что лежит вне этих путей, есть ересь и должно быть опорочено. Я, разумеется, говорю вообще, ибо все мы знаем выдающихся людей и в науке, и в богословии, которые держатся более широкого и более разумного взгляда.

Вместе с тем многое можно сказать в защиту правоверия. Инерция консерватизма полезна, более того — даже необходима: она помогает сдерживать опрометчивые или поспешные отступления от признанного порядка вещей; поэтому простые заблуждения ума встречают неизменное сопротивление, но то, что истинно, как бы ново оно ни было, обладает упругостью,

которая крепнет тем больше, чем сильнее встречаемое сопротивление, и в конце концов прокладывает себе путь в число наших заветных и непреходящих достояний.

Есть несколько веских доводов, которые и наука, и религия могли бы привести в оправдание своего противодействия этому предмету. И последствия их противодействия отнюдь не были чистым злом. В уже упомянутой речи м-р А. Дж. Бальфур хорошо изложил один из этих доводов. Он говорит: «Если бы мы рассматривали это само по себе, мы сказали бы, что люди науки проявили здесь фанатическую нетерпимость и равнодушие к строго научным свидетельствам, что, на первый взгляд, их не красит. Я полагаю, что, хотя избранный ими путь нелегко разумно оправдать, в нем все же было гораздо больше практической мудрости, чем может показаться на первый взгляд»[7]. Далее он показывает, что, подобно тому как ни один народ и ни один век не может сделать больше того особого дела, которое стоит перед ним в свое время, так и естествознание за свою сравнительно короткую жизнь имело довольно дела, созидая все здание естественных и опытных наук, которые за последнее столетие были перестроены сверху донизу. «Если бы наука с самого начала попыталась охватить своим обзором не только физические, но и психические явления, она, быть может, на целое столетие затерялась бы в темных и трудных областях, и сегодняшнее дело науки было бы тогда менее, а не более завершенным».

[7] «Труды Общества психических исследований», т. X, с. 4. М-р Бальфур говорит здесь о месмеризме, но его замечания в равной мере относятся и к спиритизму.

Я вполне с этим согласен. Нужно было не только сперва изучить природу, но и заложить основание нашей *научной веры в неуклонный порядок природы* — исследованием законов материи и движения и открытием упорядоченной эволюции жизни. Наука

ныне установила и почитает вечной истиной то, что вселенная есть *космос*, а не хаос; что среди всей изменчивости видимых вещей нет ни прихоти, ни беспорядка; что в истолковании природы, как бы запутанны или темны ни были явления, мы никогда не окажемся в умственном замешательстве.

Величественное шествие явлений, посреди которого мы стоим; царства и величины над нами, слишком огромные, чтобы ум мог их охватить; молекулы и движения вокруг нас, слишком малые или слишком быстрые, чтобы глаз мог их увидеть или ум постичь, — все это шествует под музыку Божественного и Вечного порядка. В этой системе упорядоченного управления миром коренится наша вера в Высшее Существо; и успехи современной науки сделали эту веру неотъемлемой частью нашей повседневной жизни — будем ли мы видеть в Высшем безличную силу или благого Отца. И вот, если бы вместо исследования *естественных* явлений (я употребляю это слово в обычном смысле; строго говоря, все явления естественны, только Божество *сверх*ъестественно)[8] наука сперва взялась за сверхнормальные явления, я сомневаюсь, выбралась ли бы она до сих пор из бездны; во всяком случае, она не пришла бы к своей нынешней твердой вере в царство закона. Ибо психические явления так неуловимы, причины их так темны, что нам нужно уравновешивающее влияние привычки мысли, воспитанной наукой, чтобы терпеливо и с надеждой продолжать свой путь.

---

[8] См. приложение А.

Подобный же довод верен и по отношению к религии. Провидцы и пророки Ветхого Завета были государственными мужами и учеными своего времени: они опережали народ, потому что их мышление опиралось на философию, озаренную Божественной

идеей, — идеей о том, что сквозь всю борьбу природы и людей проходит единый вечный замысел. И от Моисея до Исаии мы видим их единодушными в предостережениях народу против всяких попыток заглядывать в будущее и предсказывать его или вмешиваться в психические явления ради этой или любой иной низшей цели. *Прорицание*, *чародейство*, *ведовство*, *астрология* и *волшебство* были различными способами гадания или попытками причинить вред врагу, окутанными облаком тайны, чтобы поразить зрителя; и к *некромантии*, или попытке общаться с умершими, прибегали, по-видимому, главным образом с той же целью.

Эти обычаи еврейские пророки осуждали в самых беспощадных выражениях, и притом независимо от всякого вопроса о том, были ли явления подлинными или всего лишь плодом обмана и суеверия. Они запрещались — как, несомненно, показывает изучение всего предмета — не только и даже не столько потому, что были обычаем и частью религиозных обрядов окрестных языческих народов, сколько главным образом потому, что заслоняли Божественную идею, ослабляли высшую веру в Единое Всемогущее Существо и благоговейное поклонение Ему, Которого этот народ и был избран возвещать. И причина была очевидна. Не обладая таким знанием великого мирового порядка, каким обладаем мы ныне, народ от этих психических явлений лишь пришел бы в смятение умом и нравственным чувством.

Хуже того, наступило бы духовное смятение. Если бы народ внимал оракулу, а не велениям разума, не только его мысль, трудолюбие и политика могли бы быть стеснены или парализованы — могла бы пошатнуться и спокойная, неколебимая вера народа в бесконечно мудрого и праведного Владыку всего сущего. Вместо «мышцы Господней» за пределами

и превыше их невидимое населила бы пестрая толпа духов — благочестивых, лживых, суетных или бормочущих невнятицу; и усталость, растерянность, а под конец и отчаяние обессилили бы и погубили народ. Как сказал один ученый и богатый мыслями богослов: «Гадания и прорицания утомляли ум народа, сковывали его предприимчивость, искажали его совесть. Исаия видел это и предостерегал народ: „Твои чары и волшебства, которыми ты утомляла себя, сбили тебя с пути“. И в позднейшие годы сильная совесть Ювенала выразила то же чувство утомительности этих занятий и напрасной траты времени на них»[9].

[9] Ректор Дж. А. Смит, «Книга пророка Исаии», т. I, с. 199.

Эти чувства многим из нас понятны, ибо мы испытывали почти то же самое, гоняясь за этими неуловимыми явлениями. Но помимо этой усталости, которую в поисках истины мы должны терпеть, опасности, подстерегавшие древний мир в погоне за психическим знанием, не относятся к *научному* исследованию наших дней, основанному на признанной вездесущности порядка.

Неприязнь ко всему кругу этих изысканий, которая, несомненно, еще существует у многих христиан, мужчин и женщин, основана, полагаю, отчасти на предостережениях Писания, о которых я упомянул, а отчасти на более общем соображении, будто наши исследования — это попытка незаконно проникнуть в духовную область, дерзкое усилие отдернуть завесу, которую и Писание, и наши самые священные чувства опустили над вратами смерти.

Что мы можем на это ответить? Думаю, это чувство в значительной мере проистекает из неверного понимания положения дел. Я уже рассмотрел основания, по которым те великолепные люди, еврейские пророки, столь решительно

запрещали всякое психическое изыскание, — основания весьма мудрые и разумные тогда, но неприменимые ныне. В Новом Завете положение до некоторой степени меняется: звучат недвусмысленные предостережения о духовном рассеянии и опасности, которые постигли бы первых христиан, если бы они позволили смешать свою религию с духовным чудотворством, все еще распространенным у соседних народов.

Цивилизованный мир того времени верил в существование духов в воздухе, и просветленное духовное прозрение апостолов видело (и я, со своей стороны, верю, что все мы увидим это яснее по мере роста нашего знания), что невидимое вокруг нас населено множеством духовных существ, влияние которых бывает иногда добрым, а иногда злым. Отсюда апостольское наставление «испытывать духов», то есть пользоваться своим нравственным суждением и не поддаваться ошибочному, но распространенному представлению, будто всякое сообщение, приходящее из невидимого, доброе и достойно доверия. В самом деле, сообщения часто исходят из собственной подсознательной жизни медиума и неизменно испытывают ее влияние.

Кроме того, апостол ясно видел, как видит всякий христианин, что основание религиозной жизни, состоявшее в *вере* в воскресшего Господа, оказывается под серьезной угрозой, когда видимое подменяет невидимое, когда фантазмы спиритического сеанса подменяют реальности Царства Небесного, которое не приходит приметным образом.

Та же опасность существует и сегодня и будет существовать всегда. Это должен признать всякий вдумчивый и благоговейный ум, и это явное предостережение против того, чтобы делать из спиритизма *религию*. Но это не довод против изучения его явлений как отрасли психической или психологической науки.

Какова бы ни была сила или разум, стоящие за этими явлениями, сам факт, что она проявляет себя нам, — что прямо или косвенно она воздействует на наши чувства и так влияет на наши способности восприятия или может оставить какой-либо прочный след своего присутствия, — этот факт не только вводит спиритизм в пределы законного опытного исследования, но и призывает внимание науки, и требует его.

Может быть, эти психические явления так неуловимы, так сильно зависят от неподвластных нам условий — таких как деятельность подпорогового «я» или воля развоплощенных существ, — что мы никогда не дойдем до законов, лежащих в их основе. Но это не должно мешать нам наблюдать, записывать и классифицировать явления, отмечая физические и психические условия, наиболее благоприятные для их возникновения, и изменения, которые вызывает перемена этих условий. Только так можем мы надеяться связать неизвестное с известным и тем самым соотнести эти темные явления с общим сводом признанного знания. Пока это не сделано, они останутся неразрешенной загадкой, и образованный мир будет по-прежнему их сторониться.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА IV

ФИЗИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ СПИРИТИЗМА

✦

«Наука связана вечным законом чести бесстрашно встречать всякую задачу, которая может быть честно перед ней поставлена».

Лорд Кельвин

Теперь пора оставить несколько пространное рассуждение предыдущих страниц и представить часть свидетельств, которые прошли перед моими собственными глазами и убедили меня в подлинности самих явлений. Однако едва ли возможно дать тем, у кого не было подобного опыта, верное представление о силе и совокупном весе свидетельств, которые заставили поверить тебя самого.

К несчастью, где есть настоящая монета, там есть и фальшивая, и спиритизм немало пострадал от обманных подделок, которые наживаются на доверчивости неискушенных или некритичных людей. В докладе[1], представленном мною в «Труды Общества психических исследований» в 1886 году, я писал: «Пересматривая многочисленные сеансы, на которых я присутствовал за последние пятнадцать лет с разными частными и профессиональными медиумами, я нахожу, что гораздо большая часть полученных результатов не имела решительно никакой

доказательной ценности в пользу спиритизма: либо полная темнота не позволяла сделать сколько-нибудь надежных выводов, либо результаты не выходили за пределы того, что можно объяснить нехитрым фокусничеством. Несколько случаев, однако, выделяются как исключения». Эти случаи я тогда привел, а здесь изложу суть двух из них, поскольку они, по моему мнению, дают *безупречное свидетельство* того, что называют «физическими явлениями» спиритизма, — то есть перемещения предметов, стуков и других звуков, обнаруживающих невидимый разум, для которых нельзя найти никакого нормального объяснения.

[1] «Труды Общества психических исследований», т. IV, с. 28. См. приложение B, где я перепечатал заметку об этом докладе, написанную выдающимся и дальновидным ученым, покойным профессором Бальфуром Стюартом.

Для этих проявлений м-р Майерс предложил термин *телекинетические*, так как слово «спиритические» заранее предрешает вопрос: ведь *сами по себе* они не дают никаких свидетельств продолжения человеческой личности после смерти. Как правило, они странны и лишены видимого смысла; лишь когда рассматривают содержание некоторых сообщений, передаваемых посредством телекинеза, обнаруживаются какие-то слабые и сомнительные свидетельства иной личности, нежели личность медиума. Главный же вопрос — *подлинность* самого телекинеза.

Поэтому важно отметить, что явления, которые я сейчас опишу, не только происходили либо при ярком дневном свете, либо при искусственном освещении, достаточном, чтобы я мог обнаружить любой обман, если бы его попытались совершить, но и что при них не было ни платных, ни профессиональных медиумов, а сеансы проводились в любом месте, какое я выбирал,

и даже в моем собственном доме; записи делались во время сеансов или вскоре после них.

Первый случай, который я приведу, произошел, когда я писал статью, обосновывая мнение, высказанное мною в докладе перед Британской ассоциацией в 1876 году: там, где обман не объясняет этих физических явлений, а наблюдатели — люди безупречной честности и компетентности, такие как сэр У. Крукс и профессор де Морган, свидетели лишь *думали*, что видят то, что описывают, из-за ошибок наблюдения или какой-то галлюцинации чувств, вроде тех, что бывают при начинающемся гипнозе. Собственно, я и приступил ко всему исследованию этих явлений в убеждении, что таково их истинное объяснение, и лишь после того, как я растянул эту гипотезу далеко за дозволенные пределы, я увидел, что действительные факты совершенно разбили мою теорию.

Один английский поверенный, человек с высоким положением, м-р С., снял на летний сезон загородный дом одного моего друга неподалеку от моего собственного дома в Кингстауне, в графстве Дублин. Познакомившись с м-ром С., я с удивлением узнал, что в его собственной семье как раз тогда происходило нечто похожее на спиритические явления. Члены семьи не были спиритуалистами и были озадачены и несколько раздосадованы стуками и другими необъяснимыми шумами, которые часто возникали в присутствии их дочери Флорри — открытой и смышленой девочки, которой было тогда около десяти лет. Они, естественно, думали, что их маленькая дочь проказничает по-детски, но вскоре убедились, что это невозможно. Гувернантка жаловалась на постукивания в разных местах классной комнаты всякий раз, когда Флорри бездельничала, а учительница музыки уверяла, что часто внутри фортепиано раздавались громкие стуки, когда Флорри вяло играла свои гаммы.

М-р и миссис С. охотно согласились на мою просьбу лично исследовать дело, и на следующий день я пришел к ним после завтрака. Было десять часов ясного летнего утра. М-р и миссис С., Флорри и я — больше никого не было — сели за большой обеденный стол без скатерти; застекленные двери, выходившие на лужайку, впускали потоки солнечного света, так что руки и ноги участников сеанса были прекрасно видны. Вскоре послышался скребущий звук, затем стуки — то по столу, то по спинкам наших стульев. За руками и ногами Флорри пристально следили: они оставались совершенно неподвижны, когда слышались звуки, которые быстро становились все громче. Шум был точь-в-точь такой, какой бывает, когда вбивают в пол мелкие гвозди, и сначала я подумал, что в комнате над нами или под нами работают плотники, но, проверив, никого там не нашел. Мы заметили, что стуки усиливались, когда затягивали веселую песню или играли музыку: стуки самым забавным образом отбивали такт, временами переходя в громкое ритмичное поскрипывание, будто по куску дерева водили смычком виолончели. Снова и снова я прикладывал ухо к тому самому месту, откуда, казалось, исходило это грубое пиликанье, и отчетливо чувствовал ритмичное сотрясение в столе, но никакой осязаемой причины не было видно ни над столом, ни под ним.

Высказывались сомнения в том, можно ли вообще определить, откуда идет звук; для некоторых родов звука это трудно, но прямые опыты, которые я поставил с этой целью, показали, что большинство людей с завязанными глазами довольно точно определяет место таких звуков, какие я слышал в тот раз.

Иногда стуки уходили в сторону и слышались в разных местах комнаты, куда никто из присутствующих не мог дотянуться. Однажды я попросил, чтобы стуки раздались на маленьком

столике рядом со мной, которого Флорри не касалась; так и произошло; тогда я положил одну руку на верхнюю, а другую на нижнюю поверхность столешницы и в таком положении почувствовал легкое сотрясение, которое производили стуки в той части столешницы, что была зажата между моими руками. Не имело никакого значения, были ли мы с Флорри в комнате одни, как часто бывало, или звали других наблюдателей. Последнее делалось время от времени, пока стуки продолжались, чтобы проверить мою теорию галлюцинации, но звуки слышали все.

Медленно повторяли алфавит, и невидимый разум отвечал на вопросы, давая стук, когда доходили до нужной буквы. Так нам сообщили, что с нами говорит мальчик по имени «Уолтер Хасси», а миссис С. рассказала мне потом, что часто, когда она приходила в спальню дочери пожелать ей спокойной ночи, она слышала стуки и заставала Флорри за оживленной беседой с ее невидимым товарищем: алфавит быстро проговаривали, и стуки раздавались на нужных буквах. Я записал некоторые ответы, полученные с помощью алфавита; они были именно такими, какие дала бы сама девочка, — веселыми и бессмысленными; невидимый разум соответствовал разуму ребенка, и, к моему удивлению, *правописание* тоже было детским! Ибо когда я попросил Флорри записать некоторые слова, встречавшиеся в сообщениях, в них оказались те же детские ошибки.

Скептик, разумеется, скажет, что все это проделала смышленая девочка, которой нравилось морочить голову профессору. Скептик волен держаться этого мнения, если оно ему по душе. Могу сказать лишь одно: после нескольких недель пристального исследования проверка каждой теории, какую выдвигали я сам и мои друзья-скептики, — некоторым из них было позволено участвовать в исследовании, — привела и меня, и моих друзей к

тому, что мы оставили все заранее составленные теории обмана, иллюзии и ошибочного наблюдения. Явления были необъяснимы иначе как предположением о невидимом разуме, подобном разуму ребенка или даже действительно ему принадлежащем. Но сила, которая порой проявлялась, далеко превосходила ту, какую мог приложить ребенок. Время от времени передвигалась мебель. Однажды при полном солнечном свете, когда я сидел с м-ром и миссис С. и Флорри за большим обеденным столом красного дерева, за которым могли бы обедать двенадцать человек, и пальцы у всех нас на виду лежали на столешнице, три ножки стола вдруг неторопливо поднялись от пола на такую высоту, что я смог подсунуть ногу под колесики. Пусть кто-нибудь попробует воспроизвести это, приложив всю свою мускульную силу, и он увидит, как увидел я, что даже если позволить рукам ухватиться за стол, чего присутствующие и не пытались делать, такой подвиг удается сильному мужчине лишь с трудом и после упражнений.

Чтобы проверить излюбленную анатомическую теорию, будто стуки производятся особой уловкой, которой медиум мог научиться, — частично вывихивать и вправлять со щелчком суставы пальцев ног или колен, — я попросил Флорри упереться ладонями в стену и посмотреть, сможет ли она, если я сделаю то же самое, отставить ноги от стены так же далеко, как я; я сделал вид, будто это новая игра между нами. Когда мы оба оказались в этом напряженном положении и всякое мускульное движение конечностей стало невозможным, я спросил «Уолтера», забавляет ли его наша игра; тотчас по комнате пробежала живая дробь стуков, хотя руки и ноги девочки оставались совершенно неподвижны, а в комнате, кроме Флорри и меня, никого не было. Проделки слуг были исключены; более того, м-р С. рассказал мне,

что, когда он бывал с дочерью вне дома, ему случалось получать стуки на ручке своего зонтика.

После того как семья вернулась в Англию, миссис С. сообщила мне, что явления сошли на нет и что они этому очень рады, так как боялись, что может пострадать здоровье дочери, но до сих пор никакого вреда не было. «В подлинности явлений, — писала миссис С., — я никогда не сомневалась ни тогда, ни теперь». Проявления, как мне сообщили, часто бывали бурнее всех, какие я видел, и всегда носили бессмысленный или легкомысленный характер.

Расскажу теперь о втором случае, где медиумом была взрослая — дама, жившая в семье своего двоюродного брата, одного из лучших фотографов Дублина. Я буду называть ее мисс Л.; нечего и говорить, что она не была ни платным, ни профессиональным медиумом, и я многим обязан м-ру и мисс Л. за то, что они дали мне всякую возможность исследовать явления, нередко ценой немалых неудобств для себя. Ни один из сеансов не проходил в темноте; когда их проводили вечером, газового света было достаточно, чтобы я мог читать мелкую печать и, разумеется, видеть любое движение присутствующих. Однажды, когда были только м-р Л., мисс Л. и я, по столу, за которым мы сидели, раздались громкие стуки, порядком меня испугавшие, и когда я попросил невидимого гостя простучать, сколько пальцев я держу разогнутыми, — причем руку я держал так, что ее не было видно, и разогнутых пальцев не видел никто, — было простучано верное число; так было дважды. Стуки раздавались в ответ на мою просьбу и тогда, когда мы все убрали руки и немного отодвинулись от стола.

Пока руки и ноги у всех были хорошо видны и *никто не касался стола*, он беспокойно заерзал на месте. Это был тяжелый стол на

четырех ножках, около четырех футов в квадрате. Повинуясь моей просьбе, сначала две ближайшие ко мне ножки, а затем две задние поднялись на восемь-десять дюймов совсем от пола и оставались так несколько мгновений; все это время ни один человек не касался стола. Я отодвинул свой стул подальше, и тогда стол двинулся ко мне — м-р и мисс Л. вовсе его не касались, — и наконец подошел вплотную к креслу, в котором я сидел, и запер меня в нем. Оказавшись таким образом под самым моим носом, стол несколько раз поднимался и позволил мне на ощупь вполне удостовериться, что он совершенно оторвался от пола и что ни одно человеческое существо не имело никакого отношения ни к этому, ни к другим его движениям. Предполагать, что стол двигали невидимые и несуществующие нити, за которые тянул воображаемый сообщник, паривший, должно быть, невидимкой в воздухе, — такую догадку скептики вольны строить, если им угодно.

Впоследствии по моей просьбе м-р и мисс Л. пришли ко мне в Кингстаун, где прежде никогда не бывали, и мы втроем провели сеанс днем, при обилии дневного света, позволявшего мне видеть в комнате все. Вскоре послышались стуки, от слабого тиканья до громких ударов, — не глухие звуки, какие производили бы ноги в комнате, устланной ковром, а ясные и отчетливые, — и ни малейшего движения рук или ног кого-либо из нас троих нельзя было заметить. Вдруг, хотя на столе лежали лишь кончики наших пальцев, тяжелый круглый стол для карточной игры, за которым мы сидели, принялся вскидываться и скакать, точно конь; лапы стола так яростно били в пол, что мне пришлось прекратить это представление, опасаясь за люстру в комнате под нами. Потом я попытался воспроизвести это движение и нашел, что его может

произвести лишь человек, действующий обеими руками и изо всех сил.

Как и в предыдущем случае, сообщения, выстуканные по буквам, были именно такими, какие дал бы сам медиум, — она была методисткой, — серьезными и благочестивыми общими местами.

Все описанное относится к самым ранним моим опытам с физическими явлениями спиритизма, и вместе с позднейшим моим опытом и свидетельствами других лиц, о которых я скажу ниже, оно не оставило в моем уме и тени сомнения в сверхнормальном характере этих проявлений. Теперь вкратце расскажу о самом последнем моем опыте, который случился всего несколько месяцев назад, на Рождество 1915 года.

Доступом на следующий сеанс я обязан д-ру Крофорду — преподавателю машиностроения в Королевском университете и в Техническом колледже Белфаста, ученому с научной подготовкой и степенью доктора естественных наук. Д-р Крофорд уже несколько месяцев исследовал замечательные физические явления, происходившие в небольшом семейном кружке весьма почтенных и толковых рабочих людей в Белфасте. Медиумом была старшая дочь в семье, девушка лет семнадцати по имени Кэтлин. Семья заинтересовалась спиритизмом и год или больше регулярно собиралась на сеансы один-два вечера в неделю, чтобы посмотреть, не удастся ли получить каких-нибудь свидетельств посмертного существования, то есть жизни после телесной смерти. Свои сеансы они превратили в своего рода религиозный обряд, всегда начиная их молитвой и гимнами, и когда наконец явления пришли, невидимых гостей встречали с радостью и почтением. Это были, очевидно, некритичные, простые, честные, добросердечные люди; д-р Крофорд, удостоверившись, что у них

нет ни денежных, ни иных побуждений, вроде желания прославиться, получил позволение — и даже радушное приглашение — провести пристальное и критическое исследование. Это он и сделал, придумав сложные и остроумные приборы для проверки явлений; их он описывает в труде, который вот-вот выйдет в свет. Среди прочего, *inter alia*, он обнаружил, что вес медиума увеличивался по мере того, как уменьшался вес стола или другого поднимаемого предмета.

Мне позволили побывать на вечернем сеансе этой семьи вместе с д-ром Крофордом. Мы сидели вне небольшого семейного кружка; комнату освещало яркое газовое пламя, горевшее в фонаре с большим окошком из красного стекла, который стоял на каминной полке. Комната была маленькая, и, когда наши глаза привыкли к свету, мы ясно различали всех участников сеанса. Они сидели вокруг небольшого стола, взявшись за руки, но никто не касался стола. Очень скоро пошли стуки, и, пока один из нас вслух повторял алфавит, по буквам складывались сообщения. Вдруг стуки стали сильнее, а когда их ободрили, раздался чудовищный удар, сотрясший комнату, — словно кузнечный молот обрушился на наковальню. Жестяная труба, положенная под стол, высунула теперь свой узкий конец под самой столешницей, возле того места, где я сидел. Мне позволили попробовать ее поймать, но она самым забавным образом увертывалась от всех моих попыток; медиум на противоположной стороне сидела совершенно неподвижно, а все по моей просьбе подняли сцепленные руки, так что я видел, что никто не касается трубы, пока она играла со мной в прятки. Слышались звуки, похожие на распиловку дерева, на прыжки мяча, и другие шумы, которые были необъяснимы.

Потом стол начал подниматься от пола дюймов на восемнадцать и так и повис, оставаясь совершенно ровным. Мне

позволили подойти к столу, и я ясно видел, что никто его не касается: участников сеанса отделяло от стола свободное пространство. Я попытался прижать стол книзу, но, хотя напрягал все силы, не смог этого сделать; тогда я влез на стол и сел на него, так что ноги мои не касались пола, и меня раскачивало взад и вперед, пока наконец не сбросило. Затем стол сам собой перевернулся вверх ножками, хотя никто его не касался, и я попытался оторвать его от пола, но не мог сдвинуть с места: казалось, он привинчен к полу. По моей просьбе все участники держали сцепленные руки поднятыми над головой, и я видел, что никто не касается стола; когда я оставил попытки оторвать перевернутый стол от пола, он сам собой снова встал на ножки, без чьей-либо помощи. Затем последовали многочисленные звуки, обнаруживавшие развеселившийся разум, и, после того как каждого из присутствующих приветствовали прощальными стуками, сеанс закончился.

Трудно вообразить, как самый искусный фокусник со сложными приспособлениями мог бы проделать то, что я описал; а здесь была простая семья искренних искателей, в чье уединение я вторгся и которые полгода или больше позволяли д-ру Крофорду причинять им величайшие неудобства, не получая за это решительно никакого вознаграждения.

Но убеждает именно *совокупная* сила свидетельств, идущих из разных мест и от разных свидетелей, — часть из них будет приведена в следующей главе. На возражение о глупом и бессмысленном характере явлений я отвечу позже; здесь же только попрошу читателей представить себе, как немой и невидимый гость, пришедший ночью в дом, стал бы привлекать внимание его обитателей: его попытки вступить в общение были бы очень похожи на стуки и звуки, которые производят эти

невидимые посетители. Что за этими проявлениями стоит невидимый разум — вот все, что мы можем сказать; но это огромное утверждение, и, если его принять, оно разрушает все основание материализма.

Я не настолько глуп, чтобы полагать, будто что-либо сказанное мною заметно изменит общественное мнение или что мое свидетельство выше свидетельства нескольких других наблюдателей или заслуживает большего веса. Но оно, надеюсь, побудит других свидетелей выступить и рассказать о безупречных свидетельствах, какими они располагают, до тех пор пока «мы не принудим возражающего либо признать явления необъяснимыми, по крайней мере для него, либо обвинить исследователей во лжи, в плутовстве или в такой слепоте или забывчивости, которая несовместима ни с каким состоянием ума, кроме полного слабоумия».

Правда, многое из того, что у некоторых спиритуалистов слывет доказательствами, вовсе не заслуживает этого звания и доказывает лишь, как трудно сохранять здравое суждение и неослабное внимание, имея дело с этими темными явлениями. И удивляться тут нечему. Когда кто-либо из нас получил то, что считает неопровержимым доказательством какого-нибудь поразительного события, и тем самым убедился, все мы склонны ослаблять строгость своего исследования и принимать как подтверждающее свидетельство то, что неубежденному постороннему может показаться допускающим совсем иное, более привычное объяснение. *Вначале* все мы исходим примерно из одного и того же уровня; одни, конечно, наблюдают хуже других; иные слишком поспешно делают выводы, и их суждение стоит меньше; но единообразие законов природы есть общий опыт человечества, и человек, который рассказывает нам, что на его

кусте крыжовника растут огурцы, не ждет, что ему поверят, пока он не сможет проверить столь возмутительное утверждение.

ГЛАВА V

ФИЗИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ СПИРИТИЗМА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

✦

«Говоря, что чудо противоречит опыту, мы можем иметь в виду лишь то, что оно непохоже на прежний опыт, или, вернее, непохоже на ту часть опыта, которую собрали, передали потомкам и привели в систему сведущие люди. Но это значит только, что оно совершенно ново и непривычно; и чем больше чудо, тем лучше должно быть свидетельство [в его пользу]».

Генри Сиджвик

Обратимся теперь к некоторым неоспоримым свидетельствам подобных же сверхнормальных явлений, полученным другими очевидцами. В самом обстоятельном разборе этого предмета, какой когда-либо предпринимался, — в статье, напечатанной в «Трудах Общества психических исследований» за 1886 год[1], — миссис Генри Сиджвик, доктор словесности, высказывает собственное убеждение, что, «несмотря на отсутствие того, что можно назвать решающим доказательством существования этих физических явлений за пределами признанных законов природы, все же есть некоторые свидетельства, которых не следует отбрасывать и которые дают достаточное на первый взгляд (*prima facie*) основание для дальнейшего исследования». В пример

миссис Сиджвик приводит тщательные опыты графа де Гаспарена с его собственной семьей и друзьями над движением столов без прикосновения, опубликованные им в Париже в 1854 году; затем свидетельства подобных же явлений, полученные комиссией Диалектического общества в 1870 году; опыты сэра У. Крукса с Д. Д. Хоумом, напечатанные в «Куортерли джорнал оф сайенс» (Лондон, 1874), и рассказ преподобного Стейнтона Мозеса о явлениях, происходивших примерно в то же время при его собственном медиумизме.

[1] «Труды Общества психических исследований», т. IV, с. 72 и далее.

Миссис Сиджвик не повезло в ее собственном долгом опыте с профессиональными медиумами, и все же она заявляет: «Не потому, что я не верю в физические явления спиритизма, а потому, что считаю скорее вероятным, чем невероятным, что подобное иногда случается, меня и занимает оценка свидетельств в их пользу». Нет в мире ни одного скептика, который посвятил бы этому исследованию столько часов, сколько миссис Сиджвик отдала ему лет, и я сомневаюсь, найдется ли исследователь более сведущий, критичный и осторожный, чем эта выдающаяся женщина. Если бы ей посчастливилось увидеть то, что я описал в предыдущей главе, или побывать на сеансах Д. Д. Хоума, ее мнение, осмелюсь думать, не слишком отличалось бы от моего.

Лондонское диалектическое общество состояло из ряда известных людей свободных профессий, и в 1870 году оно опубликовало отчет особой комиссии, назначенной для исследования этих так называемых физических явлений. Комиссия сообщает, что платных медиумов не приглашали: испытуемыми были люди хорошего общественного положения и безупречной честности, не имевшие никакой денежной

заинтересованности. Комиссия отмечает частые стуки, обнаруживавшие невидимый разум, и движение твердых предметов без всякой видимой или известной причины. Однажды члены комиссии встали коленями на стулья, расставленные вокруг большого обеденного стола красного дерева на расстоянии примерно фута от него, и каждый держал руки за спиной; при этих условиях, *при полном свете*, стол несколько раз отчетливо двигался и раскачивался то в одну, то в другую сторону без прикосновения и без всякой возможности прикосновения кого-либо из присутствующих. Раздавались также стуки на полу и на столе — в ответ на просьбу[2].

[2] «Отчет Диалектического общества» (издательство «Бернс и Ко», Лондон), с. 391.

В этом отчете упоминается и много других замечательных сверхнормальных явлений, но входить в дальнейшие подробности нет нужды, ибо и эти результаты, и те, свидетелем которых был я, далеко уступают тому, что получил сэр У. Крукс в своей собственной лаборатории при самых строгих условиях, какие только могло изобрести его непревзойденное экспериментальное искусство.

Сэр Уильям Крукс утверждает, что его опыты доказывают существование следующих явлений, не объяснимых никакой известной силой:

(1) Стуки и ударные звуки разной силы — от едва слышного тиканья до громких глухих ударов; казалось, их производил невидимый разумный деятель.

(2) Движение как мелких и легких, так и больших и тяжелых тел без видимой причины и без прикосновения какого-либо человека.

(3) Изменение веса тел.

(4) Левитация тяжелых предметов без прикосновения какого-либо человека; трижды он видел, как медиум, Д. Д. Хоум, при хорошем свете совершенно поднимался над полом, причем никто его не касался.

(5) Игра музыкальных инструментов без участия человека и при условиях, делающих игру на них обычными средствами невозможной.

(6) Светящиеся явления: он не раз утверждает, что при строгих проверочных условиях видел, как появлялось светящееся облако, которое сгущалось в форму совершенно сложенной руки, а затем вскоре таяло.

(7) Осмысленные сообщения, написанные невидимыми руками, — так называемое «прямое письмо».

(8) Обращение с раскаленными докрасна углями и погружение руки в пылающий огонь без всякого вреда.

(9) Самое поразительное из всего — появлялись призрачные фигуры и лица, а при тщательно продуманных проверочных условиях несколько раз появлялась материализованная прекрасная женская фигура в белом одеянии, настолько реальная, что у нее не только щупали пульс, но и неоднократно фотографировали ее, иногда при свете электрической дуги, а однажды — одновременно с медиумом, находившимся в трансе, и рядом с ним. Медиум был некрасивее, смуглее и заметно ниже ростом, чем эта сверхъестественная гостья, которая появлялась и исчезала в предварительно обысканной, закрытой и запертой комнате в собственном доме м-ра Крукса.

С тех пор как произошли эти почти невероятные явления (многие из них видели не только родные м-ра — ныне сэра Уильяма — Крукса, но и другие лица), сэр Уильям заверял меня, что никакая последующая критика не поколебала его убеждения в их

сверхнормальном характере, ибо тщательные меры предосторожности, которые он принимал, исключали всякую возможность обмана. Более того, сэр Уильям Крукс в своей президентской речи перед Британской ассоциацией в 1898 году имел мужество заявить, что в отношении этих исследований ему нечего брать назад и что он остается при опубликованных им утверждениях.

Что можно сказать об этих чудесах? Они столь чужды обычному опыту, что невольно думаешь: наблюдатель стал жертвой галлюцинации или какого-то ловкого фокуса. В статье, которую я опубликовал вместе с м-ром Ф. У. Г. Майерсом в 1889 году, мы писали, что, по общему правилу, свидетельство ни одного ученого, как бы он ни был выдающимся, не может принудить к всеобщей вере в явления столь невероятные, если их не подтвердят другие заслуживающие доверия исследователи. Так вот, почти для всех явлений, описанных сэром У. Круксом, такое дополнительное свидетельство нашлось.

Так, например, искусный исследователь, профессор Александер из Рио-де-Жанейро, опубликовал в «Трудах Общества психических исследований» за июль 1891 года подробности тщательно поставленных им опытов, которые подтверждают кое-что из засвидетельствованного сэром Уильямом Круксом. В случае профессора Александера медиумом была то одна, то другая из двух маленьких девочек, дочерей его друга, и здесь не только невидимые разумные силы передвигали тяжелые предметы, но и происходило «прямое письмо» при проверочных условиях и при полном свете лампы: невидимая рука писала сообщения на грифельной доске, которой касались только пальцы ребенка, причем почерк был гораздо совершеннее детских каракулей медиума. Затем появились светящиеся явления — сначала

порхающий, игривый огонек, который становился все определеннее, пока маленькие медиумы, по их словам, не увидели фигуру, хотя прочие присутствующие ее не видели. Ясновидение, по-видимому, разделяла собака, которая смотрела вверх и лаяла на фигуру, а в другой раз — младенец, который с изумлением смотрел на невидимую фигуру, указывал на нее и кричал: «Дядя, дядя!» — а под конец сказал: «Нету больше!» Невидимые руки ощущали все участники сеанса — эти руки ласкали присутствующих; и наконец на школьной грифельной доске, покрытой слоем муки, был получен отпечаток крошечной детской ножки, гораздо меньше ноги любого из участников сеанса. Этот краткий рассказ дает лишь несовершенное описание явлений, полученных профессором Александером, и принятых им мер предосторожности, но его довольно, чтобы показать, что независимые и искусные исследователи в разных частях света, с разными сенситивами, получали сходные необычайные результаты[3].

[3] Вопрос о том, нельзя ли объяснить все эти явления, приписав каждому свидетелю грубое и упорное преувеличение, можно отбросить, так как всерьез этого утверждать нельзя; невозможно также отстоять объяснение, основанное на системе трудоемкого и бескорыстного обмана, хотя отдельные случаи такого рода известны. Профессор Сиджвик разобрал этот вопрос («Журнал Общества психических исследований», июль 1894 года); к тому же подобные актеры не только избегают научной проверки, но рано или поздно устают от своего бесцельного обмана, или же их плутовство выходит наружу.

Безусловно, самым замечательным сенситивом, или «медиумом», чьи способности когда-либо исследовались, был м-р Д. Д. Хоум, с которым были проведены многие опыты сэра У. Крукса. И м-р Ф. У. Г. Майерс, и я посвятили немало времени изучению свидетельств в пользу его сверхнормальных дарований, а также выдвинутых против него обвинений в обмане; мы нашли множество слухов о

плутнях, но ни одного доказанного случая обмана. Поэма Роберта Браунинга «Сладж-медиум», в которой, как полагали, он выразил свое мнение о Хоуме, возможно, была написана для того, чтобы умерить восторженное обращение миссис Барретт Браунинг в спиритизм. М-р Майерс лично знал Браунинга и спросил поэта, на чем основано его дурное мнение о Хоуме; Браунинг ответил, что однажды слышал от одной дамы (ныне умершей), будто другая дама, тоже покойная, рассказала ей, что Хоума однажды застали за опытами с фосфором, которым он хотел производить «огни духов». Этому рассказу из третьих рук мы не нашли ни письменного, ни какого-либо иного подтверждения; это была старая история уже тогда, когда ее услышал Браунинг, и, вероятно, она возникла — как и другие сплетни, которые мы проследили до их источника, — из того, что кто-то сказал: «Хоум, должно быть, производил эти огни духов фосфорным маслом, натирая им руки», — чистое предположение, в пользу которого мы не смогли найти ни крупицы доказательств[4].

[4] Другое обвинение против Хоума состояло в том, что он обманными средствами убедил некую миссис Лайон оставить ему свое имущество; это дело привело к тяжбе, проигранной Хоумом. Мы представили это дело видному знатоку права, и тот написал, что порочит ли оно Хоума или нет, зависит от того, верит ли человек в подлинность сообщений, будто бы исходивших от покойного мужа миссис Лайон, который и настаивал на этом даре. М-р У. М. Уилкинсон, известный и честный юрист, и другие свидетели по этому делу заявляли, что миссис Лайон сделала Хоуму этот дар по собственной доброй воле, без всякого недолжного влияния со стороны Хоума. Но, как бы то ни было, эта тяжба не имеет никакого отношения к подлинности психических способностей Хоума.

На деле же Хоум сам добивался самого полного исследования и не возражал против строгих проверок, которым его часто подвергали. Я вполне согласен со словами сэра Уильяма Крукса, хотя сам никогда не имел случая встретиться с Хоумом:

«Я считаю жестоким, что такой человек, как Д. Д. Хоум, одаренный столь необычайными способностями и всегда готовый — более того, жаждавший — предоставить себя в распоряжение людей науки для исследования, прожил столько лет в Лондоне и, за одним-двумя исключениями, никто из людей с весом в ученом мире не счел нужным разобраться, истинно или ложно то, о чем со всех сторон говорили в обществе. Для тех, кто его знал, Хоум был одним из самых милых людей, и его полная искренность и честность были вне всяких подозрений».

В отчете, который м-р Майерс и пишущий эти строки опубликовали в «Журнале Общества психических исследований» за июль 1889 года, мы привели несколько рассказов из первых рук о чудесных явлениях, которые наши осведомители наблюдали в присутствии Хоума.

Приведу сначала свидетельство, данное мне моими друзьями, покойными генералом и миссис Болдеро, из которых ни он, ни она не были спиритуалистами. Мои друзья записали то, что происходило, а свое свидетельство каждый из наблюдателей дал мне устно и независимо от другого. Хоум перед тем гостил у покойного лорда Данрейвена — который издал для частного распространения небольшую книгу с описанием чудесных явлений, виденных им в присутствии Хоума, — и никогда прежде не бывал в доме, где жил в Шотландии генерал, тогда еще полковник, Болдеро, занимавший там высокую военную должность. Вот рассказ, который дал мне генерал Болдеро:

«В конце февраля 1870 года Хоум по приглашению приехал ко мне в гости, в мой дом в Купаре, в графстве Файф. Он прибыл перед самым обедом, а после обеда мы — миссис Болдеро, Хоум и я — сели в гостиной в ожидании каких-нибудь проявлений, которые могли бы произойти. В комнате было совсем светло: горел газ и

ярко пылал камин. Хоум сидел спиной к огню у маленького столика, покрытого скатертью. Я сидел напротив него, а миссис Болдеро — по правую руку от него. Фортепиано и арфа миссис Болдеро стояли в конце гостиной, футах в десяти или двенадцати от нас.

Почти сразу произошли замечательные проявления; вскоре стол передвинулся к фортепиано. Я увидел, как с моей стороны из-под стола показалась рука, отодвигая скатерть, и ударила по клавишам фортепиано. Потом я увидел, как целая рука, до самого запястья, появилась из-под скатерти и стала ударять по клавишам, беря на фортепиано аккорды. В это время Хоум находился на некотором расстоянии, и он физически никак не мог ударить по клавишам. Столь же невозможно было для него сделать это ногой. Я был тогда совершенно уверен, как уверен и теперь, что о плутовстве со стороны Хоума не могло быть и речи. После этого на арфе, стоявшей прямо позади меня, слабо прозвучало несколько аккордов. Мы попросили играть громче, и стуками пришел ответ: „У нас нет силы“. Затем в комнате послышались голоса, говорившие между собой, — судя по интонации, два разных человека. Слов мы разобрать не могли, так как Хоум все время упорно разговаривал с нами. Мы упрекнули его за то, что он говорит, и он ответил: „Я говорил нарочно, чтобы вы убедились, что эти голоса не были следствием моего чревовещания: оно невозможно, когда человек говорит своим естественным голосом“. Голос Хоума был совсем не похож на голоса, звучавшие в воздухе».

Различия и сходства в рассказах мужа и жены поучительны. Когда я прочел генералу следующий рассказ, данный мне миссис Болдеро, он сказал, что там, где есть расхождение, рассказ его жены, вероятно, вернее. Миссис Болдеро сказала:

«28 февраля 1870 года Хоум приехал к нам незадолго до обеда. После обеда мы условились сесть в гостиной за квадратный карточный столик у камина. Через несколько минут мы почувствовали на руках холодную струю воздуха, и раздались стуки. Пришло несколько незначительных сообщений: задавались вопросы, и на них давались ответы. Меня увещевали больше молиться. Послышался шелест платьев, словно в комнате было жесткое шелковое платье. [Генерал Болдеро тоже это помнит.] Мой золотой браслет расстегнулся, пока мои руки лежали на столе, и упал на пол. [Генерал Болдеро подтверждает это.] Меня несколько раз потянули за платье. Кажется, я спросила, нельзя ли сыграть на фортепиано; оно стояло по меньшей мере в двенадцати или четырнадцати футах от нас. Почти тотчас зазвучала тишайшая музыка. Я подошла к фортепиано и открыла его. Тогда я увидела, что клавиши нажимаются, но никто не играет. Я стояла рядом и следила за ним, слыша прелестнейшие аккорды; клавиши, казалось, ударяли какие-то невидимые руки; все это время Хоум был далеко от фортепиано. Затем на моей арфе послышался слабый звук, словно ветер пробежал по ее струнам. Я спросила, нельзя ли играть громче; пришел ответ, что силы недостаточно.

Позже вечером мы отчетливо слышали два голоса, разговаривавших между собой в комнате; голоса, казалось, доносились из противоположных углов, от самого потолка, и, по-видимому, принадлежали мужчине и ребенку, но слов мы различить не могли. Они звучали словно издалека. Хоум все время, пока слышались голоса, разговаривал и объяснил это тем, что не хочет, чтобы его обвинили в чревовещании. Во все время этого сеанса вся комната казалась *живой* от чего-то, и я помню, как думала, что никакое проявление меня не удивит, так как чувствовала, что присутствующая сила может произвести что угодно. Сам Хоум заметил, что у него редко бывал столь удачный сеанс. Все время Хоум, казалось, был живо и вполне искренне

заинтересован всем происходящим на сеансе. Я совершенно уверена, что Хоум никак не мог сам играть на фортепиано; о том, чтобы он к нему прикоснулся, не могло быть и речи. Генерал Болдеро видел руку, игравшую на фортепиано, а я этого не видела».

Генерал Болдеро сообщил мне также, что на другом сеансе с Хоумом он видел, как большой круглый стол, на крышке которого лежали руки участников сеанса, совершенно поднялся над полом на такую высоту, какую только позволяли вытянутые вверх руки участников, а затем плавно опустился. В другой раз стол, на котором стояли стаканы и лампа, наклонился под таким углом, что обычно все упало бы с него, но предметы остались на своих местах. Подобный же случай наблюдали в других местах другие лица; так, приходской священник Эдмонторпа в Ратленде, покойный преподобный Х. Дуглас, человек острого и ученого ума и живого разумения, пишет, что на сеансе с Хоумом в лондонском доме леди Поулетт «все мы видели, как ужинный стол, на котором было множество стекла и фарфора, полного всяких яств, поднялся, я бы сказал, на угол в 45 градусов, причем ничто ни в малейшей степени не соскользнуло, а затем снова вернулся в обычное положение». Мои друзья, покойные лорд и леди Маунт-Темпл, присутствовали при этом и не только подтвердили этот рассказ, но и поведали мне о многих других таинственных явлениях, которые они наблюдали с Хоумом.

Покойный генерал-майор Дрейсон из Королевских инженерных войск письменно сообщил мне кое-что из своих наблюдений над Хоумом: по его словам, он побывал на сеансах Хоума более пятидесяти раз и, хотя сначала был совершенно недоверчив, скоро убедился в подлинности поразительных явлений, которые видел, так как Хоум давал ему полную

возможность для пристального исследования. Генерал Дрейсон говорит: «Я видел, как столы, стулья, ящики и прочее внезапно поднимались в воздух или перемещались из дальних концов комнаты ко мне вплотную; я слышал, как запертое фортепиано в моем собственном доме сыграло музыкальную пьесу. Я видел в присутствии Хоума, в доме покойного сэра У. Гомма, как гармоника носилась по комнате, играя мелодию, хотя ее не держала ни одна видимая рука». Генерал Дрейсон рассказывает и о многом другом, чему был свидетелем, и добавляет: «Разумеется, невозможно подробно изложить все обстоятельства, которые убедили меня, что обман или заблуждение были невозможны, — сеансы проходили большей частью в моем собственном доме, — и которые в конце концов заставили меня отказаться от прежней веры в материализм».

Было бы утомительно приводить и дальше выдержки из обильных свидетельств из первых рук о способностях Хоума, удостоверенных честными и разумными людьми. Есть, однако, два-три необычайных явления, которые Хоум порой показывал и которые заслуживают более чем беглого упоминания; о них пойдет речь в следующей главе.

Эта небольшая книга вышла бы за свои пределы, если бы я стал приводить хотя бы выдержки из множества свидетельств из первых рук, данных многочисленными критически настроенными наблюдателями этих физических явлений, которые были получены через заслуживающих доверия медиумов как в Англии, так и за границей. За дальнейшими свидетельствами особо отсылаю читателя к талантливому труду м-ра Максвелла о метапсихических явлениях. Прежде чем закончить эту главу, следует коснуться другой, менее отрадной стороны предмета, которую показывает пример Эвсапии Палладино — платного

профессионального медиума совсем иного и гораздо более низкого склада, чем Д. Д. Хоум.

В 1894 году сэр Оливер Лодж прочел перед Обществом психических исследований доклад, в котором описал явления, происходившие в его присутствии и в присутствии профессора Шарля Рише из Парижа, когда Эвсапия находилась в уединении на маленьком острове в Средиземном море (остров Рубо), где у профессора Рише была летняя резиденция. После пристального и длительного исследования оба эти ученых убедились в подлинности происходивших явлений, и сэр Оливер опубликовал следующую сводку наблюденных результатов:

«Явления, за которые я особенно хочу поручиться как за наиболее легко и надежно наблюдаемые и как за вполне достаточные сами по себе, чтобы установить истину, не признанную наукой, суть следующие (всегда при условиях, исключающих обычные действия со стороны медиума):

(1) Движения стоявшего поодаль стула, видимого при лунном свете, при обстоятельствах, убедивших меня, что прямой механической связи не было.

(2) Отчетливое и упорное вздувание и видимое движение оконной занавески при отсутствии ветра или иной явной причины.

(3) Завод и передвижение „шале“, к которому никто не прикасался. [Музыкальный ящик для сигар в форме шале.]

(4) Звучание нот на гармонике и фортепиано, к которым никто не прикасался.

(5) Поворот ключа в двери гостиной с внутренней стороны, перенос его на стол и затем возвращение в дверь.

(6) Слышимые движения и постепенное опрокидывание тяжелого стола, к которому никто не прикасался и который стоял позади

медиума, вне круга; а потом этот стол был найден опрокинутым.

(7) Видимое поднятие тяжелого стола при условиях, в которых обычно поднять его было бы невозможно.

(8) Появление синих знаков на прежде чистой поверхности без видимых средств письма.

(9) Хватания, похлопывания и цепкие захваты моей головы, рук и спины, в то время как голова, руки и ноги медиума находились под полным контролем и были далеко от мест прикосновения»[5].

[5] «Журнал Общества психических исследований», т. VI, ноябрь 1894 года, с. 310.

Нет нужды добавлять, что наблюдатели удостоверились: никто другой не имел к этим происшествиям никакого отношения.

Впоследствии, в 1895 году, в Кембридже была проведена серия опытов с Эвсапией, в которых участвовали доктор Ходжсон, профессор Генри Сиджвик, м-р Майерс (все они, увы, уже умерли) и другие; в итоге исследователи нашли то, что показалось им явным доказательством плутовства со стороны медиума. Новые опыты, проведенные немного позднее профессором Рише и м-ром Майерсом после особых мер предосторожности против обмана, привели их к убеждению, что Эвсапия, несомненно, обладает сверхнормальными способностями. Ее подвергли также критической и независимой проверке несколько видных ученых в Италии — в том числе выдающийся криминолог профессор Ломброзо и невролог профессор Морселли из Генуи; эти и другие сведущие исследователи убедились в подлинности необычайных явлений, которые видели. Наконец, трое членов Общества психических исследований, особенно искушенных в распознавании обмана, получили от Общества поручение исследовать этого пресловутого медиума и единогласно

высказались в пользу подлинности сверхнормальных явлений, которые им удалось получить.

И все же, хотя Эвсапия, по-видимому, обладает этими сверхнормальными способностями, она медиум низкого нравственного склада, уличенный в обмане и в Англии, и в Америке, и поэтому я не стал бы участвовать в сеансах с ней. Я упоминаю о ней вообще лишь из-за известности, которую она приобрела, и из-за поучительных психологических и нравственных соображений, на которые наводит ее жизненный путь.

Добавлю лишь, что, отдавая справедливость Эвсапии, а также в подтверждение первоначального отчета сэра Оливера Лоджа, я привел в приложении С более подробный рассказ о благоприятных результатах, полученных через ее медиумизм итальянскими исследователями и другими, вместе с некоторыми замечаниями об этом случае, который, боюсь, слишком часто типичен для платных профессиональных медиумов, дающих сеансы физических явлений.

ГЛАВА VI

ЛЕВИТАЦИЯ И НЕУЯЗВИМОСТЬ ДЛЯ ОГНЯ

✦

«Ничто не мешает науке успешно иметь дело с миром, в котором исходной точкой новых действий служат силы личности... Систематическое отрицание со стороны науки личности как условия событий... может, вполне вероятно, оказаться именно тем изъяном нашей хваленой науки, которому более всего удивятся наши потомки».

Профессор У. Джеймс

Среди множества удивительных явлений, которые, по уверению многочисленных заслуживающих доверия и даже выдающихся свидетелей, они наблюдали у медиума Д. Д. Хоума, есть его левитация, то есть парение в воздухе, подобное чуду, записанному о святой Терезе и о других лицах в еще более отдаленные времена. Еще в 1760 году лорд Элко, по его словам, слышал в Риме, как свидетели под присягой показывали о левитации одного святого человека, которого готовились причислить к лику святых. Тот же факт, как сообщает нам м-р А. Лэнг, записан в буддийских и неоплатонических сочинениях, а позднее — у американских индейцев и в Тонкине, где в 1730 году один священник-иезуит утверждал, что видел это явление, и описал его.

В 1871 году лорд Линдси (покойный лорд Кроуфорд и Балкаррес, член Королевского общества) дал следующее показание, которое подтвердили два других очевидца — покойный граф Данрейвен (тогда лорд Адэр) и капитан Уинн:

> «16 декабря 1868 года я сидел в комнатах лорда Адэра на Эшли-плейс в Лондоне вместе с м-ром Хоумом, лордом Адэром и его кузеном. Во время сеанса м-р Хоум впал в транс и в этом состоянии был вынесен из окна соседней комнаты и внесен к нам через наше окно. Расстояние между окнами было около семи футов шести дюймов, и между ними не было ни малейшей опоры для ног; у каждого окна был лишь выступ не шире двенадцати дюймов, служивший полочкой для цветов. Мы услышали, как в соседней комнате подняли раму, и почти тотчас же увидели Хоума, парящего в воздухе за нашим окном. Луна светила прямо в комнату; я сидел спиной к свету и видел на стене тень подоконника, а над ним, примерно в шести дюймах, ноги Хоума. Несколько секунд он оставался в этом положении, затем поднял раму, скользнул в комнату ногами вперед и сел.
>
> Тогда лорд Адэр пошел в соседнюю комнату взглянуть на окно, из которого Хоума вынесло. Рама была поднята дюймов на восемнадцать, и лорд Адэр выразил удивление, как м-р Хоум мог пройти через такое узкое отверстие. Хоум, все еще в трансе, сказал: „Я вам покажу“, — и, став спиной к окну, откинулся назад, был выброшен в отверстие головой вперед, с окоченевшим телом, а затем совершенно спокойно вернулся обратно. Окно находится приблизительно в семидесяти футах от земли. Высказывалась гипотеза о каком-то механическом приспособлении снаружи — веревках или подпорках, — но она не покрывает фактов в том виде, в каком они описаны».

В статье, помещенной в «Контемпорари ревью» за январь 1876 года, выдающийся физиолог д-р Карпентер, разбирая

приведенный рассказ, говорит, что он показывает, насколько по-разному смотрят на одно и то же событие верующий и скептик: «Целое общество верующих скажет, что видело, как м-р Хоум выплыл из одного окна и вплыл в другое, тогда как единственный честный скептик заявляет, что м-р Хоум все это время сидел в своем кресле». Поскольку единственным присутствовавшим, чье свидетельство не было опубликовано, был капитан Уинн, ему написали, и на вопрос, не опровергал ли он заявления лорда Кроуфорда, он ответил: «В том, что м-р Хоум вышел из одного окна и вошел в другое, я могу поклясться; всякий, кто меня знает, ни на миг не скажет, что я стал жертвой галлюцинации или какого-либо иного надувательства в этом роде». Подобно многим другим полемистам, д-р Карпентер, чтобы подкрепить свою позицию, черпал факты из воображения.

Естественно, однако, предположить, что свидетели, должно быть, ошиблись или находились во власти какого-то возбуждения или галлюцинации чувств. Но нелегко допустить, что трое образованных людей, которым заранее ничего не говорили о том, что им предстоит увидеть, могли все до одного подвергнуться галлюцинации совершенно одинаковым образом: ведь рассказы каждого из них сходятся. Нелегко поверить и тому, что многочисленные свидетели левитации святых и других лиц в прошлые времена и в разных странах, ничего не знавшие друг о друге, точно так же все подверглись галлюцинации; и, как говорит м-р А. Лэнг, «не так-то легко утверждать, будто верование, — в пользу которого совокупность свидетельств столь велика и всеобща, как в пользу веры в левитацию, — было порождено целым рядом святых, колдунов и прочих, высовывавших голову и плечи из окна там, где наблюдатели не могли их видеть, как предположил один скептик».

Другое необычайное явление, о котором сообщают в связи с Хоумом, столь же причудливое, сколь и необъяснимое, — это огромное удлинение его тела, которое иногда происходило, когда он находился в трансе. Многочисленные свидетели этого принимали все меры предосторожности, чтобы не дать себя обмануть, и единодушно утверждают, что это поразительное явление действительно происходило. Мой друг, покойный генерал Болдеро, у которого Хоум гостил в Шотландии, несколько раз видел это, производил точные измерения и уверял меня, что ни обман, ни галлюцинация были невозможны. Неоплатоники сообщают, что нечто подобное в их время случалось с некоторыми «одержимыми» людьми.

Как ни сбивали с толку и как ни были непостижимы некоторые явления, связанные с медиумизмом Хоума, не все они были беспримерны. Так, преподобный Стейнтон Мозес, о котором я уже упоминал, испытал левитацию не менее десяти раз. О высоких нравственных качествах м-ра Мозеса, о его здравом уме и честности м-р Ф. У. Г. Майерс говорит: «ни я сам, ни, насколько мне известно, кто-либо из знавших м-ра Мозеса никогда не питал ни малейшего сомнения». Я лично знал м-ра Мозеса много лет и, подобно другим его друзьям, считаю, что он был совершенно неспособен на обман. М-р Кокс, юрист в звании серджента, сам не спиритуалист, рассказывает, что однажды, когда м-р Мозес был у него в доме, *при ярком дневном свете* большой и очень тяжелый обеденный стол красного дерева — чтобы сдвинуть его, требовались усилия двух сильных мужчин — вдруг сильно закачался взад и вперед, а затем поднялся, или накренился, на несколько дюймов над полом, сначала одной стороной, потом другой.

По столу, не покрытому скатертью, раздавались также частые громкие стуки, а свет падал под стол, так что было видно, что под ним никто не спрятан. Собственно, адвокат Кокс и м-р Мозес были единственными людьми в комнате; оба стояли фута на два от стола, по обе его стороны, не касаясь стола руками, а держа их дюймах в восьми над ним. Весь этот случай был опубликован адвокатом Коксом и описан им м-ру Фреду Майерсу, чей подробный отчет о чудесах, происходивших при медиумизме м-ра С. Мозеса, стоит внимательно прочесть[1].

[1] «Труды Общества психических исследований», т. IX, с. 245–352.

В другой раз, когда м-р Мозес был в доме одного своего друга, детский органчик, стоявший на столе, поднялся и поплыл по комнате, все время играя под действием какой-то невидимой силы. Стул, на котором сидел м-р Мозес, вдруг протащило через всю комнату и повернуло лицом к стене, хотя к стулу никто не прикасался; затем та же невидимая сила плавно подняла со стула и самого м-ра Мозеса и поднимала его до тех пор, пока голова его не оказалась у самого потолка; поскольку он был близко к стене, он провел на ней карандашом черту на уровне своей груди; затем его снова опустило на стул; при измерении черта оказалась на высоте более шести футов от пола. Все факты были записаны тогда же, и описаны еще более поразительные случаи его левитации; м-р Мозес не поощрял этих проявлений, которые, однако, продолжались еще некоторое время.

Но вернемся к Хоуму. Подобно отрокам в вавилонской печи огненной, Хоум в трансе оставался невредим от огня. Приведу здесь слова м-ра А. Лэнга, уделившего много внимания предмету «хождения по огню»:

«Многие люди в разные века, как говорят, брали в руки огонь или проходили сквозь него не только не испытывая боли, но и без всякого повреждения кожи. Ямвлих упоминает об этом среди особенностей своих „одержимых“; а в „Современной мифологии“ (1897) я собрал свидетельства из первых рук об этом подвиге в классической древности, а также в Индии, на Фиджи, в Болгарии, на Тринидаде, в Стрейтс-Сетлментс и во многих других местах. Это свидетельства путешественников, чиновников, миссионеров и других лиц, подкрепленные (чего бы ни стоило свидетельство фотографии) снимками этого действа. Держать в руке раскаленные угли и передавать эту способность другим входило в *репертуар* Хоума. Лорд Кроуфорд видел это восемь раз и сам получил из руки Хоума раскаленный уголь без всякого вреда. Один мой друг, однако, до сих пор носит волдырь от ожога, полученного при этом. Далее следует свидетельство сэра У. Крукса:

„По просьбе м-ра Хоума, когда он был в трансе, я прошел с ним к камину в задней гостиной. Он [сила, управлявшая Хоумом] сказал: «Мы хотим, чтобы вы особенно внимательно следили за тем, что делает Дэн [то есть Хоум]». Соответственно я встал у самого огня и наклонился к нему, когда он погрузил в огонь руки… Затем м-р Хоум два-три раза помахал платком в воздухе, поднял его над головой, а потом сложил и положил себе на ладонь, как подушечку. Сунув другую руку в огонь, он вынул большой кусок полусгоревшего угля, раскаленный докрасна в нижней части, и положил его раскаленной стороной на платок. При обычных обстоятельствах платок вспыхнул бы. Примерно через полминуты он снял уголь с платка рукой, сказав: «Так как сила невелика, то, если оставить уголь дольше, он прожжет». Затем он положил уголь себе на ладонь и принес его к столу в передней комнате, где все, кроме меня, оставались сидеть“».

Мы располагаем не только свидетельством сэра У. Крукса: бывший президент Королевского общества, покойный сэр У. Хаггинс, кавалер ордена «За заслуги», видел тот же подвиг Хоума и подробно рассказал мне о нем. Рассказывал мне и м-р С. К. Холл, присутствовавший в другой раз, когда раскаленный добела уголь положили ему на голову и собрали над ним его седые волосы; но, как он мне сказал, он не почувствовал никакого жара, и волосы его остались совершенно невредимы.

Различные другие очевидцы сообщали мне, что видели, как м-р Хоум безнаказанно брал в руки раскаленные угли; среди прочих проницательный и способный стряпчий, покойный м-р У. М. Уилкинсон, пишет мне из Линкольнс-Инн-Филдс в Лондоне, что зимой 1869 года —

> «Я видел, как м-р Хоум вынул из камина в нашей гостиной раскаленный уголь, чуть меньше крикетного мяча, и носил его взад и вперед по комнате. Он сказал присутствовавшему лорду Адэру — ныне графу Данрейвену: „Не возьмете ли его у меня? Он вам не повредит“. Лорд Адэр взял у него уголь и держал в руке около полуминуты, и прежде чем он бросил его обратно в огонь, я поднес руку близко к углю и почувствовал жар, как от горящего угля».

Невозможно объяснить это каким-нибудь огнеупорным веществом, тайком нанесенным Хоумом на кожу, ибо сэр У. Крукс, выше которого нельзя назвать авторитета в химии, говорит нам, что не знает ни одного химического состава, способного на это; более того, он говорит, что тщательно осмотрел руки Хоума после того, как тот носил по комнате горящий уголь, и не увидел ни ожога, ни какого-либо состава на коже, «которая, — замечает он, — была мягкой и нежной, как у женщины».

Эти явления слишком грубы и осязаемы, чтобы объяснять их неточностью описания или невнимательностью наблюдателей. Либо наблюдателям лишь *казалось*, что они видели происходившее, — то есть это была коллективная галлюцинация, — либо действительно совершилось какое-то чудесное проявление. Ибо все попытки объяснить случившееся ловким фокусничеством со стороны Хоума потерпели полную неудачу. Знатоки фокусов, к чьему мнению обращались, как бы мало они ни верили в притязания Хоума, предпочитают отвергать свидетельства огулом, нежели пытаться объяснить эти замечательные записи.

Можем ли мы отвергнуть свидетельства — не потому, что свидетели сознательно лгали, во что невозможно поверить, а потому, что они были жертвами галлюцинации? В Нанси и в других медицинских школах, где гипнотическое внушение применяется для лечения, неизменно обнаруживается, что даже лучшие испытуемые заметно различаются по внушаемости: один видит внушенный предмет яснее другого и не совсем таким, каким видит его другой. Но при этих чудесах, записанных о Хоуме, свидетели не были гипнотическими испытуемыми, все они воспринимали одно и то же, и лишь изредка получали от Хоума какое-либо внушение относительно того, что должно произойти. Присутствовавшие описывают проявления как внезапные, поразительные и обычно ничем не предваренные.

Если объяснение — внушение со стороны Хоума, то оно должно было быть чисто *мысленным*; и как ни трудно предположить, что все присутствующие одинаково поддаются *словесному* внушению, трудность неизмеримо возрастает, когда мы допускаем невысказанное мысленное внушение, действующее одинаково на всех зрителей[2]. Нельзя забывать и того, что

свидетели в некоторых случаях были Хоуму совершенно чужими людьми, вполне сознавали возможность галлюцинации и были настороже против нее[3].

[2] В «Трудах Общества психических исследований», т. XII, с. 21, интересная статья м-ра Барроуза показывает, что мысленное внушение без гипноза может действовать на расстоянии на разных людей; но воздействию подвергается лишь *один человек*, а в случае Хоума нам приходится допустить *коллективную* галлюцинацию, созданную невысказанным внушением, чему у нас нет опытного доказательства, хотя, признаю, это самая правдоподобная гипотеза для явлений, описанных в этой главе.

[3] Читателю, желающему узнать больше о поразительной деятельности Хоума, следует прочесть два тома «Случаев из моей жизни» Д. Д. Хоума или превосходное повествование мадам Данглас Хоум под названием «Дар Д. Д. Хоума» (издательство «Киган Пол, Тренч и К°»).

Маловероятно и то, что все отдельные случаи левитации, записанные в истории, можно объяснить и отмести. Тереза была не единственной святой, о левитации которой сохранились записи. В «Деяниях святых» (*Acta Sanctorum*) подобные явления приписываются более чем сорока святым и другим лицам и, как сказано там, засвидетельствованы толпами их современников. Считалось, что епископ Валенсийский чудесным образом несколько часов держался в воздухе и что таким его видели его клир и множество других людей. В сущности, если мы не отвергнем всех прошлых и нынешних записей об этих явлениях, то предлагаемые объяснения принять так же трудно, как и сами чудеса.

Далее, и от древних, и от недавних времен мы располагаем свидетельствами из первых рук о *самопроизвольном* возникновении многих физических явлений, подобных тем, что были описаны в предыдущей главе. Без всякого предупреждения по комнате летают мебель и посуда, беспрестанно звонят

колокольчики, происходят всевозможные беспорядки — и все это без какой-либо видимой причины, а все попытки поймать предполагаемого шутника неизменно терпели полную неудачу. Многочисленные свидетели, которых я лично подробно расспрашивал, уверяли меня, что видели, как это происходило при ярком дневном свете или при обильном искусственном освещении, и никто не касался вещей, которые двигались или летали по комнате, и даже не приближался к ним. Я опубликовал обширную статью о свидетельствах в пользу этих явлений *полтергейста*, как их называют, и в моем собственном уме нет ни малейшего сомнения в реальности и сверхнормальном характере этих явлений, по видимости лишенных всякого смысла[4].

[4] См. «Труды Общества психических исследований», т. XXV, с. 377, а также «Психические исследования» (серия «Домашняя университетская библиотека»), гл. 13.

Все, что мы можем пока делать, — это собирать новые свидетельства и воздерживаться от догадок о цели этих странных и, казалось бы, бесцельных происшествий, которые, по-видимому, не имеют ни малейшей нравственной или религиозной ценности. Научную и философскую ценность они, несомненно, имеют, что должно быть очевидно всякому вдумчивому читателю.

ГЛАВА VII

О НЕКОТОРЫХ БОЛЕЕ СПОРНЫХ ЯВЛЕНИЯХ СПИРИТИЗМА: ЭКТОПЛАЗМА, «ПРЯМОЙ ГОЛОС», МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ, ФОТОГРАФИРОВАНИЕ ДУХОВ, АУРА

✦

«Лелея как жизненное начало безграничный дух исследования и пылкость ожидания, разум освобождает ум от всякого рода предрассудков… остерегаясь лишь восторженности и самообмана посредством привычки к строгому исследованию… Свойство истинного философа — надеяться на все, что не невозможно, и верить всему, что не противно разуму».

Сэр Джон Гершель, «Рассуждение о натуральной философии», разд. 5

Есть еще некоторые стороны спиритических явлений, о которых я не упоминал на предыдущих страницах, потому что свидетельства в их пользу менее убедительны. Мнение некоторых исследователей психических явлений даже неблагоприятно для их подлинности или по меньшей мере для их сверхнормального характера. Я имею в виду предполагаемые «прямой голос» и «прямое письмо», то есть речь и письмо так называемого, *soi-disant*, духа, который не управляет мышцами медиума и никак

ими не пользуется. К этому можно добавить перенос материальных предметов без участия человека — «апорты», как их называют. Далее, есть предполагаемые случаи «фотографирования духов», когда на фотографической пластинке, как говорят, появляются изображения людей, как умерших, так и живых, а также светящиеся пятна, без всякой соответствующей объективной или известной причины. Все эти явления — как и явление предполагаемой материализации части или всего облика духа (о которой говорилось в главе V), — сравнительно редки и потому менее доступны критическому исследованию.

Что касается моего собственного опыта, то я неоднократно наблюдал все эти редкие явления, но почти всегда у платных профессиональных медиумов, и обычные условия были таковы, что не позволяли получить убедительных доказательств. Тем не менее я отношусь к этим спорным явлениям совершенно непредвзято; и пойду даже дальше, ибо в некоторых случаях, которые я исследовал, отрицать их подлинный сверхнормальный характер было очень трудно.

Что касается «прямого голоса» и «прямого письма», то много лет назад у меня было несколько сеансов в доме моего друга, покойного м-ра Доусона Роджерса, с одной дамой-медиумом, его знакомой, у которой происходили оба этих явления. Результаты были замечательны и получены при условиях, которые были бы вполне удовлетворительны, если бы было достаточно света (а его не было), чтобы составить окончательное суждение.

В главе V уже упоминалось прямое письмо, полученное профессором Александером, которого хорошо знал м-р Майерс. В этом случае сеанс проходил при полном свете, а медиумом была юная дочь личного друга профессора, который говорит, что «никто не мог бы писать, не будучи тотчас же уличен»; тем не

менее несколько раз на грифельной доске, на которую положили маленький кусочек грифеля, появлялось письмо, выведенное невидимой рукой («Труды Общества психических исследований», т. VII, с. 181). Очень трудно отмести и другие случаи прямого письма, например приведенные д-ром Уолтером Лифом («Труды Общества психических исследований», т. XIX, с. 400), и многочисленные случаи, когда оно происходило у преподобного Стейнтона Мозеса, приведенные в отчете м-ра Майерса о наблюдениях над этим одаренным медиумом, который был опубликован в «Трудах Общества психических исследований», т. IX и XI.

Сэр У. Крукс описывает замечательную попытку «прямого письма» невидимой рукой, происходившую при медиумизме м-ра Д. Д. Хоума. Сеанс проходил *при свете* в доме самого Крукса, и присутствовали лишь несколько близких друзей. Сэр У. Крукс, попросив дать письменное сообщение, рассказывает:

> «На середине стола лежали карандаш и несколько листков бумаги; вскоре карандаш поднялся на острие и, продвинувшись нерешительными толчками к бумаге, упал. Затем он поднялся и снова упал. В третий раз он попытался, но не с лучшим успехом. После этого небольшая деревянная планка, лежавшая на столе, скользнула к карандашу и поднялась на несколько дюймов над столом; карандаш снова поднялся и, опершись на планку, вместе с ней сделал попытку провести черту на бумаге. Он упал, и затем совместная попытка была сделана снова. После третьей попытки планка отступилась и вернулась на свое место, карандаш остался лежать поперек бумаги, как упал, и сообщение, переданное по алфавиту, сказало нам: „Мы пытались сделать то, о чем вы просили, но наша сила истощилась“»[5].

[5] Сэр У. Крукс, «Исследования явлений спиритизма», с. 93.

Так как это происходило при свете, под пристальным наблюдением сэра У. Крукса и в его собственной комнате, ни обман, ни галлюцинация не могут разумно объяснить случившееся.

С известным профессиональным медиумом Слейдом у меня было много сеансов сорок лет назад, и я получил то, что выдавалось за прямое письмо духов, на моей собственной помеченной грифельной доске, при полном дневном свете и при условиях, которые, несомненно, делали трудновообразимым любое объяснение обманом или ошибкой наблюдения. Я убежден, что Слейд обладал подлинными сверхнормальными способностями; в этом едва ли можно сомневаться, прочитав отчеты, приведенные «М. А.» (Oxon) в его книге «Психография» или Целльнером в его «Трансцендентальной физике». Однако столь же верно и то, что, подобно многим другим профессиональным медиумам, он прибегал к плутовству и был уличен в мошенничестве в нашумевшем деле, разбиравшемся в лондонском суде.

Хотя свидетельства против Слейда в этом деле были пристрастны и слабы, все же очевидно, что мы должны относиться с величайшим сомнением ко всем явлениям, полученным через любого медиума, чье прошлое не вполне безупречно. Более того, как убедительно показали д-р Ходжсон и м-р С. Дж. Дэви в «Трудах Общества психических исследований», т. IV, искусному фокуснику очень легко подделать то, что многие считали подлинными сверхнормальными явлениями, вроде тех, что происходили у Слейда, Эглинтона и других профессиональных медиумов. В том же томе «Трудов» помещена и критическая статья миссис Г. Сиджвик о ее опыте спиритических сеансов,

которую вместе с последовавшим обсуждением следует прочесть всякому исследователю.

Что касается «прямого голоса», то это была обычная форма, в которой приходили сообщения у одной известной американки-медиума, с которой у меня было несколько сеансов. Здесь, однако, была полная темнота, хотя к ней она прибегала не всегда. Через говоривший голос будто бы приходили замечательные свидетельства, удостоверявшие тождество говорившего с умершими друзьями, совершенно неизвестными медиуму, а в некоторых случаях — на языках, медиуму неизвестных. Но и здесь медиум не была свободна от подозрений, а потому для критически настроенного постороннего эти свидетельства не могут иметь той ценности, какую придавали им многие участники сеансов.

Более замечательны световые явления, сопровождавшие медиумизм Д. Д. Хоума, преподобного Стейнтона Мозеса и других; их наблюдали при столь строгих условиях, что их нельзя отбросить как обман. Огоньки, носящиеся по комнате, и плавающие светящиеся пятна я наблюдал часто, а однажды, в мастерской покойного м-ра У. де Моргана, видел и «материализованный» бюст, при условиях, казавшихся превосходными, но неизбежная темнота комнаты заставила меня счесть это свидетельство неубедительным. Вот, однако, запись сэра У. Крукса, который, разумеется, принимал все меры предосторожности, чтобы его не обманули с помощью фосфорного масла или иными средствами; более того, при всех своих химических знаниях и искусстве он не смог воспроизвести это явление искусственно. «При самых строгих проверочных условиях», — говорит сэр У. Крукс:

«Я видел, как твердое самосветящееся тело величиной и почти формой с индюшиное яйцо бесшумно плавало по комнате, одно время выше, чем мог бы достать кто-либо из присутствующих, встав на цыпочки, а затем плавно опустилось на пол. Оно было видно более десяти минут и, прежде чем угаснуть, трижды ударило по столу со звуком, как от твердого плотного тела. Все это время медиум лежал, откинувшись в покойном кресле, по-видимому, без чувств».

Еще более поразительные результаты «материализации» рук духов или всего тела, записанные сэром У. Круксом (см. главу V), и по сей день остаются совершенно необъяснимыми.

Все эти явления м-р Майерс назвал *эктоплазмами*, приспособив слово, предложенное профессором Охоровичем из Варшавы, чьи ценные исследования спиритизма, подтверждающие сказанное, я не имею места описывать[6]. Под *эктоплазией* понимается способность образовывать вне тела медиума сгущение жизненной энергии, или оживленной материи, которое временно действует так же, как тело, из которого оно извлечено, так что возникают видимые, слышимые или осязаемые явления, подобные человеческим. Это очень похоже на гипотезу психической силы под новым именем (см. главу IX).

[6] Желающие получить более полные сведения об этих явлениях могут обратиться к «Человеческой личности», т. II, с. 544 и далее, или к «Космическим связям» м-ра Генри Холта, т. I, с. 149 и далее.

Что касается «апортов», то те, которые я наблюдал у профессиональных медиумов, были неубедительны, а одного известного медиума, ныне покойного, я поймал на явном плутовстве. Но один мой друг, сидевший с несколькими друзьями за городом, без всякого профессионального медиума, подробно рассказал мне об «апорте», доставленном из его собственного

дома в Лондоне, который показался ему столь убедительным и столь необъяснимым, что я подробно описал этот случай в «Лайте». Это была одна из серии статей, которые я написал для этого журнала в 1881 году под общим заглавием «Оправдательные документы» (*Pièces justificatives*), в пользу создания Общества психических исследований.

Обращусь теперь к спорному вопросу о предполагаемом «фотографировании духов». Миссис Генри Сиджвик, тщательно изучившая этот вопрос, пришла к заключению, что предполагаемые случаи появления умершего на фотографической пластинке были либо умышленным обманом, либо допускали нормальное объяснение[7].

[7] См. «Труды Общества психических исследований», т. VII, а также «Журнал Общества психических исследований», т. V, где этот предмет обсуждается.

Со времени исследования миссис Сиджвик произошли другие случаи, которые на первый взгляд, *prima facie*, кажутся необъяснимыми ни одним из этих способов. Например, д-р Хислоп опубликовал обширную статью на эту тему в «Трудах Американского общества психических исследований», приведя воспроизведения многочисленных фотографий, которые, по-видимому, свидетельствуют о сверхнормальном происхождении, хотя, думаю, он согласится со мной, что эти свидетельства далеко не окончательны.

Оставляя, со своей стороны, вопрос о фотографировании духов открытым, я могу рассказать здесь об очень любопытном и интересном случае предполагаемой фотографии духа, который несколько лет назад я подверг тщательному исследованию и опыту. Леди К., родственница одного моего друга, сняла на лето загородный дом покойного лорда Комбермира — Комбермир-Эбби в Чешире. Библиотека в этом доме была прекрасной

комнатой, обшитой деревянными панелями, и мисс К. (как она тогда звалась) очень хотелось ее сфотографировать. Поэтому, установив свою камеру под пластинки половинного формата на штатив в удобном месте — напротив пустого резного дубового кресла, в котором всегда сиживал лорд Комбермир, — она вскрыла в темной комнате *новую* коробку фотографических пластинок, вложила пластинку в кассету и, наведя камеру на резкость, вставила и экспонировала пластинку. Проявляя пластинку сама, она с изумлением обнаружила на ней фигуру безногого старика, сидящего в резном дубовом кресле.

Вскоре после этого выяснилось, что лорд Комбермир умер от несчастного случая, приключившегося с ним в Лондоне, и что его хоронили в семейном склепе, в нескольких милях от его загородного дома, в то самое время, когда делался снимок. Это любопытное совпадение обнаружилось уже после того, как снимок был проявлен, и навело на мысль: не походит ли призрачная фигура на покойного лорда?

Тогда-то мне и сообщили эти факты, и я получил отпечаток с фотографии. Я написал членам семьи лорда Комбермира и послал им снимок. Фигура была несколько неясной, и мнения о сходстве разошлись; в целом сочли, что она на него похожа, особенно своей своеобразной позой, привычной для него, когда он сидел в своем кресле.

В ответ на мои расспросы мисс К. сообщила мне, что выдержка была долгой, около 15 минут, и что во время экспонирования пластинки она ненадолго выходила из пустой комнаты. Я счел возможным, что кто-то из слуг вошел и сидел в кресле, пока не услышал, что мисс К. возвращается. Поэтому я проверил это предположение фотографическим опытом. Открыв пластинку половинного формата в обшитой панелями библиотеке в доме

моего друга, покойного м-ра Тайтуса Солта, у которого я тогда гостил, я попросил его старшего сына, тогда еще юношу, войти в комнату, сесть в дубовое кресло, положить ногу на ногу и снова снять ее, слегка подвигать головой, а затем выйти из комнаты.

Так и было сделано, и мы вместе проявили снимок; и вот — на нем вышел почти двойник комбермирской фотографии: смутный, довольно пожилой человек без ног, сидящий в кресле, и никаких следов того, что кто-то входил в комнату или выходил из нее. Я написал статью обо всем этом деле и опубликовал ее, с воспроизведением обеих фотографий, в «Журнале Общества психических исследований» за декабрь 1895 года.

Я думал, что на этом дело и кончилось и что так называемым, *soi-disant*, лордом Комбермиром был молодой лакей; но оказалось, что мисс К. и некоторые другие члены семьи решительно не согласны с моим мнением. Они подробно расспросили своих слуг и имели основания считать, что лакей и другие, отрицая, будто заходили в комнату в то время, когда шла выдержка, говорили совершенно правдиво и прямо.

Некоторое время спустя одна моя статья, появившаяся в «Вестминстер газетт» и содержавшая упоминание об этой фотографии, принесла мне следующее письмо от одной из родственниц лорда Комбермира по браку, открывшее мне факт, о котором я прежде не знал.

> «Милостивый государь! Прочитав вашу интересную статью о сверхнормальном в „Вестминстер газетт“ от 9-го числа сего месяца, не могу удержаться, чтобы не добавить одну подробность к рассказу о предполагаемой фотографии духа лорда Комбермира.
>
> Вы говорите, что он не лишился ног; но он умер от несчастного случая, при котором они были так сильно повреждены, что он никогда больше не смог бы ими пользоваться. Переходя улицу в

Найтсбридже, он попал под телегу и прожил после этого всего несколько недель.

Лорд Комбермир был моим свекром, и я несколько лет жила с ним в Эбби и с большим интересом прочла письменный рассказ мисс К —— о фотографии, который она мне дала. Лицо всегда казалось слишком неясным, чтобы вполне убедить *меня*, хотя некоторые из его детей нисколько не сомневались в тождестве. Могу добавить, что никто из слуг в доме ни в малейшей степени не походил на эту фигуру, все они были молодые люди; а все работники со двора были на похоронах, которые происходили в церкви в четырех милях оттуда в то самое время, когда делался снимок. Я привожу вам доводы за и против, *pour et contre*, совершенно беспристрастно, так как сама не убеждена ни в том, ни в другом.

Искренне ваша
Джейн С. К——».

На этом я оставляю дело, разделяя мнение миссис К.

И покойный м-р А. Р. Уоллес, кавалер ордена «За заслуги», и м-р У. Т. Стед, а с ними и некоторые другие исследователи в Англии и за границей, были убеждены в подлинности и правдивости фотографирования духов; но подделать фотографию двойной экспозицией и иными способами так легко и существует столько случайных причин, придающих призрачным изображениям правдоподобие, *vraisemblance*, что нам нужны гораздо более убедительные свидетельства на этот счет, чем получены до сих пор.

В заключение могу мимоходом упомянуть об «одическом свете» барона Рейхенбаха и об «ауре» вокруг человеческого тела. В таких явлениях нет ничего немыслимого; более того, некоторые опыты, которые я много лет назад провел в этом направлении,

заставили меня думать, что Рейхенбах не ошибался. Но меня больше занимало предполагаемое свечение, которое, по заявлению Рейхенбаха, его сенситивы видели вокруг полюсов магнита и которое в 1883 году я взялся исследовать.

Для этого нужно было устроить совершенно темную комнату и испытать большое число людей, каждый из которых должен был пробыть в этой затемненной комнате не менее получаса, чтобы глаза стали достаточно чувствительны к любому слабому свечению. Когда это было сделано, нашлись двое или трое сенситивов, которые отчетливо видели свечение и смогли обнаружить положение искусственного магнита, который я без их ведома спрятал в темной комнате. Затем был испытан мощный электромагнит, причем были приняты тщательные меры, чтобы исключить всякое бессознательное внушение или телепатическое влияние, а также возможность уловить слабый звук, сопровождающий намагничивание: этот звук надлежащими средствами подавлялся.

Вернувшись к дневному свету, сенситивы тотчас зарисовывали то, что видели; их рисунки, сделанные независимо друг от друга, совпадали, и я опубликовал результаты как в официальном научном журнале «Философикал мэгэзин» за апрель 1883 года, так и в «Трудах Общества психических исследований» за тот же год. Тем не менее, хотя сам я вполне убежден в существовании этого свечения, свидетельства нуждаются в дальнейшем подтверждении, прежде чем научный мир сможет их принять[8]. Никакого следа фотографического отпечатка этого предполагаемого свечения получить не удалось даже при долгой выдержке на чрезвычайно чувствительных пластинках, а также после того, как я последовал советам покойного сэра Уильяма

Хаггинса, кавалера ордена «За заслуги», который проявлял к этому делу большой интерес.

[8] Покойный граф Кроуфорд, тогда лорд Линдси, проводил подобные опыты, поначалу с сомнительным успехом; но с медиумом Хоумом в 1871 году, по словам лорда Линдси, он получил ясное доказательство существования этого свечения, исходившего от полюсов большого постоянного магнита, который он спрятал в темной комнате.

Во всех этих любопытных и спорных психических явлениях трудность состоит в том, чтобы найти сенситива, чей организм обладает той особой и необходимой предрасположенностью, которая позволяет ему стать в одних случаях (как лозоходцу, или искателю воды) ясновидящим, в других — медиумом для физических явлений или автоматического письма. Это возвращает нас к интересной психологической задаче медиумизма, которая рассматривается в другой главе и станет плодотворным полем для экспериментальной психологии в следующем поколении.

ЧАСТЬ III

ГЛАВА VIII

ПРАВИЛА ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ПСИХИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

✦

«Ничто не может уничтожить силу свидетельского показания ни в каком случае, кроме доказательства или вероятности того, что свидетели не способны здраво судить о фактах, о которых они свидетельствуют, или что, давая показание в данном частном случае, они в действительности находятся под каким-то посторонним влиянием. Пока это не установлено, показание должно быть принято».

Епископ Батлер. «Аналогия», ч. II, гл. 7

Вряд ли можно ожидать, что те, кто ни разу не был свидетелем ни одного из явлений, о которых мы говорили, смогут поверить в них вполне или хотя бы отчасти. Естественная и вполне законная сдержанность ума всегда сопутствует восприятию свидетельств, противоречащих общему опыту человечества. Даже сэр У. Крукс пишет, что, припоминая подробности виденного, он ощущает в своем уме борьбу между рассудком, с одной стороны, и свидетельством своих чувств, подтвержденным свидетельством других присутствовавших очевидцев, — с другой. И все же, как утверждает Рид в своем опыте «О разуме» и как знают юристы, ни один защитник не решился бы выставить довод, будто мы не

должны доверять показаниям, данным под присягой достойными доверия очевидцами, потому что утверждаемое ими невероятно; мало кто из судей стал бы слушать подобную речь.

Но, вопреки всякой логике, мы сознаем, что

> «События могут быть столь необычайны, что их едва ли возможно установить свидетельскими показаниями. Мы не поверили бы человеку, который стал бы утверждать, будто видел, как сотню игральных костей подбросили в воздух и все они упали одной и той же гранью кверху. Будь мы сами очевидцами подобного события, мы не поверили бы собственным глазам, пока не исследовали бы самым тщательным образом все обстоятельства и не убедились бы, что здесь нет ни фокуса, ни обмана. После такого исследования мы не поколебались бы признать его, несмотря на всю его крайнюю невероятность, и никто не стал бы прибегать к предположению о нарушении законов зрения, чтобы его объяснить. Это показывает, что вероятность неизменности [признанных] законов природы в нашей оценке превосходит всякое иное свидетельство. Отсюда можно судить, какой вес должны иметь показания, чтобы доказать приостановку действия этих законов, и как обманчиво в подобных случаях применять обычные правила доказательства».[1]

[1] Лаплас. «Философский опыт о вероятностях», с. 76.

Поэтому Бертран в своем «Трактате о сомнамбулизме» говорит о родственных изумительных явлениях, что хотя, выслушав веские свидетельства, мы можем заключить, что есть достаточные основания им верить, «все же по-настоящему *веришь* в них, лишь *увидев* их». Мы можем допускать ограниченную веру, умеренную скептицизмом, но безоговорочное признание чудес, древних или новых, требует либо собственного опыта подобных же чудес, либо безусловной веры не только в мудрость, но и в строгую точность и

нравственное достоинство человека, который их удостоверяет, — по сути, внутреннего свидетельства нашей духовной природы в пользу того, что иначе было бы невероятно. Впрочем, позиция, занятая апостолом Фомой в Евангелиях, не оправдывает презрительного отношения многих скептиков. Совершенно не философично высмеивать или *отрицать* хорошо засвидетельствованные явления потому, что они необъяснимы. В подтверждение можно было бы привести Лапласа, Аберкромби, Гершеля и многих других, но нет нужды доказывать столь очевидное положение. Только «чем труднее, по-видимому, допустить факты, тем тщательнее должно быть внимание, которое мы уделяем их исследованию».

Это подводит меня к вполне законной позиции, которую занимают многие и которая оправдана осторожностью, отличающей всякое здравое продвижение знания. Она состоит в том, что предварительная невероятность этих явлений столь велика, они столь далеки от общего опыта человечества и, более того, заключают в себе представления, столь мало связанные с нашим нынешним научным знанием, что, прежде чем принять их, мы должны располагать в их пользу не просто свидетельствами, а свидетельствами неопровержимыми.[2]

[2] В статье «О ценности свидетельства в делах необычайных» м-р Ч. К. Мэсси вслед за доктором А. Р. Уоллесом доказывал, что предварительная невероятность события равнозначна просто невероятности того, что появятся утвердительные свидетельства, достигающие определенной меры внутренней ценности, и потому исчезает, как только такие свидетельства появляются; так что предубеждение против факта, лежащего за пределами нашего опыта, никогда не должно мешать принятию и оценке свидетельств в его пользу. Отсюда (согласно этому взгляду) мы должны отвергнуть общепринятое положение, будто «невероятность» оправдывает требование необычайного количества свидетельств, и принимать в расчет скорее *положительную* презумпцию, которую дает опыт: наилучшее человеческое свидетельство, после учета всех

источников ошибки в данном частном случае, встречается лишь там, где действительно существует факт, о котором свидетельствуют.

В своей президентской речи перед Обществом психических исследований в 1889 году профессор Г. Сиджвик обстоятельно рассмотрел «Правила доказательства в психических исследованиях» и сказал о них последнее слово.

Это здравый смысл и, очевидно, необходимость. Такие неоспоримые свидетельства я и постарался представить моим читателям, хотя их, быть может, и недостаточно, чтобы убедить в реальности некоторых из описанных изумительных явлений, например «материализации» духовной формы, — на этот счет я, впрочем, оставляю свое мнение при себе. Что же касается действительного объективного существования большинства этих сверхнормальных физических явлений, то свидетельства в его пользу кажутся мне подавляющими.

Несомненно, дело науки — расширять свои владения на этих плодотворных полях исследования, и лишь потому, что исследователь, прошедший научную выучку, до самого недавнего времени поворачивался к этим явлениям спиной, скромным спиритуалистам пришлось самим попытаться сделать заброшенную наукой работу в этой очень трудной области исследования; а теперь, сделав ее в меру своих сил, они встречают от образованного мира презрение и град камней, им говорят, что они повинны в «интеллектуальном блуде», а их кропотливое старание умножить сумму человеческого знания клеймят как «новую вспышку суеверия»; и делают это вожди и печатные органы научной мысли, от которых, казалось бы, следовало ожидать радушного приема даже для самого скромного искателя истины.[3] Я от всей души согласен с нашим великим логиком де Морганом (да простится мне, что я снова его цитирую), который говорит:

[3] Это было написано много лет назад; к счастью, такая резкая враждебность встречается теперь редко, разве что среди тех, кто воспитан на немецкой школе мысли.

> «Спиритуалисты, вне всякого сомнения, идут той колеей, которая привела ко всем успехам физической науки; их противники — наследники тех, кто боролся против прогресса… Я говорю, что заблуждающиеся „выстукиватели духов“ на верном пути; у них *дух* и *метод* великой старины, когда прокладывались те просеки сквозь нерасчищенные леса, по которым ныне ходят изо дня в день. Каков же был этот дух? Это был дух всеобщего исследования, ничуть не сдерживаемый страхом быть уличенным в исследовании вздора. Когда было основано Королевское общество, его члены принялись все испытывать, чтобы держаться хорошего. Они всерьез взялись за вопрос, не есть ли шпроты молодые сельди. Они насыпали кругом порошок из рога единорога и посадили в середину паука, „но он тотчас выбежал вон“; они пробовали несколько раз, и паук „однажды задержался в порошке“. Затем они испытали симпатический порошок Кенелма Дигби, и тех членов, у кого был сколько-нибудь этого симпатического порошка, просили принести его к следующему собранию».

Но эти исследования, какими странными они кажутся нам теперь, показывали, что исследователи действительно исследовали. Далее де Морган показывает, что «спиритуалисты усвоили *метод* старого времени»: они выдвинули теорию и посмотрели, как она действует, ибо без теории факты — толпа, а не войско. Таков был метод Ньютона: он выдвинул одну из самых возмутительных идей, какие когда-либо были задуманы, и проверил, как действуют ее следствия. Ведь теория Ньютона гласила, «что нет ни одной крупинки соли в солонках самой далекой звезды Млечного Пути, которая не тянула бы, тянула, тянула непрестанно каждую крупинку соли в солонках нашей земли, — да, и перец в

перечницах тоже, — причем наши перец и соль, разумеется, отвечают тем же».[4] Так великий закон тяготения стал нашим наследием; строгое исследование и подавляющие свидетельства в пользу этой в высшей степени невероятной идеи утвердили ее как всеобщую истину.

[4] Предисловие к книге «От материи к духу», с. XIX и далее.

Далее, ныне стало научной ересью не верить в неощутимый, невесомый, бесконечно разреженный и вместе с тем бесконечно упругий, всепроникающий род материи — так называемый *светоносный эфир*, который заполняет и пространство между звездами, и промежутки между атомами, — в материальную среду совершенно иного порядка, чем все, что известно нашим чувствам, и само существование которой познается лишь путем умозаключения. Ибо следует заметить, что эта ошеломляющая, но плодотворная идея основана не на прямых, а на косвенных свидетельствах, и это несмотря на ее «предварительную невероятность». Более того, современная наука научила нас, что в эфире есть мириады волн, слишком коротких или слишком длинных, чтобы действовать на наши невооруженные чувства. Они могли бы вечно падать на нас, неся непрерывный поток энергии от Солнца к Земле, а мы так и не узнали бы ни об их существовании, ни о среде, которая их переносит, если бы полагались только на прямое свидетельство наших чувств.

Признанный авторитет сказал в одном образцовом учебнике: «В прежние времена предположение о такой среде, кем бы оно ни было высказано, вероятно, сочли бы сильным признаком умопомешательства. Даже при тех свидетельствах в пользу эфира, заполняющего пространство, какие мы теперь имеем, многие скорее усомнятся в этих свидетельствах, чем поверят в вещь,

которую нельзя ни попробовать на вкус, ни понюхать [или которую мы не воспринимаем непосредственно чувствами]. Однако, даже если рассматривать эту среду лишь как гипотетическую, то обстоятельство, что она вполне могла бы существовать и выполнять важные назначения в жизни вселенной и все же никогда не быть нами обнаруженной или хотя бы заподозренной, служит веским основанием к тому, чтобы допущение такой среды для объяснения явлений природы не клеймили как неразумное или нефилософское».[5]

[5] Престон. «Теория теплоты», с. 56.

Это побуждает нас спросить, нельзя ли предложить какую-либо теорию, «не неразумную и не нефилософскую», чтобы объяснить поразительные и причудливые явления, описанные в этих главах. К этому вопросу мы теперь и обратимся.

ГЛАВА IX

ТЕОРИИ

✦

«Гипотезы часто бывают в высшей степени полезны; и умение легко их строить, если оно сопровождается столь же легким умением откладывать их в сторону, когда они сослужили свою службу, — одно из самых ценных качеств, каким может обладать философ».

Сэр Джон Гершель. «Рассуждение о натуральной философии», с. 204

Рассмотрим теперь, какие гипотезы можно построить, чтобы объяснить изумительные явления, о которых шла речь.

Распространенное мнение, будто все медиумы — обманщики и все связанные с ними проявления объясняются мошенничеством, — удобное объяснение, не требующее исследования. Но я ни разу еще не встречал *никого*, кто серьезно изучил бы свидетельства или долго занимался исследованием этого предмета и при этом держался бы такого мнения, как бы твердо ни держался его прежде.[6] Помимо исследований Общества психических исследований, самый замечательный пример группы способных исследователей, не имевших никакого пристрастия к спиритизму, которые сорок лет назад доказали, что явления нельзя объяснить обманом, — это уже упомянутая комиссия Диалектического общества. Без сомнения, мошенники среди платных медиумов

существуют, так же как существует фальшивая монета, и существуют они потому, что есть настоящие медиумы, которым можно подражать. Сэр У. Крукс, кавалер ордена «За заслуги», чье высокое положение в научном мире показывает, что он один из самых точных и искусных исследователей-экспериментаторов, говорил, что приступил к исследованию явлений спиритизма в уверенности, что все это суеверие и плутовство, а кончил тем, что «поставил на карту свою научную репутацию», утверждая, что его предвзятые представления были ошибочны и что класс явлений, совершенно новых для науки, действительно существует.

[6] Один рецензент книги сэра О. Лоджа «Реймонд» недавно сказал: «Не было еще, полагаем, ни одного медиума, разве что за исключением Д. Д. Хоума, который рано или поздно не был бы уличен в грубом и преднамеренном обмане». Столь огульное утверждение попросту несостоятельно, если под словом «медиум» разуметь и людей такой честности, как преподобный Стейнтон Мозес и многие другие, а также выдающихся женщин, как покойная миссис Верролл и другие, которые будут названы в следующих главах. Кроме того, надо помнить, что то, что кажется обманом, не всегда им бывает (см. главу X), и, далее, что разоблачением нечестных медиумов мы обязаны главным образом самим спиритуалистам.

Если оставить в стороне теорию обмана, какую разумную гипотезу мы можем допустить? Естественно напрашивается *галлюцинация*, и я уже касался ее в одной из предыдущих глав. Одно время я был склонен думать, что она дает достаточное объяснение. В самом деле, в докладе «Об аномальных состояниях ума», прочитанном перед Британской ассоциацией в 1876 году и напечатанном в «Трудах Общества психических исследований» (т. I, с. 238), я подробно описал некоторые свои опыты, показавшие, что внушением легко заставить испытуемого, находящегося в легком гипнотическом трансе, держаться самых нелепых убеждений, например, будто он летал по комнате, — и так в течение нескольких дней после полного пробуждения. Но

галлюцинация не может объяснить постоянных записей, полученных сэром Уильямом Круксом, даже если бы она распространялась на всех многочисленных свидетелей, присутствовавших иногда вместе с ним в этих случаях. Поэтому, признавая, что очень важно остерегаться галлюцинации и ошибок наблюдения, так же как и обмана, я вполне убежден, что этих причин совершенно недостаточно для объяснения всех явлений, которые перед нами.

Рассмотрим поэтому, какие иные гипотезы можно построить для объяснения обсуждаемых явлений. Временная теория, которую физиологи, вероятно, были бы склонны принять, когда признают подлинность более простых физических явлений спиритизма, — это теория *экзоневрального (вненервного) действия мозга*. Но это должно быть подсознательное действие, проявление подпорогового «я», о котором мы скажем позже. Более того, к нему необходимо добавить запас доступной энергии в невидимом, которая не только может управляться и высвобождаться подпороговым «я», но и каким-то неведомым образом может быть направлена прямо на неживую материю.

Насколько мне известно, первым, кто высказал мысль об экзоневральном действии ума, был доктор Мэйо, член Королевского общества, в своей превосходной книжке «Истины, заключенные в народных суевериях», изданной в 1851 году. Объясняя месмерическое ясновидение, или «ясность», он говорит: «Я полагаю, что ум живого человека даже в самом обычном своем состоянии всегда в известной мере действует экзоневрально, то есть за пределами телесной личности, а в состоянии ясности это экзоневральное восприятие, по-видимому, распространяется на всякий предмет и всякого человека вокруг». Высокое положение доктора Мэйо как профессора физиологии в Королевском

колледже и в Королевском колледже хирургов в Лондоне давало его предположениям право на большее внимание, чем то, какое им было уделено.

Теорию такого рода действительно предложил граф де Гаспарен в 1854 году как итог своих долгих опытов, чтобы объяснить физические явления спиритизма, а немного позже — профессор Тюри из Женевы и еще позже — адвокат Кокс. Ее можно назвать теорией «эктенической», или «*психической силы*», и она приписывает явления некоему распространению в пространстве нервной силы медиума, подобно тому как сила магнита или электрического тока простирается за его пределы и может воздействовать на некоторые удаленные тела, находящиеся в поле магнитной или электрической силы, и приводить их в движение.

Стоит, однако, заметить, что теорию «психической силы», которую исследователи часто принимают поначалу, они обычно потом оставляют, так как она недостаточна для объяснения явлений, которые мы рассмотрим далее, где проявляется разум, отдельный от присутствующих; поэтому исследователи, ушедшие дальше других, обычно возвращаются к теории духов как к простейшему объяснению всех проявлений. Так, профессор Ломброзо в статье, напечатанной в «Анналах психических наук» за 1908 год, заявляет, что отстаивал теорию психической силы, пока не убедился, что этой гипотезой невозможно объяснить многие явления, которые он затем подробно описывает. Тем не менее какая-нибудь подобная теория — например, теория экзоневрального действия нашего организма, охватывающая более простые физические явления спиритизма, — может быть в будущем провозглашена физиологами, желающими избежать выводов, заключенных в теории развоплощенного разума.

Есть и другая гипотеза, несколько родственная гипотезе психической силы, которая заслуживает рассмотрения. Может быть, разум, действующий на сеансе, — это *мысленная проекция нас самих*, и у каждого из нас есть свое *подобие* (*simulacrum*) в невидимом. Может быть, по мере того как здесь растут наша жизнь и наш характер, в невидимом мире вырастает призрачный образ каждого из нас; и это не так уж немыслимо. Раз мысль, воля и чувство могут влиять на грубую материю, из которой состоят наши тела, и до некоторой степени лепить ее, —

«Ведь тело облик от души берет:
Душа есть форма, тело создает»[7] —

[7] Спенсер. «Гимн в честь Красоты», строка 132.

то вполне мыслим и более совершенный отпечаток на более тонкой материи невидимой вселенной. Явления телепатии показывают либо то, что мысль *может* сильно воздействовать на невидимую материальную среду или же посылать сквозь пространство частицы мысленного вещества, либо то, что телепатия есть непосредственное действие нашего трансцендентного, или интуитивного, «я», как сказал м-р Констебл в своем богатом мыслями сочинении «*Личность и телепатия*». Физика учит нас, что свет, теплота, электричество и магнетизм воздействуют на материю невидимого мира — всепроникающий эфир — совершеннее, чем на материю мира видимого. Солнца и звезды, как и многое в мире, где мы живем, не существовали бы для нас, если бы не то воздействие, которое они оказывают на невидимый эфир.

Не может ли и мысль действовать подобным же образом? В самом деле, два глубоких и выдающихся ученых, профессора Бальфур Стюарт и П. Г. Тэт, высказали предположение, «что мысль,

если представить себе, что она воздействует на материю другой вселенной одновременно с этой, может объяснить будущее состояние».[8]

[8] Все это место гласит: «Если мы теперь обратимся к мысли, то найдем, что, поскольку она воздействует на вещество нынешней видимой вселенной, она производит материальный орган памяти. Но движения, сопровождающие мысль, должны также воздействовать на невидимый порядок вещей, а силы, вызывающие эти движения, точно так же исходят из той же области, и отсюда следует, что *мысль, если представить себе, что она воздействует на материю другой вселенной одновременно с этой, может объяснить будущее состояние*». — «Невидимая вселенная», с. 199 (четвертое издание).

Древнее буддийское учение о карме также учит, что наше будущее состояние есть следствие наших мыслей и поступков, сумма наших заслуг или провинностей, —

«Весь тот итог души,
Что есть ее дела и думы».

Таким образом, карма — это неумолимое действие и духовное воплощение закона причины и следствия, от которого никто из нас не может уйти. В современной теософии мы находим ту же мысль, развитую в связи с учением о перевоплощении. Мысли каждой отдельной жизни порождают в невидимом *мысленное тело*, которое становится следующим жилищем нашей души при ее возвращении на землю. Поэтому врожденные склонности ребенка суть следствие его собственного бессознательного прошлого, того характера, который он сам вылепил себе во время предыдущего существования на земле.

Если — в смысле более буквальном, чем подразумевал Лонгфелло, —

«Ни одно дело, ни гнусное, ни благое,
Не совершается без того, чтобы где-то не осталась

Запись, начертанная призрачными перстами», —

если наши мысли и характеры верно и неизгладимо записываются в невидимом, то мы на деле невольно и неотвратимо создаем не только в собственной душе, но, быть может, и в невидимом мире свой образ, мысленную проекцию, которая охватывает и нашу внешнюю, и нашу сокровеннейшую жизнь. И может быть, во время сеанса этим мыслимым мысленным телам сообщается подобие жизни, которое исчезает, когда сеанс окончен: как всем нам известно, во время удачного сеанса жизненные силы медиума в некоторой мере расходуются. Но какое бы объяснение мы ни приняли, в этих психических явлениях, по-видимому, происходит некий сочувственный отклик, *нечто подобное резонансу в невидимом*. Быть может, именно это так часто заставляет проявляющийся разум казаться лишь отражением ума медиума и ведет к хорошо известной исследователям опасности обманчивых сообщений.

Или же мы можем перевернуть эту гипотезу и вместе с Платоном держаться мнения, что мир чувственных вещей — лишь образ мира идей, существующего в сверхчувственном мире, что предметы чувств имеют лишь заимствованное существование, полученное от вечных реальностей, или идей, в невидимом. Во многом таков был и взгляд Сведенборга: предметы природного мира — лишь преходящие подобия и следствия вещей и причин в более реальном духовном мире, куда мы переходим после этой жизни. Таким образом, мы — воплощенные призраки нашего истинного «я», мимолетные материальные фантазмы нашей истинной и непреходящей личности.

Возвращаясь после этого отступления, спросим: какую еще теорию можно предложить для объяснения физических

проявлений того, что представляется деятельными и невидимыми разумными существами? Обычная теория спиритуалистов состоит в том, что явления вызываются действием развоплощенных людей, которые таким путем стремятся дать нам знать о своем продолжающемся существовании. Но хотя эти проявления обнаруживают разум, они не дают никакого доказательства того, что люди продолжают существовать после смерти. Свидетельства этого, полученные из других психических явлений, мы рассмотрим далее, и, если спиритуалистическая теория будет принята, она, быть может, покажется тогда простейшим разрешением всех явлений, хотя некоторые чудеса, связанные с медиумом Хоумом, так и останутся нерешенной загадкой.

А пока не так уж невероятно предположить, что *в светоносном эфире* (или в какой-либо иной невидимой материальной среде) *существует какая-то жизнь* и что закон эволюции — божественный закон прогресса — действовал там, быть может, целые эоны до образования обитаемой земли. Если более грубая материя, с которой мы знакомы, способна быть носителем жизни и откликаться на божественный дух, то более тонкая и пластичная материя эфира могла бы совершеннее проявлять непостижимую Силу, стоящую за явлениями, и легче на нее откликаться. В этом допущении нет ничего сумасбродного, ничего противоречащего нашему нынешнему научному знанию.

Поэтому со всем, что мы знаем, вполне согласуется вера в невидимый мир, в котором существуют мириады живых существ — одни со способностями, подобными нашим, другие со способностями ниже наших или превосходящими наши; и возможно, что эволюционное развитие такого мира шло путями, параллельными нашему.[9] Соперничество жизни, существование

инстинкта, ума, совести, воли, добра и зла столь же вероятны *там*, как и здесь. И с течением времени к нашим невидимым соседям могло прийти сознание *нашего* человеческого существования, и мог быть найден какой-то способ мысленного или даже материального общения с нами. Что до меня, то мне представляется не лишенным вероятия, что многие *физические* проявления, наблюдаемые на спиритическом сеансе, производятся разумными существами, подобными людям, но не людьми в действительности, — добрыми или злыми *даймониями*, быть может, или *элементалами*, как их называют некоторые, — которые собираются вокруг медиума, привлеченные с того особого уровня умственного и нравственного развития в невидимом, который соответствует умственному и нравственному уровню медиума. О возможной опасности подобных влияний я скажу в одной из следующих глав (см. главу XIX).

[9] Айзек Тейлор в своей известной и богатой мыслями книге «Физическая теория иной жизни», гл. 17, которую я прочел уже после того, как было написано сказанное выше, высказывает подобную догадку и утверждает, что Писание подтверждает существование вокруг нас целого порядка существ, как добрых, так и злых; он полагает, что «одного хорошо засвидетельствованного случая присутствия и разумной деятельности невидимого существа было бы достаточно, чтобы решить вопрос о невидимом устройстве, пронизывающем видимую вселенную» (с. 264).

Но если такие невидимые разумные существа веками жили среди нас, не могли ли они иметь некоторое участие в истории жизни на этой земле? Мы знаем, как сильно человек может изменять и органическую, и неорганическую природу, упражняя свой ум и волю; если мы способны даже изменять породы растений и животных искусственным отбором, неразумно ли предположить, что психическое воздействие невидимых разумных существ могло

на протяжении веков влиять на ход эволюции? Возможно, что некоторые нерешенные задачи учения об эволюции придется перенести из мира чувств и грубой материи в невидимый мир вокруг нас, подобно тому как в физике мы постепенно переносим наше предпоследнее объяснение ощутимых вещей на неощутимый эфир. Великая Первопричина всегда должна оставаться за пределами нашего познания, но наука, имеющая дело со вторичными причинами, убеждается, что на многие темные вопросы видимый мир, по-видимому, не дает вразумительного ответа.

Существование *четвертого измерения* пространства — не объяснение происхождения явлений спиритизма, а математическое представление, показывающее, что некоторые из этих явлений возможны для четырехмерных существ, если только они могли бы при известных обстоятельствах производить действия, видимые нам, трехмерным существам. Некоторые из этих действий мы можем теоретически предсказать, например прохождение материи сквозь материю или завязывание узлов на одном замкнутом шнуре, петле или кожаном кольце. Разумное существо, способное сообщать этому шнуру четырехмерные изгибы, могло бы завязать на нем один или несколько узлов, не распечатывая запечатанных концов шнура и не разрезая кожаного кольца. Хотя для нас этот подвиг, разумеется, невозможен, утверждают, что он был успешно исполнен за несколько минут при полном свете в декабре 1877 года при посредстве известного медиума и в присутствии нескольких выдающихся и критически настроенных немецких ученых — профессоров Цельнера, Вебера, Фехнера и Шейбнера. Полный отчет с описанием мер, принятых для предотвращения обмана, приведен в переводе книги Цельнера «Трансцендентальная

физика», сделанном м-ром Мэсси. И этот случай не единственный: сообщают, что подобный опыт — узел, завязанный на цельном кожаном кольце без шва, — был успешно проделан в России, и его удостоверил А. Н. Аксаков. С другой стороны, мне не известно никакого подтверждения этих опытов в последние годы, и хотя, по-видимому, невозможно отделаться от них, объяснив их обманом, грубым преувеличением или ошибкой наблюдения, благоразумнее воздержаться от суждения об этих и некоторых других более редких спиритических явлениях и считать их «недоказанными», пока не появятся более обильные и убедительные свидетельства.

Это долгое обсуждение различных теорий, боюсь, утомило моих читателей, но участники психических исследований прорубают путь сквозь нерасчищенные леса, и всякие догадки о верной дороге полезны. Если сменить сравнение, мы закладываем основания новой и просторной пристройки к храму знания и должны быть готовы к тому, что вокруг поднимутся целые леса строительных подмостей — в виде теорий и рабочих гипотез. Лишь так можно уложить прочные камни фактов и возвести храм, и тогда со временем «факты сами расскажут о себе и сами дадут свое объяснение; ныне же нам остается трудиться и ждать».

ГЛАВА X

ЗАГАДКА МЕДИУМИЗМА

✦

«Чей внешний облик ложно умаляет
Безмерность души».

Можно спросить — и многие спрашивали с насмешкой, — зачем в этих спиритических проявлениях нужен *медиум*?

Как всем известно, возникновение явлений, по-видимому, неразрывно связано с некоторыми особыми живыми организмами, которые называют «медиумическими». И вполне может быть, если допустить существование духовного мира, что медиум так же необходим *там*, как и здесь; в самом деле, во всех сообщениях, будто бы исходящих от умерших, есть, по-видимому, свидетельство того, что посредник между ними и медиумом на земле нужен им так же, как и нам. С чисто научной точки зрения в этом нет ничего удивительного. Некоторые люди — к счастью, не все мы — подвержены ненормальным состояниям тела и духа, и психиатр или патолог не отказывается исследовать помешательство или эпилепсию из-за того, что они свойственны лишь ограниченному числу людей.

Более того, физика дает обильные примеры, сходные с этой необходимостью в посреднике, или промежуточном звене, между невидимым и видимым. Мы ничего не знаем ни об одной из

физических энергий — электричестве, магнетизме, свете, тяготении и прочих, — кроме как через их действие на материальные тела. Они невидимы и непознаваемы, пока не проявят себя действием на вещество. В молнии мы видим не электричество, а лишь частицы воздуха, раскаленные добела тем сопротивлением, которое они оказывают электрическому разряду. Подобно этому и волнам светоносного эфира нужен материальный посредник, который бы их поглотил, прежде чем наши чувства смогут их воспринять; таким посредником, смотря по длине этих волн, может быть фотографическая пластинка, палочки и колбочки сетчатки, зачерненная поверхность или электрические резонаторы беспроволочного телеграфа; но *какой-то* посредник из весомого вещества совершенно необходим, чтобы химическое, световое, тепловое или электрическое действие этих волн стало для нас ощутимым. И то, насколько совершенно передается это действие, зависит от того, насколько совершенно совпадают по ритму эфирные волны и их земной приемник.

Итак, мы видим, что для того, чтобы действия, которые иначе остались бы неощутимыми, стали ощутимыми, необходимы определенные физические посредники. Через этих посредников энергия из невидимого *физического* мира вне нас входит в видимый и, проходя через видимое, тем самым воздействует на невидимый *душевный* мир внутри нас. Крайние концы этого процесса нам неизвестны: лишь на переходной стадии поток энергии доступен нашим чувствам, а потому наука может иметь дело только с этой стадией видимостей, то есть с *явлениями*.

То же верно и о самой *жизни*: жизнь любого рода, как бы низко она ни стояла, сама по себе (*per se*) невидима и непознаваема для нас; мы знаем жизнь лишь по ее разнообразным проявлениям в

органическом веществе, то есть по явлениям живого. Это, разумеется, столь же верно и о нашем уме, который открывает себя через мозг; и подобным же образом развоплощенному уму для своего проявления нужен посредник. И мы можем считать бесспорным, как бы ни противилось этому поначалу наше религиозное чувство, что все без исключения, что входит в мир явлений, тем самым становится законным и многообещающим предметом научного исследования. Как хорошо сказал сэр Оливер Лодж: «Наименее оправданна та позиция, которая утверждает, будто во вселенной есть некие области истины, исследовать которые непозволительно».

Связующее звено (*nexus*) между видимым и невидимым может быть, как мы показали, физическим, физиологическим или психическим, но каким бы оно ни было, это особое вещество, или орган, или организм; во многих случаях это тело в состоянии неустойчивого равновесия, а значит, тело тонкого устройства, с которым надо обращаться бережно и поведение и особенности которого нужно изучить и узнать заранее.

Несомненно, медиумическую силу дает некое особое *психическое* состояние, но о его природе мы ничего не знаем и по незнанию часто губим свои опыты и теряем их плоды. Весьма вероятно, что психическое состояние присутствующих на сеансе, как со временем окажется, влияет на медиума. Мы не получили бы ничего, если бы наши фотографические пластинки освещались светом комнаты одновременно со световым изображением, которое дает объектив. В каждом физическом процессе приходится остерегаться посторонних помех.

Если бы, например, покойный профессор С. П. Лэнгли из Вашингтона в тех тонких опытах, которые он многие годы вел, исследуя инфракрасное излучение солнца, позволил тепловому

излучению собственного тела или тел своих помощников падать на свой чувствительный термоскоп, его результаты оказались бы спутанными и непонятными. Мы знаем, что подобные же спутанные результаты получаются и в психических исследованиях, особенно у тех, кто воображает, будто единственное назначение научного исследователя — играть роль сыщика-любителя; и потому обнаруживают они лишь то, что не готовы справиться с задачами, самых начал которых еще не освоили. Исследователи, которые, полагаясь на собственную проницательность, приступают к этому делу с заранее готовым мнением о том, что возможно и что невозможно, непременно потерпят неудачу. Таких людей лучше не привлекать к опытам, ибо их склад мысли и образ действий здесь неуместны.

Поскольку мы ничего не знаем об особом психическом состоянии, которое составляет медиумизм, нам следует собирать и записывать все условия, сопутствующие удачному сеансу. Медиумизм в некоторых отношениях, по-видимому, сходен с «раппортом» в месмерическом трансе, и было бы любопытно узнать, восприимчивее ли к медиумизму месмерический сенситив, чем остальные люди. И еще: бывают ли те, кто хорошо воспринимает в опытах с телепатией, перципиентами и при самопроизвольной телепатии, например при видениях в момент смерти, и бывают ли они, в свою очередь, гипнотическими сенситивами? Подобные же вопросы встают и о сомнамбулах; словом, есть ли что-нибудь общее между темными психическими состояниями этих разных разрядов сенситивов? Весьма вероятно, что есть, ибо все психические явления, как мы сейчас увидим, в большей или меньшей мере предполагают действие бессознательной части нашей личности — скрытого «я», которое у медиума выходит из своей тьмы, когда обычное сознание и

самообладание затихают. Этот факт действительно дает некоторый ключ к особому психологическому состоянию медиумизма.

Здесь можно заметить, что наша сознательная жизнь выражается в *произвольных* мышечных движениях, таких как речь или жест, тогда как наша подсознательная жизнь выражается в *непроизвольных* мышечных действиях, таких как автоматическое письмо или автоматическая речь, движение планшетки или «лозы» и т. п. Такие орудия, обнаруживающие наше скрытое, подсознательное «я», я назвал *автоскопами*. Если воля или рассудок вмешиваются в какое-либо из этих автоматических действий, движение становится произвольным и переходит из-под власти подсознательного «я» под власть сознательного. Поэтому при таких обстоятельствах те психические явления, которые исходят из подсознательного «я», либо дадут путаный результат, либо не удадутся вовсе.

Я хочу здесь указать лишь на то, что медиумизм зависит от выхода на поверхность подсознательной жизни, а потому обычное бодрствующее сознание должно быть более или менее пассивным. Именно отсутствие обычного сознательного управления своими мыслями и поступками и делает медиума столь подверженным влиянию всякого враждебного внушения со стороны участников сеанса. Ибо медиум — в высшей степени *внушаемый* субъект и иногда может бессознательно оказаться жертвой, а не сознательным виновником того обмана, мысль о котором владеет умами скептических исследователей, считающих всех медиумов обманщиками. В самом деле, как показали д-р Хислоп и многие европейские психиатры, медиум в трансе находится не в нормальном состоянии, а обнаруживает признаки истерии.

Надо помнить, что медиум понимает явления так же мало, как исследователь, а то и меньше, если это возможно, ибо он, находясь очень часто в трансе, меньше знает о том, что происходит; поэтому мнение медиума или его объяснение проявлений, высказанное в нормальном состоянии, не имеет никакой цены. С медиумом, в сущности, следует обращаться, как уже было сказано и как сказал также сэр Оливер Лодж, «как с тонким прибором, при помощи которого мы ведем исследование. Медиум — инструмент, чьи повадки и особенности надо изучить и до известной степени к ним приноровиться, подобно тому как изучают повадки какого-нибудь гораздо менее тонкого физического прибора, изготовленного искусным мастером, и приноравливаются к ним».

Это вполне совместимо с принятием всех нужных мер предосторожности против обмана. Более строгие методы, которые, на мой взгляд мудро, приняло Общество психических исследований, без сомнения, устранили многое из того, что среди спиритуалистов слыло доказательством, а также избавили нас от многих из тех профессиональных мошенников, которые наживаются на горе и легковерии людей.

Слово «медиум», бесспорно, неудачно. В представлении публики оно обычно связывается с той или иной степенью плутовства, и пока поощряются платные медиумы и сеансы в темноте, а плутов и доверчивых людей предостаточно, дурной запах, окружающий имя «медиум», по-видимому, не выветрится.

Но есть и другое возражение против этого слова. Под «медиумом» слишком часто подразумевают посредника между миром *духов* и нашим миром; между тем многие так называемые спиритические сообщения — не что иное, как бессознательное обнаружение собственных мыслей медиума, или его скрытой памяти, или его «подпорогового „я“». Поэтому я согласен с моим

другом, покойным Фредериком Майерсом, который называет слово «медиум» «варварским термином, заранее предрешающим вопрос», и предлагает употреблять слово «автоматист»; другие предлагали, а некоторые и употребляли, слово «сенситив». Любое из этих слов было бы предпочтительнее, если бы против них не было обычая, — пока более широкий интерес ко всему этому предмету и более широкое знание его не приведут к новой терминологии.

Я счел за лучшее держаться общепринятых выражений, отвергая, однако, обычно связываемый с ними смысл, а именно, будто слово «медиум» всегда подразумевает посредника между нами и духовным миром или некой личностью, внешней по отношению к медиуму. Это может быть — и очень часто бывает — лишь бессознательный мир или неузнанная личность *внутри* самого медиума. Ибо вся наша личность, как хорошо известно, не умещается в обычном «я», знакомом нам по нашей бодрствующей жизни.

В каждом из нас у личности есть не только внешний, но и внутренний двор. Внешний — это наше сознательное «я», а внутренний — наше подсознательное «я». Этому последнему, этому «я», лежащему ниже порога (*limen*) сознания, новое значение и важность придал м-р Майерс, и предложенный им более широкий термин — *подпороговое «я»* — теперь всем знаком. Тем из моих читателей, кто не изучал психологию, может быть полезно рассмотреть здесь подробнее вопрос о человеческой личности и сознании, ибо он проливает некоторый свет на природу медиумизма и на обсуждаемые нами явления.

Примечание. Выше уже было указано, что медиум принадлежит к тому разряду лиц, которых профессор П. Жане в своем мастерском труде «Психологический автоматизм» называет внушаемыми индивидами (*les individus suggestibles*), — к

лицам, которыми управляет мысль или внушение, возникшее либо в них самих (самовнушение), либо пришедшее извне, быть может, из невидимого. Нечто характерное для этой внушаемости *одних* особей, в отличие от других того же вида, видно даже у низших форм жизни — в том, как на их окраску влияет цвет окружающей среды, и т. п. (см. главу XII).

ГЛАВА XI

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ. ПОДПОРОГОВОЕ «Я»

✦

«Что за мастерское создание — человек! Как благороден разумом! Как безграничен в способностях!.. Как подобен богу в постижении!»

«Гамлет», II, 2

Наше сознание — основной факт, самое реальное из всего, что мы сознаем; и хотя оно состоит из череды душевных состояний, из которых нет двух в точности одинаковых, оно тем не менее сливается в непрерывное личное тождество, которое мы называем «самим собой». Даже когда наше самосознание прерывается, как во сне, мы узнаем в «я», проснувшемся утром, то самое «я», которое уснуло накануне вечером. Так и на протяжении всей жизни мы сознаем одно и то же тождество, одно и то же «я», хотя все вещество тела, мозга и органов чувств не раз уносилось и обновлялось.

Следовательно, наша личность — не просто связка разрозненных ощущений: никакая череда душевных состояний, никакой ряд мыслей или чувств не может сам собой слиться в одно итоговое сознание, знающее и помнящее все прочие состояния.

Всякому теперь знакома быстрая смена мгновенных фотографий в кинематографе, где, например, ряд снимков быстро бегущего человека создает у нас впечатление одной движущейся фигуры. Но фотографии остаются раздельными; соединение производит нечто *внешнее* по отношению к снимкам — наше собственное восприятие. Так и в глубине нашего сознания должно лежать нечто, соединяющее ряд впечатлений, получаемых нами, или состояний чувства внутри нас; эту объединяющую силу мы можем назвать нашим Я, или душой.

Даже если поток сознания, как полагают некоторые, есть эпифеномен — ряд теней, отбрасываемых движением мозговых процессов, — или если сознание есть свойство молекул органического вещества, так что вещество предшествует уму, все же должна существовать некая трансцендентная и постоянная связь — душа, — которая объединяет последовательные ощущения и восприятия в стройную самосознающую личность; нечто, что *придает смысл потоку многообразных мыслей и связывает его воедино*.

Замечательно то, что на нас постоянно производится множество впечатлений, на которые это Я, по-видимому, не обращает внимания. Либо потому, что они недостаточно сильны, чтобы проникнуть в наше сознание, — ибо впечатление должно достичь известной силы, прежде чем сможет затронуть наше Я, — и сравнительно слабый раздражитель, как свет звезд днем, не может переступить порог нашего сознания и войти в наш ум; либо потому, что среди толпы сильных впечатлений, которые в него входят, Я производит выбор. Мы направляем внимание на немногие, главным образом потому, что они нас занимают; их мы сознаем и можем потом припомнить усилием памяти. Воля, движимая прежде всего желанием — то есть тем, что нас

занимает, нашей господствующей любовью, — определяет внимание, которое мы уделяем тем или иным впечатлениям; так мы начинаем сознавать мысли или ощущения, вызванные определенными впечатлениями, становимся к ним чутки, а остальные пропускаем мимо, не замечая. Так наш *выбор* определяет наш *опыт* — то, что мы включаем в свое материальное и умственное достояние, в свое сознательное «меня»; «меня» — это *познаваемое* «я», а «Я» — *познающее*; все остальное мы считаем «не-мной».

Более того, этот процесс выбора, если мы совершаем его постоянно, скоро становится привычным, или автоматическим: усилие внимания больше не требуется, и воля освобождается для иной цели; так, мы ходим или складываем буквы при чтении инстинктивно, не сознавая отдельных шагов этого процесса.[1] Так же и с миром внутри нас: мы не замечаем правильного и непрерывного биения сердца, и потому процессы дыхания, кровообращения и питания идут в здоровом теле бессознательно. В известной мере это верно и о питании ума, ибо характер отчасти складывается из потока бессознательных впечатлений, производимых на нас.

[1] Воспитание в значительной мере есть приучение делать автоматически и бессознательно то, что иначе пришлось бы делать с сознательным усилием. Гений — еще более поразительный пример силы бессознательных действий. А то, что делается бессознательным «я», делается легче и лучше, чем то, что делается сознательным; поэтому могло бы показаться, что вершиной совершенства было бы полное отсутствие всякого сознательного усилия. Таков, в сущности, логический вывод из всех натуралистических гипотез о человеческой жизни. Именно этот вопрос разобран достопочтенным А. Дж. Бальфуром в замечательном месте второй главы его книги «Основания веры».

Далее, сознание не пробуждается непрерывной чередой однообразных впечатлений. Мы совершенно не сознавали бы

тепла, как бы ни были горячи вещи, если бы все имело одну и ту же температуру, и столь же не сознавали бы света, если бы вселенная и все материальные предметы были освещены непрерывным и равномерным сиянием. Мы воспринимаем различия состояний, или отношение силы одного ощущения к силе другого. Поэтому действительный охват нашего сознания очень узок. Как замечает покойный профессор У. Джеймс из Гарварда в своем ценном учебнике психологии:

> Один из самых необычайных фактов нашей жизни состоит в том, что, хотя каждое мгновение нас осаждают впечатления со всей чувствующей поверхности нашего тела, мы замечаем лишь очень малую их часть. Сумма наших впечатлений никогда не входит в наш *опыт* — в то, что называется сознательным опытом, — который течет через эту сумму, как крохотный ручеек через широкий цветущий луг. А между тем физические впечатления, которые не идут в счет, существуют *там* в той же мере, что и те, которые идут. Почему им не удается проникнуть в ум — тайна, и она не объясняется, когда мы ссылаемся в качестве ее причины на *die Enge des Bewusstseins*, «узость сознания».

Все эти впечатления, сознаем мы их или нет, оставляют какой-то след; они вплетают видимую или невидимую нить в ткань нашей жизни; подобно каждому самому незначительному нашему поступку, они оставляют заметную или незаметную вмятину на нашей личности. Мы знаем, что это так, что впечатления, не замеченные в ту минуту, когда они были получены, тем не менее нашли себе в нас пристанище, ибо, хотя мы не можем вызвать их по желанию, они часто выходят из своего скрытого состояния отрывочно и бессвязно. Так бывает, когда внимание отвлекается от окружающего в задумчивости или при «созерцании кристалла», нередко в болезни или во сне, и еще более в

сомнамбулизме или в гипнотическом трансе, а также во многих случаях автоматического письма и других так называемых спиритических явлений.

Следовательно, наше Я, или душа, не ограничивается тем, что мы сознаем или сознавали: пределы нашей личности нужно расширить так, чтобы они включали нечто большее, чем наше обычное самосознание. В нашей личности есть не только как бы горизонтальные пласты — от материального, или низшего, «меня» до духовного, или высшего, «меня», — но и вертикальное деление, проходящее через все пласты. По одну сторону этой вертикальной плоскости раскола лежат все те впечатления, которые проникли в наше сознание, все те состояния мысли и чувства, которые память может восстановить в бодрствующей жизни; по другую — несравненно большее число впечатлений, произведенных на нас, которых мы в то время не сознавали или, сознав, совершенно забыли. Итак, одна часть нашего Я освещена сознанием, а другая лежит в темной тени бессознательного.

Таким образом, внешнее, или сознательное, «я», как уже сказано, — не все наше «я», так же как видимая, обращенная к земле сторона луны — не вся луна. М-р Фредерик Майерс удачно сравнил наше обычное самосознание с видимым спектром солнечного света; по обе стороны от него лежит широкая область, незримая для глаза, но полная излучения. Каждый пучок солнечного света заключает в себе эти невидимые лучи наравне с видимыми, и так же каждая человеческая личность заключает в себе бессознательное «я» наравне с сознательным. И как экспериментальная физика в нынешнем столетии открыла существование ультрафиолетовой и инфракрасной частей спектра и показала нам, как отчасти сделать эти темные лучи видимыми, так и с развитием экспериментальной психологии мы

начинаем открывать сложную природу нашей личности и то, как можно вывести из тьмы ту часть нашего Я, которая лежит ниже порога сознания. Как яркий свет дня гасит более слабый свет звезд, так и живой поток сознания в нашей бодрствующей жизни обычно должен быть отведен или ослаблен, прежде чем станет заметна смутная запись прошлых, незамеченных впечатлений или телепатическое воздействие постороннего ума.

Поэтому, как мы уже указывали, состояние *пассивности* благоприятно для выхода подпорогового сознания, и это одна из отличительных черт медиумизма. Правда, во многих случаях автоматического письма планшеткой или иным способом длинные связные сообщения пишутся, пока мысли медиума заняты другими предметами, но усилие внимания при этом ослаблено, и если внимание направить на письмо или сделать какое-либо сознательное усилие, чтобы ему помочь, чары разрушаются и внутреннее «я» вновь погружается во тьму.[2] Более того, и это довольно странно, это вторичное, или подпороговое, «я» никогда не отождествляет себя с обычным бодрствующим «я». Кажется, будто рукой или голосом медиума завладел другой человек — отдельный разум со своим собственным прошлым, но почти или вовсе ничего не знающий о прошлом другого «я». Чуждая природа этого «руководителя», естественно, наводит на мысль о действии внешнего разума — духа или демона, «вселившегося» в медиума, — или другой личности, которая чередуется с обычной душой.

[2] Подобная же чувствительность к сознательному вниманию наблюдается в опытах с передачей мыслей и даже в мнимом чтении мыслей при так называемой «волевой игре»; незнание этого обстоятельства обычно и ведет к неудаче. Поэтому вмешательство воли, сознательного усилия вредит всем подобным опытам. Благонамеренные старания тех, кто велит перципиенту «изо всех сил постараться» угадать задуманное, губят саму цель опыта. Если перципиент

старается, вступает его воля и мешает выходу скрытой и отзывчивой части его личности. В сущности, «психические исследования» вообще имеют дело с разнообразными проявлениями и действиями бессознательной части нашей личности.

Хорошо известные факты «двойного сознания» служат примером последнего;[3] с замечательным случаем такого рода я был лично знаком и исследовал его несколько лет назад. Субъект, ныне умерший, был сыном лондонского священника; продолжительность ненормального состояния стала так велика, что трудно было уже называть его этим словом, но сколько бы дней ни прошло после перехода из одного состояния в другое — оба разделял краткий период бесчувствия, — при возвращении к прежнему состоянию прерванный разговор возобновлялся точно с того места, где был прерван; в ненормальном состоянии субъект обладал значительными музыкальными познаниями, которых, по-видимому, совершенно не имел в другом состоянии; жизнь, интересы, разговоры были совсем различны; даже родители и семья в двух состояниях считались разными.[4] Эти случаи чередующейся личности напоминают некоторые бредовые представления душевнобольных и с незапамятных времен порождали веру в то, что законный владелец тела временно или навсегда вытеснен, а другая душа, подобно кукушке, «завладела» чужим гнездом.

[3] Возможное, хотя лишь частичное, объяснение двойного сознания — раздельная деятельность двух половин мозга, вызванная попеременным торможением функций то одной, то другой половины.

[4] Этот случай полностью изложен в «Трудах Общества психических исследований», т. IV, с. 230–232.

Весь вопрос о расщеплении личности в последние годы тщательно изучался выдающимися психологами, и читатель

найдет превосходное его рассмотрение во второй главе великого труда м-ра Ф. У. Г. Майерса «Человеческая личность».

Множественные, а не только вторичные, личности иногда проявляются у одного и того же субъекта. Таковы, например, хорошо известные случаи Леонии, исследованной профессором П. Жане, Луи Виве, Салли Бошан, исследованной д-ром Мортоном Принсом из Бостона (США), и другие примеры, известные психологам.

Совсем недавно замечательный случай множественной личности у американской девушки по имени Дорис Фишер был подробно и непрерывно изучен д-ром Уолтером Принсом. Его отчет занимает два объемистых тома «Трудов Американского общества психических исследований», к которым д-р Хислоп присоединил обширное и ценное дополнение.

Классический случай мисс Бошан, полностью описанный в труде д-ра Мортона Принса «Диссоциация личности»,[5] вкратце таков:

[5] Также в «Трудах Общества психических исследований», т. XV, и в «Человеческой личности», т. I, с. 360 и далее. М-р Норман Пирсон в своем недавнем талантливом и богатом мыслями труде «Душа и ее история» (на который я рад обратить внимание читателя) также дает изложение этого случая. Но самое важное рассмотрение всего этого вопроса принадлежит д-ру У. Макдугаллу, члену Королевского общества, — в «Трудах Общества психических исследований», т. XIX.

> Душевное потрясение, пережитое мисс Бошан в колледже в 1893 году, вызвало первый распад сознания: она изменилась, превратившись в ту, кого д-р Принс называет B1. Эта личность чередовалась с другой, B2, вызванной вначале гипнотическим лечением. Со временем появилась новая, совершенно иная личность, B3, называвшая себя «Салли». Тогда как B1 была образованна, тиха и глубоко религиозна, B3 была ее

противоположностью и полна озорства. Позднее появилась еще одна личность, B4, гордая, себялюбивая и исполненная достоинства. B1 и B4 ничего не знали о других, B2 знала только B1, но B3 (Салли) знала всех остальных, никогда не спала и всегда была начеку, чтобы досадить мисс Бошан, B1.

Д-р Мортон Принс называет B1 Святой, B4 Женщиной, а B3 Дьяволом. Ибо Салли заставляла B1 лгать, посылала ей вещи, которые та терпеть не могла, и постоянно унижала и огорчала правдивую и добрую B1. Неудивительно, что мисс Бошан писала: «О доктор Принс, спасите меня от меня самой, от того, что совершенно безжалостно; я могу вынести все, но только не этого насмешливого дьявола».

В конце концов гипнотическим внушением и с помощью Салли все личности, кроме B3, слились в ту, которая была изначальной мисс Бошан. Салли, B3, теперь стала уходить из виду, возвращаясь, как она говорила, «туда, откуда я пришла». Куда же? По мнению д-ра Принса, то было *подпороговое* «я» мисс Бошан, на время развившееся в самостоятельную личность, тогда как другие ее личности были отколовшимися частями первичного сознательного «я».

Но я согласен с д-ром Макдугаллом, что объяснение, которое д-р Принс дает Салли, неудовлетворительно. Это значит пользоваться гипотезой — подпороговым «я», — которую принимают даже не все психологи, как простым прикрытием нашего невежества. Д-р Макдугалл склоняется к мнению, что Салли была отдельным психическим существом, управлявшим телом мисс Бошан. Случай Дорис Фишер, во многом сходный с предыдущим, подкрепляет этот взгляд — что иногда человеческое тело может стать местом действительного вторжения из мира духов, случаем одержимости. Если мы допускаем гипотезу духов, в этом взгляде нет ничего

невероятного. В случае Дорис вторгшийся дух, если это был дух, помог, подобно Салли, излечению субъекта и окончательному возвращению его в нормальное состояние после многих лет страданий и периодических смен личности.

Один из самых необычайных случаев изменения личности таков:

> Луранси Веннум, американская девочка, в четырнадцать лет оказалась, по всей видимости, под управлением духа Мэри Рофф, дочери соседей, умершей девятнадцати лет, когда Луранси было всего пятнадцать месяцев. Обе семьи, кроме короткого времени, жили далеко друг от друга и были знакомы лишь самым поверхностным образом. Тем не менее Луранси в своей новой личности называла Роффов своими родителями, знала сокровенные подробности их семейной жизни, узнавала родственников и друзей Роффов и называла их по именам, знала мелкие случаи из жизни Мэри Рофф и в течение четырех месяцев действительно казалась перевоплощением Мэри Рофф.

Это краткое изложение дает недостаточное представление обо всей истории,[6] которая опирается на превосходные свидетельства. Д-р Ходжсон, лично исследовавший этот случай, был того мнения, что Луранси действительно управлял дух умершей Мэри Рофф.

---

[6] Изложена в брошюре д-ра Стивенса «Уотсекское чудо», изданной в Рочестере (США), а также в «Человеческой личности», т. I, с. 360 и далее.

Вероятно, немногие психологи в наши дни приняли бы этот вывод, но д-р У. Макдугалл, член Королевского общества, указал на насущную важность непредвзятого обсуждения случаев множественной личности, подобных случаю Салли Бошан. Разумеется, мы не можем легко отмахнуться от веса

доказательств, показывающих видимую зависимость памяти, а значит, и личности, от сохранности мозга и от физических изменений, производимых в нем нашим опытом. Тем не менее, как замечает д-р У. Макдугалл:

> «Если мы принимаем данное д-ром Принсом описание Салли Бошан, мы можем объяснить ее, только приняв взгляд, согласно которому нормальная личность состоит из тела и души во взаимодействии, причем душа в своей памяти не зависит от мозга или иной физической основы, а обладает в числе прочих своих способностей способностью удерживать и вспоминать… Этот вывод весьма сильно подкрепил бы спиритическое объяснение таких случаев, как случай миссис Пайпер, и во многом оправдал бы веру в продолжение человеческой личности после смерти тела».[7]

[7] «Труды Общества психических исследований», т. XIX, с. 430.

Этот вывод получит дальнейшее освещение и подкрепление в следующих главах.

ЧАСТЬ IV

ГЛАВА XII

ВИДЕНИЯ

✦

«Смею ли сказать,
Что ни один дух не расторг уз,
Удерживающих его вдали от родной земли,
Где он ходил когда-то, облеченный в прах?»

Теннисон. «In Memoriam», XCIII

Теперь от причудливых, *bizarre*, и загадочных явлений, которые мы до сих пор разбирали, нам следует перейти к более важному вопросу — к тем свидетельствам, которые спиритизм дает в пользу продолжения человеческой жизни после того, как она, по всей видимости, прекратилась в материальном теле. Прежде чем приступить к экспериментальной части этого исследования, желательно рассмотреть свидетельства в пользу посмертного существования, которые дают видения умирающих и умерших. Эта сторона нашего предмета встречает более широкое признание и меньше возражений со стороны людей религиозного склада, чем свидетельства, полученные на сеансах с тем или иным медиумом, которые многие считают недозволенными.

Один из самых осторожных и философски мыслящих среди выдающихся ученых прошлого поколения, покойный д-р Р. Ангус Смит, член Королевского общества, писал мне сорок лет назад, что не знает ни одного закона природы, кроме самых очевидных,

который подкреплялся бы столь многочисленными и столь почтенными свидетельствами, как факт появления видений около времени смерти[1]. При последующей встрече я узнал от него, что к этому мнению он пришел лишь после долгого и тщательного изучения свидетельств, какие можно было собрать в то время. С тех пор Общество психических исследований накопило множество новых, подтверждающих свидетельств, которые вошли в два объемистых тома «Фантазмы живых и умерших», изданных Обществом.

[1] Поскольку письмо целиком может представить интерес в будущем, привожу его здесь полностью:

«Манчестер, 18 октября 1876 года.

Дорогой профессор Барретт! Я вижу, вы глубоко погрузились в это увлекательное изучение — изучение действия ума, освобожденного от организма. Меня очень удивляет, что находится человек, который считает это малозначащим, и что находится человек, который считает свое собственное мнение настолько важным, что не желает знать никаких свидетельств. Мне не удалось найти книги, в которой содержались бы все законы природы, нужные для того, чтобы держался мир, но некоторых людей удовлетворить нетрудно.

Трудно получить такие доказательства свободного ума, каких требуют люди. Видений бесчисленное множество, и случаются они при обстоятельствах, которые, кажется, превращают зрелище отсутствующих, особенно около времени смерти, в действительность. Я не знаю ни одного закона природы (кроме самых очевидных, тех, что замечает и простой наблюдатель), который подкреплялся бы столь многими утверждениями, так хорошо засвидетельствованными, — если судить по почтенности свидетелей. Имеющиеся у нас указания говорят о какой-то могучей истине решительнее, чем даже отклонения Урана говорили о новейшей из великих планет. Если бы мы смогли доказать действие ума на расстоянии постоянным опытом, это было бы открытие, рядом с которым все прочие открытия показались бы пустяками.

Искренне ваш Р. Ангус Смит».

В этом монументальном труде, обязанном своим появлением главным образом трудам и учености м-ра Эдмунда Герни,

промежуток между смертью и видением умирающего или умершего был ограничен двенадцатью часами. Были, однако, получены записи из первых рук, где этот промежуток был намного превышен, а факт смерти в момент переживания был еще неизвестен перципиенту. После строгой проверки приводятся 134 рассказа из первых рук, в которых совпадение между смертью и узнанным «появлением» умершего (будь то зрительное или слуховое переживание) перед далеким человеком, не знавшим о смерти, точное или укладывается в пределы часа; в 39 случаях видение было замечено позднее чем через час, но в пределах двенадцати часов после смерти, а в 38 случаях видение было замечено незадолго до смерти или тогда, когда смерть не последовала, хотя человек был тяжело болен[2]. В 104 случаях не было известно, предшествовало ли переживание перципиентов смерти или последовало за ней; из-за этой неопределенности такие случаи в расчет не принимались.

[2] «Труды Общества психических исследований», т. V, с. 408.

М-р Герни и м-р Майерс поместили в т. V «Трудов Общества психических исследований» ценную статью, где были приведены новые свидетельства из первых рук о «видениях, появляющихся вскоре после смерти». Ее дополнила статья м-ра Майерса в т. VI о «видениях, появляющихся *более* чем через год после смерти», где на основании свидетельств из первых рук записаны 14 вередикальных и узнанных видений.

Критическое рассмотрение свидетельств не оставило ни у одного исследователя сомнения в том, что эти видения были *вередикальными*, то есть правдивыми, и что их появление не было вызвано ни обманом чувств перципиента, ни случайным совпадением. Что касается последнего, то, чтобы получить

статистическое доказательство, м-р Герни произвел численное сравнение вередикальных видений с чисто случайными, то есть не совпавшими со смертью. Для этого он собрал почти 6000 ответов на вопрос, с которым обратился ко взрослым людям: не было ли у них какого-нибудь подобного видения или галлюцинации в течение предшествующих десяти лет. За этим последовала еще более тщательная перепись подобного рода, проведенная профессором Генри Сиджвиком и миссис Сиджвик, в ходе которой было получено 17 000 ответов. Когда относительную частоту вередикальных и случайных галлюцинаций подвергли критическому рассмотрению, оказалось возможным доказать или опровергнуть объяснение случайным совпадением. Результат показал, что в одной только переписи Сиджвиков отношение вередикальных и узнанных видений (то есть совпадающих случаев) к бессмысленным (то есть не совпадающим) было в 440 раз больше, чем дал бы чистый случай. Тщательный разбор этой переписи, проведенный специалистами, заполняет т. X «Трудов Общества психических исследований», и в нем сделан определенный, но осторожно выраженный вывод, что

> «между смертью и видениями умирающего существует связь, которая не объясняется одной лишь случайностью. Это мы считаем доказанным фактом. Обсудить все, что из него следует, в этой статье невозможно, и, быть может, в наш век этого и не исчерпать».

Такой результат опровергает распространенное мнение, будто лишь по чистой случайности видение совпало со смертью именно этого человека и будто попадания запоминаются, а промахи забываются.

В ходе этих продолжительных исследований выяснилось, что число узнанных видений быстро убывает в первые несколько дней после смерти, затем медленнее, а через год и более они становятся гораздо реже и случаются лишь изредка. Этого, впрочем, и следовало ожидать: при любой теории о природе этих видений вероятно, что способность к общению между умершими и живущими на земле ослабевает по мере того, как время перехода из этой жизни отодвигается все дальше. Нам незачем заключать отсюда, что душа ушедшего постепенно угасает, ибо мы не можем проследить путь души и не знаем ее сродства в той более широкой жизни, что лежит за гранью. Есть, кроме того, случаи, о которых мы скажем в одной из следующих глав, когда свидетельства посмертного существования были получены спустя более чем поколение после того, как сообщающий ушел из земной жизни.

Те, кто сам был свидетелем видения далекого умершего друга, о смерти которого совсем не знал, или слышал рассказ об этом из первых рук, бывают поражены этим единственным случаем гораздо сильнее, чем каким угодно количеством свидетельств, почерпнутых из чтения отчетов о видениях. Так было и со мной, когда одна моя юная знакомая рассказала мне о следующем видении, которое ей было; и подробный перекрестный допрос, которому ее подвергли на заседании Общества психических исследований, где я прочел этот рассказ, ничуть не поколебал ее показаний. Полный отчет помещен в «Журнале Общества психических исследований» за май 1908 года. Важная особенность этого случая в том, что перципиентка училась тогда в монастырской школе в Бельгии, где у нее не было решительно никакого доступа ни к газетам, ни к иным источникам сведений,

которые могли бы навести ее на это видение. Вкратце случай таков:

> Один довольно известный джентльмен застрелился в Лондоне весной 1907 года. Едва ли можно сомневаться, что рассудок его в то время помутился от письма одной дамы, полученного в то утро и разбившего все его надежды; прежде чем лишить себя жизни, он набросал записку, оставлявшую пожизненную ренту моей юной знакомой, которая была его крестницей и к которой он был очень привязан. Три дня спустя (в день его похорон) он явился этой крестнице, которая, как сказано, воспитывалась в монастырской школе на континенте, сообщил ей о своей внезапной смерти, о том, как он умер, и о причине, которая заставила его лишить себя жизни, и попросил ее молиться за него.
>
> Мать, желая скрыть от дочери горестные обстоятельства смерти ее крестного, выждала несколько дней *после* похорон и только тогда написала ей, сообщив лишь, что ее дядя (так его называли) скоропостижно скончался. Впоследствии, встретив дочь по ее возвращении с континента, мать с изумлением услышала не только о видении, но и о том, что оно сообщило ее дочери все обстоятельства, которых она вовсе не собиралась ей открывать. Тщательное расследование показывает, что эти сведения никак не могли дойти до ее дочери обычным путем.
>
> Член Общества психических исследований мисс Чарлтон, любезно съездившая в монастырь, чтобы навести справки по этому случаю, сообщает, что девочки в монастыре никогда не видят газет, все письма просматриваются и в монастыре, по-видимому, никто не знал умершего джентльмена; поэтому «о том, чтобы какие-либо сведения о самоубийстве ее крестного или о его причине могли дойти до перципиентки обычными путями, нельзя помыслить ни на минуту».

Мать перципиентки, моя добрая знакомая, заверила меня, что ни она, ни кто-либо из ее родных (если бы они и знали о самоубийстве, а они о нем не знали) не писали об этом деле в монастырь, кроме того, что рассказано выше.

Иногда, как в предыдущем случае, фантазм не только виден, но, по-видимому, и слышен, когда говорит; иногда он может возвещать о своем присутствии звуковыми знаками. Такие случаи мы можем считать слуховыми галлюцинациями наравне со зрительными. В следующем случае, который в 1892 году исследовал профессор Сиджвик (дом посетила также миссис Сиджвик), наряду с видением был слышен и стук. Перципиентом был преподобный Мэтью Фрост из Бауэрс-Гиффорда в Эссексе, сделавший следующее заявление:

«В первый четверг апреля 1881 года, когда я сидел за чаем спиной к окну и, как обычно, разговаривал с женой, я отчетливо услышал стук в окно и, оглянувшись на окно, сказал жене: „Да ведь это моя бабушка“, — и пошел к двери, но никого не увидел; по-прежнему будучи уверен, что это была бабушка, и зная, что она, хоть ей и было восемьдесят три года, очень бодра и любит пошутить, я обошел вокруг дома, но никого не увидел. Жена моя стука не слышала. В следующую субботу я получил известие, что бабушка умерла в Йоркшире примерно за полчаса до того времени, когда я услышал стук. В последний раз, когда я видел ее живой, я обещал, если буду здоров, приехать на ее похороны; это было года за два до того. Я был совершенно здоров, никаких огорчений у меня не было, лет мне было двадцать шесть. Я не знал, что бабушка больна».

Миссис Фрост пишет:

«Настоящим удостоверяю, что прекрасно помню все обстоятельства, о которых говорит мой муж, но сама я ничего не слышала и не видела».

Профессор Сиджвик узнал от м-ра Фроста, что в последний раз, когда он видел бабушку, за три года до видения, она обещала, если будет возможно, явиться ему в час своей смерти. Никаких причин тревожиться о ней у него не было; известие о смерти пришло к нему письмом, и тогда-то м-ра и миссис Фрост поразило это совпадение. Был полный дневной свет, когда м-р Фрост увидел фигуру и подумал, что бабушка неожиданно приехала во плоти и хочет его удивить. Будь это живой человек, миссис Фрост и увидела бы, и услышала бы его; да и живой человек не успел бы скрыться за такое время, ибо, как установила миссис Сиджвик, дом стоит в саду, довольно далеко от дороги, а м-р Фрост тотчас вышел посмотреть, действительно ли там бабушка.

Следующий случай был тщательно исследован, и подтверждающие свидетельства были собраны м-ром Эдмундом Герни вскоре после того, как это произошло с рассказчиком, м-ром Хасбендсом[3]:

[3] «Труды Общества психических исследований», т. V, 1889.

«15 сентября 1886 года.

Факты попросту таковы. В начале 1885 года я ночевал в гостинице на Мадейре. Ночь была светлая, лунная. Окна были открыты, шторы подняты. Я почувствовал, что в комнате кто-то есть. Открыв глаза, я увидел молодого человека лет двадцати пяти во фланелевом костюме, который стоял у моей кровати и указывал указательным пальцем правой руки на то место, где я лежал. Несколько секунд я лежал, чтобы убедиться, что там действительно кто-то есть. Затем я сел и посмотрел на него. Я видел его черты так ясно, что узнал их на фотографии, которую

мне показали несколько дней спустя. Я спросил, что ему нужно; он не говорил, но его глаза и рука, казалось, говорили мне, что я занимаю его место. Так как он не отвечал, я, приподнявшись, ударил его кулаком, но не достал, а когда я собрался вскочить с кровати, он медленно исчез сквозь дверь, которая была закрыта, все время не сводя с меня глаз.

Наведя справки, я узнал, что молодой человек, явившийся мне, умер в той самой комнате, которую я занимал».

Джон Э. Хасбендс

Следующее письмо — от мисс Фолкнер с Черч-террас в Уисбеке, которая жила в этой гостинице, когда произошел описанный случай:

«8 октября 1886 года.

Фигура, которую м-р Хасбендс видел на Мадейре, была фигурой молодого человека, неожиданно умершего за несколько месяцев до того в комнате, которую занимал м-р Хасбендс. Любопытно, что м-р Х. никогда не слышал ни о нем, ни о его смерти. Он рассказал мне эту историю наутро после того, как увидел фигуру, и я узнала молодого человека по описанию. Меня это очень поразило, но я ничего не сказала ни ему, ни кому-либо другому. Я держалась поблизости, пока не услышала, как м-р Хасбендс рассказывает ту же историю моему брату; мы отошли от м-ра Х. и в один голос сказали: „Он видел м-ра Д.“

Несколько дней об этом больше не говорили; затем я неожиданно показала фотографию. М-р Хасбендс сразу сказал: „Это тот самый молодой человек, который явился мне в ту ночь, только одет он был иначе“, — и описал костюм, который тот часто носил: „крикетный (или теннисный) костюм, завязанный у ворота морским узлом“. Должна сказать, что м-р Хасбендс — человек в

высшей степени практический, и уж его-то, казалось бы, меньше всего мог посетить „дух“».

К. Фолкнер

При дальнейших расспросах выяснилось, что молодой человек, явившийся м-ру Хасбендсу, умер ровно за год до того, что комнату, в которой он умер, впоследствии занимали другие приезжие, которые, по-видимому, никакого видения не видели, и что м-р Хасбендс занял эту комнату и увидел фигуру, должно быть, 2 или 3 февраля. Невестка мисс Фолкнер, также находившаяся тогда в гостинице, подтверждает изложенные факты и помнит, как м-р Хасбендс рассказывал ей о случившемся; она же дала мисс Фолкнер фотографию умершего, которую узнал м-р Хасбендс.

Даже если бы м-р Хасбендс слышал о смерти м-ра Д. и забыл об этом, это не позволило бы ему узнать сходство, когда ему показали фотографию. М-р Герни, как я уже сказал, тщательно исследовал этот случай и виделся и с м-ром Хасбендсом, и с мисс Фолкнер, получив от каждого полный устный, *viva voce*, рассказ. М-р Герни замечает:

> «Оба они люди вполне практические и как нельзя более далекие от суеверной любви к чудесному; ни у того, ни у другого не было прежде никакого интереса ни к этому, ни к какому-либо иному роду сверхнормальных переживаний. Насколько я мог судить, м-р Хасбендс совершенно верно судит о себе: он последний человек, который стал бы придавать мнимую важность чему-либо, что с ним приключилось, или позволил бы воображению исказить факты. Как будет видно, его рассказ о видении *предшествовал* всякому его знанию о смерти, случившейся в этой комнате».

Я непомерно растянул бы эту книгу, если бы стал приводить еще выдержки из многочисленных замечательных и хорошо

удостоверенных случаев видений, записанных в «Трудах Общества психических исследований»[4]. В сущности, они так обычны и так общепризнанны, что главный скептицизм относительно них касался «призраков одежды», которую они носили, как в последнем случае. Это было бы загадкой, если бы их считали объективной реальностью, внешней по отношению к перципиенту. Но если мы будем рассматривать видения умирающих и умерших как *фантазмы*, проецируемые умом перципиента, то трудности с одеждой, как и с призраками домашних животных, которых тоже иногда видят, исчезают.

[4] Несколько других поразительных случаев приведено в главе X моей книги «Психические исследования» в серии «Домашняя университетская библиотека».

В этой субъективной теории видений нет ничего невероятного, ибо все вещи, которые мы видим, суть фантазмы, проецируемые нашим умом во внешний мир. Правда, оптическое устройство глаза отбрасывает на сетчатку крошечное и действительное перевернутое изображение окружающих нас предметов, но мы не разглядываем это изображение, как фотограф разглядывает его в своей камере; оно производит впечатление на определенные клетки мозга, и затем мы мысленно проецируем вне себя большой прямой фантазм изображения на сетчатке. Правда, этот фантазм берет начало в действительном изображении на сетчатке, но он не более реальная вещь, чем мнимое изображение нас самих, которое мы видим в зеркале. Если же впечатление будет произведено на те же клетки мозга не через волокна зрительного нерва, а непосредственно, каким-либо телепатическим толчком, то можно с полным основанием предположить, что последует зрительный отклик и наш ум спроецирует во внешнее пространство соответствующий образ.

И это не чистая гипотеза. Неоднократно производились настоящие опыты по телепатии, в которых перципиент видел видение далекого человека, мысленно желавшего дать знать о своем присутствии. Первая удачная попытка такого рода, при условиях, не допускающих никаких споров, была сделана в 1881 году моим близким знакомым м-ром С. Х. Бирдом, одним из первых членов Общества психических исследований. Несколько раз м-ру Бирду удавалось усилием воли вызвать появление своего призрака в трех милях от себя перед некоторыми знакомыми, которые не знали о его намерении произвести опыт. Призрак казался таким настоящим и плотным, что перципиент думал, будто сам м-р Бирд внезапно вошел в комнату; а однажды фигуру видели одновременно два человека. Сходных результатов добились по меньшей мере еще девять человек, независимо друг от друга, живших, по сути, в разных частях света, причем в каждом случае был произведен не один тщательно поставленный и успешный опыт[5].

[5] Полные подробности этих случаев можно найти в книге м-ра Майерса «Человеческая личность», т. I, с. 292 и далее и с. 688 и далее.

Несомненно, эти видения, хотя и казались столь живыми и вещественными, были галлюцинациями; но каким путем мысль способна воспроизвести себя в далеком уме и тем заставить его проецировать эти призраки? Либо мысль в А. каким-то неизвестным способом воздействует на мозговое вещество в Б. и так возбуждает впечатление, либо мысль существует независимо от материи. Какую бы из этих возможностей мы ни приняли, — как говорит м-р Ф. У. Г. Майерс,

> «здесь перед нами встает сама тайна жизни — коренная антиномия Разума и Материи. Но такие встречи с

> метафизическими проблемами, приведенными к конкретной форме, — особенность наших исследований; и раз эта проблема уже существует, раз клетки мозга действительно изменяются либо мыслью, либо вместе с нею, мы не вправе считать само собой разумеющимся, что проблема при более близком подходе к ней останется в своих древних границах или что Разум, чью далеко разящую силу мы теперь начинаем постигать, непременно всегда бессилен над чем-либо, кроме серого вещества мозга» («Труды Общества психических исследований», т. X, с. 421).

Несомненно, у людей сознательная мысль всегда стремится и тяготеет к тому, чтобы выйти вовне, перейти от замысла к выражению. Творение есть вынесенная вовне мысль Бога, и этим богоподобным свойством мы, как часть Вселенского Разума, обладаем в частичной, ограниченной мере. Наши слова и поступки — постоянное, хотя и частичное, воплощение наших мыслей, совершаемое посредством механизма нашей нервной и мышечной систем. Но и без этого механизма мысль, как мы показали, может иногда выходить за пределы своих обычных путей выражения и действовать на другой ум не опосредованно, а *непосредственно*, производя не только зрительные и слуховые впечатления, но и физиологические изменения.

И действительно, тщательно поставленные опыты, некоторые из которых я видел сам, показали, что поразительные физиологические изменения можно вызвать у загипнотизированного испытуемого одним лишь сознательным или подсознательным мысленным внушением. Так, красный рубец или болезненный ожог можно вызвать на теле испытуемого единственно внушением этой мысли. Посредством некоторого местного расстройства кровеносных сосудов кожи бессознательное «я» сделало то, что сознательному «я» было бы

невозможно совершить. Так же обстоит дело и в хорошо засвидетельствованных случаях стигматов, когда на теле экстатика появляется близкое подобие ран на теле распятого Спасителя. Это случай бессознательного *само*внушения, возникающего из пристального и благоговейного созерцания экстатиком кровоточащей фигуры на распятии. Когда сознательное «я» отступает, выходят наружу скрытые силы, а транс и воспроизведение ран строго подобны опытным случаям, о которых говорилось выше.

Не может ли и влияние дородовых впечатлений на потомство (если такие случаи доказаны) иметь сходное происхождение? И если мне позволено высказать предположение, не могут ли хорошо известные случаи мимикрии в животном мире возникать, подобно стигматам, из рефлекторного действия, совершающегося, как сказали бы физиологи, ниже уровня сознания и порожденного в какой-то мере преобладающим впечатлением? Смею думать, что вскоре биологи признают значение психического фактора в эволюции.

Приспособление к среде обычно — медленный процесс, растянутый на бесчисленные поколения, но и здесь, среди прочего, *inter alia*, могут действовать те же причины. Более того, иногда происходят и быстрые изменения. Так, прекрасные опыты профессора Поултона, члена Королевского общества, показали, что некоторые гусеницы могут не раз за свою жизнь менять окраску сообразно окружению. Я видел, как ярко-зеленая гусеница приобрела черную кожу, когда ее взяли из зеленой среды и поместили среди черных веточек. Сказать, что нервное раздражение, вызвавшее эти отложения пигмента, возбуждается особым светом, действующим на поверхность кожи, — не значит ничего объяснить.

Какой же чудотворной силой совершается это удивительное изменение? Разумеется, не каким-либо сознательным действием гусеницы, ибо даже куколки этих гусениц претерпевают подобное изменение: светлая куколка становится совершенно черной, если ее поместить на черную бумагу; и даже пятна металлического блеска, точь-в-точь как золото, появляются на ее покровах, — могу это засвидетельствовать, — если куколку поместить на позолоченную бумагу! Не похоже ли на то, что животная жизнь в какой-то мере разделяет с нами некоторые сверхнормальные способности и что эти перемены окраски могут быть обязаны влиянию причин, несколько сходных с теми, что производят стигматы, то есть внушению, бессознательно почерпнутому из окружения? Если так, то перед нами нечто подобное выходу вовне бессознательной мысли в нас самих.

Вернемся, однако, от этого отступления. *Все* ли видения бесплотны и субъективны и порождены телепатическим толчком от живых или от умерших — этого я сказать не готов. Есть случаи, которые этой гипотезой охватить очень трудно, — когда видение наблюдали несколько человек и когда оно, казалось, имело определенное объективное существование, последовательно занимая разные положения. Во всяком случае, нам следует остерегаться доводить телепатическую теорию до нелепых крайностей, к чему, по-видимому, склонны некоторые исследователи психических явлений.

В сущности, мы стоим лишь на пороге познания этой темной и трудной области исследования, и смирение ума не меньше, чем уверенность надежды, должно стать привычным складом нашей мысли. Как заметил сэр Оливер Лодж, «знание никогда не сможет расти, пока не будет понято, что вопрос „Верите ли вы в эти вещи?“ ребячлив, если ему не предшествовал вопрос „Что вы о них

знаете?“». Неизменно именно те, кто ничего не знает о предмете, презрительно говорят: «Уж не верите же *вы* в эти вещи!»

Есть несколько замечательных случаев, когда умирающий перед самым мгновением перехода из земной жизни как будто видит и узнает кого-то из своих умерших родных или друзей. Этим свидетельствам не всегда можно придавать большой вес, так как галлюцинации у умирающих нередки. Вот, однако, случай — один из многих, записанных в полезном журнале «Лайт», — который сильно поразил врача, рассказывающего о нем.

Д-р Уилсон из Нью-Йорка, присутствовавший при последних минутах м-ра Джеймса Мура, известного в Соединенных Штатах тенора, приводит следующий рассказ:

> «Было около четырех часов утра, и рассвет, которого он ждал, прокрадывался сквозь ставни, когда я, склонившись над кроватью, заметил, что лицо его совершенно спокойно, а глаза ясны. Бедняга посмотрел мне в лицо и, взяв мою руку в обе свои, сказал: „Вы были мне добрым другом, доктор“. Затем произошло нечто такое, чего я не забуду до самой смерти, — нечто совершенно неописуемое. Хотя он казался вполне рассудительным и был в таком же здравом уме, как любой человек, какого я когда-либо видел, единственный способ, каким я могу это выразить, — сказать, что он перенесся в другой мир; и хотя я не могу удовлетворительно объяснить себе это, я вполне убежден, что он вступил в золотой город, — ибо он сказал голосом более сильным, чем тот, каким говорил с тех пор, как я начал его лечить: „Вот мама! Мама, неужели ты пришла сюда повидать меня? Нет, нет, это я иду к тебе. Подожди немного, мама, я уже почти перешел. Подожди, мама, подожди, мама!“
>
> На лице его было неизъяснимое счастье, и то, как он произнес эти слова, подействовало на меня так, как ничто никогда прежде, и я

так же твердо убежден, что он видел свою мать и говорил с ней, как в том, что я сижу здесь.

Чтобы сохранить то, что я считал его разговором с матерью, а также чтобы иметь запись самого странного происшествия в моей жизни, я тотчас записал каждое сказанное им слово. Это была одна из самых прекрасных смертей, какие я когда-либо видел».

Мисс Кобб в своей книге «Пик в Дариене» приводит другой случай такого рода, но следующий рассказ еще поразительнее. За него ручается мой друг, покойный м-р Хенсли Веджвуд, который поместил его в «Спектейторе». М-р Веджвуд пишет:

«Лет сорок или пятьдесят тому назад одна молодая девушка, моя близкая родственница, умирала от чахотки. Несколько дней она лежала в полном изнеможении, ни на что не обращая внимания, как вдруг открыла глаза и, глядя вверх, медленно произнесла: „Сьюзен — и Джейн — и Эллен!“ — словно узнавая присутствие своих трех сестер, которые прежде умерли от той же болезни. Затем, после короткой паузы, она продолжала: „И Эдвард тоже!“ — назвав брата, которого тогда считали живым и здоровым в Индии, — словно удивившись, что видит его в этом обществе. Больше она ничего не сказала и вскоре скончалась. С очередной почтой из Индии пришли письма, сообщавшие о смерти Эдварда от несчастного случая за неделю или две до смерти его сестры. Это рассказала мне старшая сестра, которая ухаживала за умирающей и была у ее постели в ту минуту, когда той, по всей видимости, явилось видение».

Этот последний случай, если он верно рассказан, трудно объяснить без натяжки. Я лично знаю и один или два подобных случая, которые мои осведомители считают слишком священными, чтобы делать их достоянием гласности. Несколько замечательных случаев видений у умирающих приводится в

«Трудах» и «Журнале Общества психических исследований»; к сожалению, они слишком длинны, чтобы приводить их здесь; особо отсылаю читателя к следующим: «Труды», т. III, с. 93; т. V, с. 459, 460; т. VI, с. 294. Свидетельства, по-видимому, неоспоримо говорят о том, что в некоторых редких случаях перед самой смертью завеса отчасти отдергивается и умирающему дается увидеть любимых, ушедших прежде него.

ГЛАВА XIII

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО. СВИДЕТЕЛЬСТВА ТОЖДЕСТВА

✦

«Есть ли ответный голос из пустоты,
Иль напрасна и тщетна страстная мольба моя?
Неужели все мои надежды навеки погибли
Во мраке тьмы, в бездне отчаяния?»

Ф. У. Г. Майерс

Посмотрим теперь, какие еще опытные свидетельства посмертного существования дают психические исследования. Ни один непредубежденный человек, изучивший свидетельства, столь тщательно просеянные в последние годы, не может, по моему мнению, уклониться от вывода, что существует невидимый мир разумных существ, и некоторые из них, как покажут следующие главы, с большим или меньшим успехом старались доказать, что когда-то жили на земле. Похоже, что способ, которым проявляют себя эти невидимые разумные существа, время от времени меняется. В одну пору чаще всего, по-видимому, встречаются привидения в домах и полтергейсты, в другую — видения, в третью — сверхнормальные физические явления, вроде тех, что разбирались в предыдущих главах; в настоящее же

время самым обычным, по-видимому, стало автоматическое письмо.

Любопытно отметить, что автоматическое письмо — также одна из древнейших засвидетельствованных форм сверхнормального сообщения. Более двух тысяч лет назад о нем упомянул один еврейский пророк: «Все сие Господь дал мне уразуметь в письмени, когда рука Его была на мне».[1] Автоматические сообщения могут получаться либо так, что автоматист пассивно держит карандаш на листе бумаги, либо с помощью планшетки, либо с помощью доски «уиджа». При последнем способе автоматист легко касается пальцами указателя — это может быть маленькая дощечка, похожая на планшетку, или любое другое приспособление, — и спустя некоторое время указатель начинает более или менее быстро двигаться к разным буквам алфавита, напечатанным на доске под ним или разложенным на столе.

[1] Первая книга Паралипоменон, 28:19.

У всех этих способов сообщения есть общий недостаток: автоматист, даже если он совершенно вне подозрений, может бессознательно направлять карандаш или указатель; отсюда необходимость критически рассматривать и полученные таким путем свидетельства, и само содержание сообщений.[2] Прежде всего: нельзя ли разумно объяснить сообщения, полученные через заслуживающих доверия автоматистов или медиумов, передачей мыслей от тех, кто сидит с медиумом, или телепатией от других живых людей, которым могут быть известны некоторые из автоматически записанных фактов?

[2] Читателю следует помнить, что невидимым разумом может быть — и в некоторых случаях, вероятно, действительно бывает — лишь подпороговое «я» медиума.

Такого объяснения и в самом деле держались некоторые исследователи; но даже если принять факт передачи мыслей, интересное подтверждение которому дают многие автоматические сообщения, это продвигает нас лишь немногим дальше: может иметь место и ясновидение — видение на расстоянии наравне с чувствованием на расстоянии. Далее, в сообщениях нередко любопытным образом отражаются господствующие в обществе настроения, «как будто, — замечает профессор Джеймс, — подсознательное „я“ особенно восприимчиво к некоему слою духа времени (*Zeit-Geist*)». «*Можно представить себе*, — замечает м-р Майерс, —

> что передача мыслей и ясновидение могут дойти до своего рода земного всеведения, так что бессознательному „я“ человека будет открыта некая призрачная картина всего, что люди делают или сделали. Все это могло бы быть; но прежде чем подобная гипотеза вошла бы в круг вопросов, обсуждаемых людьми науки, должна была бы произойти столь коренная перемена умственного склада, что ныне никакой довод не *мог бы* иметь на весах сколько-нибудь большого веса».

Но можно возразить, что пробуждение забытых воспоминаний и некоторых из множества бессознательных впечатлений, запечатлевшихся в нашей личности, способно дать объяснение, лучше согласующееся с нынешним состоянием наших знаний и с научными взглядами наших дней. Этот прилив прошлых впечатлений явился бы для субъекта откровением: он не узнал бы в них частицы собственного прошлого опыта, а потому не считал бы их частью своей личности и смотрел бы на них лишь с тем любопытством и тем более слабым интересом, какие вызывает «не-я». Кроме того, ряд непривычных нервных разрядов, сопровождающих появление новых ощущений и мыслей из

прежде дремавших нервных центров, показался бы автоматисту таким же чужим, как собственный голос, воспроизведенный фонографом, или отражение собственного лица в зеркале, если бы их услышать или увидеть впервые. Возникающее таким образом ощущение «инаковости» порождало бы чувство, будто телом завладело другое «я»; поэтому «руководителя»[3] стали бы называть каким-нибудь знакомым или случайным именем, отличным от имени самого субъекта, или именем, которое, казалось бы, подходит к высказываемым мыслям.

[3] Определение этого термина дано в главе XVIII.

Но достаточно ли этого объяснения? Возможно, оно и указывает истинную причину (*vera causa*), но объясняет ли оно *все* достоверно известные факты, касающиеся двойного сознания, а также этих автоматических сообщений и сообщений в трансе? Что до последних, то я знаю, что оно их, безусловно, *не объясняет*. Оно, быть может, и устраняет основную массу сообщений, которые обычно приписывают бесплотным духам или действию сатаны, но всей области не охватывает. Покойный А. Н. Аксаков — выдающийся русский ученый (*savant*), мнение которого, сложившееся после кропотливого изучения всего предмета на протяжении целой жизни, заслуживает глубочайшего уважения как людей науки, так и спиритуалистов, — указывает (и приводимые им свидетельства вполне подтверждают его слова), что бессознательное «я» медиума не может объяснить *всех* фактов и что порой несомненно обнаруживается действие внешней и невидимой силы. Мнение русского ученого (*savant*) подкрепляется опытом других исследователей; приведу, например, двух выдающихся и вполне компетентных авторитетов, тщательно изучивших эту часть нашего предмета.

В своем учебнике «Психология» покойный профессор У. Джеймс из Гарварда пишет (с. 214):

> Однако близкое знакомство с трансами одного медиума убедило меня, что «руководитель» может быть совершенно отличен от любого *возможного* бодрствующего «я» этого человека. В случае, который я имею в виду, он выдает себя за некоего умершего французского врача и, я убежден, знаком с обстоятельствами, с живыми и умершими родственниками и знакомыми бесчисленных участников сеансов, которых медиум никогда прежде не встречала и чьих имен никогда не слыхала… Я убежден, что серьезное изучение этих явлений транса — одна из величайших нужд психологии.

Профессор У. Джеймс говорит не только с авторитетом выдающегося психолога: ему представился и необычайный случай тщательно исследовать известного медиума миссис Пайпер, о которой здесь идет речь, и он повторяет — в письме к м-ру Майерсу, напечатанном в «Трудах Общества психических исследований», т. VI, с. 658, — что

> я так же совершенно уверен, как в любом факте собственной жизни, что в трансах она знает то, чего никак не могла слышать в бодрствующем состоянии.

Сэр Оливер Лодж, член Королевского общества, — второй свидетель, которого я приведу, — тоже долго изучал миссис Пайпер и вполне присоединяется к мнению профессора Джеймса; он говорит:

> Личность миссис Пайпер в трансе несомненно (я употребляю это слово в самом сильном смысле) осведомлена о многом, к чему у нее нет никакого из обычно признаваемых ключей и о чем она в

обычном состоянии ничего не знает. Но как она получает это знание?

Таков вопрос, с которым нам приходится иметь дело, и для этого нам нужно собирать правдивые, *подтверждающиеся* сообщения и критически исследовать, было ли их содержание известно умершему и *не* известно ни медиуму, или автоматисту, ни участникам сеанса. Это и делается теперь — и делалось уже много лет — тщательными и опытными исследователями, связанными с английским и американским обществами психических исследований. Результат подтвердил мнение, которого я давно держусь и которое высказал в своей книге «Новый мир мысли» (вышедшей много лет назад) в следующих словах, остающихся неизменными:

По моему мнению, существуют свидетельства того, что те, кто когда-то жил на земле, время от времени сообщаются с нами, — свидетельства не столь удовлетворительные, как хотелось бы, и никогда не открывающие их личности полностью, но в общем дающие такое же мелочное и отрывочное ее изображение, какое мы находим в собственных снах. Но эти сообщения — нечто большее, чем бессвязное бормотание спящего. За ними видна та же способность соединять и рассуждать, что и в нашем собственном нормальном самосознании; видна невидимая личность со своим собственным умом и характером, совершенно отличными от ума и характера нормального «я» субъекта.[4] Некоторые исследователи полагали, что эта личность — лишь часть личности медиума, трансцендентальное «я» бессознательной души; но если и так, то она, я убежден, во время транса соприкасается с теми, кто когда-то жил на земле; свидетельства существования некоего внеземного собеседника, безусловно, есть, как бы неудовлетворительны и сноподобны ни

были зачастую сами сообщения. Вот что указал профессор (ныне сэр Оливер) Лодж о миссис Пайпер, когда ее «руководителя» спрашивают об источнике его сведений:

[4] См. замечательные случаи, приведенные м-ром Майерсом в «Трудах Общества психических исследований», т. VI, с. 341 и далее.

«Она сама в состоянии транса утверждает, что она», *то есть* ее «руководитель», или та часть ее, которая называет себя д-ром Финюи, «получает их, беседуя с умершими друзьями и родственниками присутствующих… но даже когда голос меняется и сообщения как будто исходят от самих этих людей, из этого не следует, что сами они непременно сознают это и что их сознательный ум (если он у них есть) вообще имеет какое-либо отношение к этому процессу».[5]

[5] «Труды Общества психических исследований», т. X, с. 15 и 17.

Это мнение сэр Оливер Лодж высказал в 1894 году, но более широкий опыт, приобретенный нами в последние годы, особенно свидетельства «перекрестной переписки» (о которой я скажу чуть ниже), привел всех серьезных исследователей в области психических исследований к убеждению, что со стороны невидимых собеседников есть сознательное и обдуманное усилие убедить нас в своем посмертном существовании.

В сущности, сообщения распадаются на две группы, между которыми нет четкой границы. В одной группе причиной, по-видимому, служит действие скрытых сил, заключенных в нашей нынешней человеческой личности, которые особое устройство медиума делает явными; в другой группе причиной, по-видимому, служит действие тех же сил, но управляемых невидимыми личностями, которые когда-то жили на земле или утверждают, что жили.

Иначе говоря, бессознательный ум медиума есть орудие, *из* которого в первом случае и *через* которое во втором исходят сообщения. Не следует, однако, заключать, что эти последние во всех случаях внеземного происхождения: причиной их иногда может быть телепатическое воздействие живых людей, находящихся далеко, — как, например, в известном случае преподобного П. Г. Ньюнема и миссис Ньюнем, когда рука миссис Ньюнем автоматически писала ответы на вопросы, заранее записанные ее мужем, о смысле которых ее сознательное «я» не имело ни малейшего понятия. Это показывает, как необходимо подвергать все «спиритические» сообщения самой строгой проверке, прежде чем решать, откуда они, вероятно, исходят.

Вполне зная все эти обстоятельства, и м-р Фредерик Майерс, и д-р Ходжсон еще до своего ухода с земли были убеждены на основании собственных исследований, что эти автоматические сообщения устанавливают факт посмертного существования. С тех пор как эти первопроходцы психических исследований вступили в невидимый мир, они сами, по-видимому, особо направляли многие сообщения так, чтобы исключить возможную телепатию от живущих на земле или всплытие подсознательных воспоминаний медиума. Достигали они этого тем, что делали очевидным присутствие разума, способного соединять и рассуждать, отдельного от разума автоматиста и превосходящего его. Значение более поздних сообщений — через миссис Пайпер, покойную миссис Верролл и нескольких других автоматистов, — содержащих то, что получило название «перекрестной переписки», состоит именно в том, что они кажутся необъяснимыми, если не признать, что их задумал, согласовал и направлял некий разум, который, безусловно, *не* есть сознательный разум какого-либо воплощенного ума.

Запутанность и сложность этих случаев затрудняют их разбор в книге, подобной этой. Но совсем обойти их невозможно, и пример будет приведен ниже. Они обнаруживают не только присутствие разумного и избирательного руководства, но в некоторых случаях содержат и новые, впечатляющие свидетельства, указывающие на тождество действующего разума. В двух последних главах моей небольшой книги «Психические исследования» из серии «Домашняя университетская библиотека» я привел несколько примеров такой «перекрестной переписки» и отсылаю читателя к этим главам. Однако изложить суть этих свидетельств в кратком рассказе очень трудно, и их убедительность можно почувствовать, лишь внимательно прочитав пространные статьи мисс Джонсон и других, напечатанные в «Трудах Общества психических исследований».

Огромная трудность проверки того, тождествен ли этот разум тому умершему, за которого себя выдает, неизмеримо возрастает, когда претендент невидим, когда «самозванство», по-видимому, обычное дело, когда телепатия признана и когда свидетельства носят прерывистый и отрывочный характер. Даже в судах бывают затяжные процессы, такие как дело Тичборна, когда единственный спорный вопрос — тождество определенного претендента. Если *тождество* разума, сообщающегося через медиума, с человеком, некогда жившим на земле, удастся установить хотя бы в одном-единственном случае, все прочие вопросы сравнительно утратят значение. Однако те, кто возьмет на себя труд критически изучить обширные опубликованные записи сообщений, полученных через медиумизм миссис Пайпер, увидят, что понадобится немалая изобретательность и великое множество гипотез, чтобы отделаться от вывода, что в нескольких случаях мы действительно соприкасаемся с подлинными людьми,

которые утверждают, что когда-то жили на земле, и о которых мы знаем, что они жили. Этот вывод, конечно, дело личного суждения, и в нем, без сомнения, скажется умственная предрасположенность каждого, как бы беспристрастен он ни был.

Здесь мы находим разительный пример того, что наше знание друг о друге в значительной мере *непередаваемо* другим. Те, у кого были повторные сеансы с миссис Пайпер и другими подлинными медиумами автоматического письма или речи, убедились в посмертном существовании друзей, ушедших с земли. С другой стороны, те, у кого таких возможностей не было, но кто старательно прочитал опубликованные свидетельства, могут почувствовать их вес и ценность, хотя, быть может, и не придут к тому уверенному выводу, к которому пришли сами исследователи. Причина в том, что мы узнаем друг друга не по словесному свидетельству о нашем тождестве, а мгновенно — по внешности или по знакомым особенностям речи или поведения. Если давно отсутствующий друг, которого мы, может быть, считали умершим, находится на другом конце телефонной линии и, потеряв голос, может говорить с нами лишь через посредника, как трудно было бы ему доказать, что это он! Для этого он стал бы говорить не о текущих событиях, а напоминать мелкие случаи из своей прошлой жизни, которые, как он надеялся бы, мы можем помнить. Такой опыт с телефоном действительно проводили: один человек пытался удостоверить себя перед другим, находившимся на другом конце линии.

Как указывали д-р Ходжсон и другие, лучшее доказательство тождества — точные упоминания о простых случаях, которые участник сеанса может припомнить, но которые неизвестны медиуму или публике вообще. Вот почему в сообщениях, которые будто бы исходят от умершего друга, вспоминаются мелкие

случаи, вероятно никому, кроме участника сеанса, не известные. Постороннему читателю записи такие сообщения могут показаться глупыми и пустыми, но того, кто их получает, они нередко убеждают. Примеры этого будут приведены в следующих главах.

Теперь мы подходим к другому любопытному вопросу: если при автоматическом письме рукой автоматиста управляет и водит какой-то развоплощенный дух, следовало бы ожидать — и иногда мы действительно это находим, — что появятся слова, написанные на языке, неизвестном пишущему.[6] Еще более разительным свидетельством сверхнормального руководства было бы, если бы через совсем маленьких детей, еще не умеющих писать в нормальном состоянии, порой приходило вразумительное автоматическое письмо. Разумеется, для этого нужно, чтобы такие дети обладали психической силой, а потому подобные случаи, вероятно, редки.

[6] Мой друг м-р У. Б. Йейтс сообщает мне, что получил — *не* через профессионального медиума — самые убедительные свидетельства этого. Давались слова на разных языках, например на итальянском, греческом и латыни, известных «руководителям», но совершенно неизвестных медиуму. См. также «Труды Общества психических исследований», т. XIII, с. 337; т. XX, с. 30.

Есть, однако, некоторые достоверные свидетельства этого рода. М-р Майерс в «Человеческой личности» (т. II, с. 484 и далее) приводит два хорошо засвидетельствованных случая, когда дети, которых не учили писать и которые в нормальном состоянии не могли написать ни слова, автоматически писали вразумительные слова. Одним была девочка почти пяти лет, не знавшая ни одной буквы алфавита, другим — девочка, которой только что исполнилось четыре года и которая не имела ни малейшего понятия о письме. Этот последний случай исследовал д-р Ходжсон,

осмотревший написанное; писали карандашом, зажатым между средними пальцами левой руки ребенка. М-р Майерс добавляет: «Я видел копию последней написанной фразы — „Твоя тетя Эмма“. Это размашистые каракули, похожие скорее на письмо взрослого планшеткой, чем на первую попытку ребенка». У девочки была тетя Эмма, умершая за несколько лет до того, а сама девочка умерла вскоре после того, как через ее руку пришло это неожиданное сообщение. Можно добавить, что родители не были спиритуалистами, и мать свидетельствует, что их ребенка «не учили ни азбуке, ни тому, как держать карандаш».

Дальнейшие свидетельства сверхнормального источника этих автоматических сообщений будут приведены в следующей главе; очевидно, что первостепенно важно установить факт этого сверхнормального источника, прежде чем приступать к обсуждению содержания самих сообщений.

ГЛАВА XIV

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА СВЕРХНОРМАЛЬНЫХ СООБЩЕНИЙ. ДОСКА «УИДЖА»

✦

«Из бездны, дитя мое, из бездны,
Из того истинного мира внутри мира, что мы видим,
Для которого наш мир — лишь окаймляющий берег».

Теннисон

В предыдущей главе упоминалась так называемая доска «уиджа», с помощью которой сообщения передаются движением маленького треугольного столика, или указателя, бегающего на трех ножках с войлочными наконечниками. Пальцы автоматиста легко лежат на этом указателе, который плавно скользит по доске и складывает сообщения по буквам, указывая на ту или иную букву алфавита, напечатанную на доске под ним. Хотя этот способ сообщения медлителен и трудоемок, у него есть свои преимущества. Им часто с успехом пользуются те, у кого не выходит автоматическое письмо карандашом; к тому же терпение и навык позволяют добиться быстроты и точности в указании нужных букв. Но самое ценное в этом способе — то, что он позволяет исключить всякое подсознательное направление указателя, а этого можно добиться, тщательно завязав участникам сеанса глаза.

Небольшой частный кружок моих друзей в Дублине уже несколько лет посвящает себя опытам с доской «уиджа» и получил некоторые замечательные результаты. Совместная статья, написанная мною и одним из участников, преподобным Сэвилом Хиксом, магистром искусств, была прочитана им в Обществе психических исследований; в ней приводились некоторые из сообщений.[7] Участники обнаружили, что, когда им тщательно завязывали глаза, указатель двигался так же легко и точно, как тогда, когда они могли видеть буквы алфавита. На вопросы отвечали без промедления, и указатель часто двигался так быстро, что их руки с трудом за ним поспевали; записывавшему сообщения приходилось даже то и дело прибегать к стенографии.

[7] См. также мою статью, напечатанную в «Трудах Американского общества психических исследований» за сентябрь 1914 года.

Я спросил «руководителя», нельзя ли мне повернуть доску с алфавитом. Тотчас был выведен ответ: «Да, это ничего не меняет». Тогда участники, по-прежнему с завязанными глазами, подняли указатель, а я повернул доску так, что алфавит оказался для них вверх ногами, и даже если бы они могли видеть, им было бы нелегко отыскать нужную букву. Но не было ни малейшего замешательства: указатель так же быстро и верно, как прежде, двигался к нужной букве. Я спросил, не может ли сообщиться кто-нибудь из моих друзей. Было выведено сообщение от одного умершего друга, которого я назову сэром Джоном Хартли; он правильно назвал свое полное имя и фамилию и передал послание дублинской «Великой ложе масонов»: сэр Джон при жизни занимал очень высокое положение в масонском ордене, хотя участникам этот факт был совершенно неизвестен.

Затем я попросил одного из участников уступить мне место и занял его, после того как мне надежно завязали глаза. Когда я положил пальцы на указатель вместе с двумя другими участниками, необычайная сила, решительность и быстрота, с которыми двигался указатель, поразили меня, и казалось невероятным, чтобы при этом могло передаваться какое-либо связное сообщение. Но записывавший успел записать сообщение, которое было таково: «Чтобы получать важные сообщения, всегда должно работать вместе одно и то же сочетание, так как это очень утомительно, если не присутствуют те же трое; здесь находится один, неподходящий для приема». Записывавший спросил, кто это, и получил ответ, что имелся в виду я! Только когда мы сняли повязки с глаз, кто-либо из участников узнал смысл полученных сообщений.[8]

[8] Здесь, пожалуй, уместно сказать, что сам я нисколько не сенситив и никогда не обладал никакими психическими дарованиями; быть может, к счастью, так как благодаря этому легче сохранять беспристрастный и критический дух.

Можно возразить, что очень трудно надежно лишить человека зрения, завязав ему глаза. Хотя участники, мои личные друзья, заявляли, что ничего не видят, желательно было снять и это возражение. Поэтому были изготовлены непрозрачные наглазники, закреплявшиеся на глазах резинкой вокруг головы; для носа был сделан вырез, так что наглазник плотно прилегал к щекам и лбу и походил на наглазники, которые носят больные после операции катаракты. Я примерил один из них и нашел, что он удобнее повязки и совершенно не дает видеть. Но и в этих наглазниках сообщения приходили так же легко; неожиданно появился и новый «руководитель», назвавший себя Питером Руни.

Теперь была сделана «доска» нового образца: лист зеркального стекла лежал на столе того же размера, под стекло подкладывали

алфавит, а указатель на очень коротких ножках с войлочными наконечниками двигался теперь по гладкой стеклянной поверхности свободнее. Буквы алфавита были написаны на отдельных кусочках тонкого картона, и их можно было раскладывать на столе под стеклом как угодно.

Одного моего друга-священника, который интересовался этим, но относился скептически, пригласили присутствовать на некоторых сеансах, и, когда указатель быстро выводил сообщение через участников с завязанными глазами, он молча держал над движущимся указателем и алфавитом большой непрозрачный каминный экран; но это ничего не изменило: сообщение продолжалось, хотя прочитать его мог только записывавший, наклонив голову, чтобы видеть промежуток между экраном и алфавитом. Я попросил своего друга, преподобного У. П. Робертсона, магистра искусств, прислать мне краткий отчет об этом сеансе; вот он:

> «Присутствуя вместе с сэром Уильямом Барреттом на этом сеансе, я заметил, что непрозрачный экран, поставленный над доской, не изменил сколько-нибудь заметно скорости, с которой выводилось сообщение, и уж конечно не вызвал перерыва, а тем более прекращения сообщения. Буквы алфавита были разложены под стеклом в три строки и по порядку.
>
> Мне пришло в голову, что участники, возможно, знают положение каждой буквы, как хорошая машинистка знает свою клавиатуру, хотя сами могут этого и не сознавать. Я осмелился предложить перемешать буквы. Участники согласились, и мы с сэром Уильямом Барреттом разложили буквы наугад, причем глаза у участников все это время оставались завязанными. Когда работа возобновилась с измененным таким образом алфавитом, указатель поначалу двигался очень медленно: трижды он прошел

туда и обратно между буквами, а затем медленно и обдуманно вывел: „*There is a disturbing person*“ („Здесь мешающий человек“). Тут мы рассмеялись и попросили „руководителя“ указать, кто из нас виновник — профессор или священник?

И тут произошло то, что, на мой взгляд, было самым впечатляющим за весь сеанс. Все мы ожидали какого-то ответа на этот вопрос. Стенографист сказал: „Кажется, теперь пишется бессмыслица“. „Бессмыслица“ при разборе оказалась вот чем: „*ality in the room*“ — продолжением прежних слов, так что вышло „There is a disturbing personality in the room“ („Здесь, в комнате, мешающая личность“). Иначе говоря, на наш вопрос не обратили внимания, и „руководитель“ спокойно договорил то, что намеревался сказать. Второй случай, когда вопрос был оставлен без внимания и продолжилась фраза, которую мы считали законченной, произошел на том же сеансе.

Насколько я мог судить, глаза участникам были завязаны *безупречно*, а их добросовестность (*bona fides*) для меня вне сомнения. Когда над доской держали непрозрачный экран, буквы видел только записывавший, который наклонялся, чтобы заглянуть под экран».

У. П. Робертсон

Я привел эти подробности, чтобы установить: каков бы ни был источник проявившегося разума, он находился совершенно вне пределов любой нормальной человеческой способности. Из многочисленных сообщений, пришедших через участников с завязанными глазами, одно — от «руководителя» Исаака Давида Соломона 19 октября 1912 года, сразу после начала первой Балканской войны, — гласило:

«Кровь, кровь повсюду на Ближнем Востоке. Великий народ падет, а малый народ поднимется. Великая религия окажется в

опасности. Повсюду кровь. В ближайшую неделю придут вести, которые изумят цивилизованный мир».

И каков бы ни был источник этого сообщения, оно оказалось совершенно верным, ибо не прошло и недели, как было объявлено о первой победе болгар при Кирк-Килиссе, а впоследствии, как мы знаем, великий народ (Турция) пал, а малый народ (Болгария) поднялся; в последнее же время Европа залита кровью.

Этот «руководитель» удалился, и настойчиво вторгся американский ирландец Питер Руни, рассказавший нам историю своей жизни и недавней смерти. Суть ее была в том, что он прожил жалкую и дурную жизнь, большей частью в тюрьме, и, добавил он, жизнь наконец стала столь невыносимой, что за десять дней до того он бросился под трамвай в Бостоне и так покончил с собой. Только потом участники с завязанными глазами узнали содержание этого сообщения: во время его передачи они смеялись и болтали между собой. Нам, наблюдавшим со стороны, это казалось очень несообразным, потому что сообщение передавалось чрезвычайно живо, с явной болью и неохотой, подводившими к трагической развязке.

На следующий день я написал начальнику государственной тюрьмы в Бостоне (Массачусетс), начальнику полиции этого города, начальнику полиции в Бостоне (Линкольншир), выдающемуся члену-корреспонденту Общества психических исследований д-ру Мортону Принсу из Бостона (США) и д-ру Хислопу, почетному секретарю Американского общества психических исследований, спрашивая, не могут ли мне сообщить что-нибудь об этом Питере Руни, и прося ответить как можно скорее.

Через несколько недель я получил ответы на свои запросы. В английском Бостоне человека с таким именем не знали; ни один Питер Руни не содержался в Бостонской тюрьме в Массачусетсе, и ни один бывший заключенный этой тюрьмы недавно не кончал с собой. Главный инспектор полиции Бостона (Массачусетс) провел тщательное расследование и установил, что ни один Питер Руни не был отправлен из Бостона ни в тюрьму, ни в исправительное заведение и не покончил с собой. Однако д-р Мортон Принс из Бостона нашел в бостонских полицейских записях, что некий Питер Руни в августе 1910 года упал с эстакадной железной дороги в Бостоне, получил рану головы, лечился у врача, месяц пролежал в постели и до сих пор жив и живет у себя дома на Йорк-стрит в Бостоне. Вероятно, то, что несчастный случай в Бостоне произошел с человеком того же имени, было лишь случайным совпадением.

Итак, вся эта обстоятельная история была вымышленной и характерной для тех драматических выдумок, похожих на вынесенные вовне сны, которые столь часто приходят по этим автоматическим каналам, так вводят в заблуждение новичка и столько вреда приносят доверчивым.

Тем не менее позже через другого «руководителя» пришли сообщения, в которых назывались имена и адреса двух недавно умерших в Англии людей, и при проверке они оказались совершенно верными, хотя имена эти были совершенно неизвестны ни мне, ни кому-либо из участников. Такова любопытная смесь правды и вымысла, которую так часто обнаруживают эти автоматизмы. Подробно описать эти два случая мне не позволяет место, но я приведу более поздний и замечательно правдивый случай сообщения, полученного через доску «уиджа» в Дублине. Участникам в этом случае глаза не

завязывали; одной из них была та же дама, что участвовала в прежних сеансах, — жена известного дублинского врача и дочь покойного профессора Даудена, миссис Трэверс Смит. Другой была ее подруга, мисс К., дочь врача, по-видимому обладающая большой психической силой.

Случай с жемчужной булавкой для галстука

У мисс К., участницы сеанса, был двоюродный брат — офицер нашей армии во Франции, убитый в бою за месяц до сеанса; это ей было известно. Однажды, после того как на доске «уиджа» неожиданно было выведено имя ее двоюродного брата, а в ответ на ее вопрос «Знаешь ли ты, кто я?» было названо ее имя, пришло следующее сообщение:

«Скажи матери, чтобы отдала мою *жемчужную булавку для галстука* девушке, на которой я собирался жениться; я думаю, она должна достаться ей».

Когда спросили, как зовут эту даму и где она живет, было дано и то и другое; выведенное имя включало полностью имя и фамилию, причем фамилия была очень необычной и *совершенно неизвестной обеим участницам*. Адрес в Лондоне оказался то ли вымышленным, то ли неверно записанным, так как посланное туда письмо вернулось, и все сообщение сочли вымышленным.

Однако через полгода выяснилось, что незадолго до отъезда на фронт офицер *действительно* обручился именно с той дамой, чье имя было названо; но он никому об этом не сказал. Ни его двоюродная сестра, ни кто-либо из его собственной семьи в Ирландии не знали об этом, никогда не видели этой дамы и не слышали ее имени, пока военное министерство не прислало вещи умершего офицера. Тогда обнаружилось, что в завещании он назвал эту даму своей ближайшей родственницей, причем имя и

фамилия в точности совпадали с данными через автоматиста; и, что не менее замечательно, среди его вещей *нашлась жемчужная булавка для галстука*.

Обе дамы подписали и прислали мне документ, удостоверяющий точность изложенного. Сообщение было записано в то же время, а *не* по памяти после того, как было получено подтверждение. Здесь факты невозможно объяснить ни подпороговой памятью, ни телепатией, ни сговором, и свидетельства безошибочно указывают на телепатическое сообщение от умершего офицера.

Через доску «уиджа» пришли и другие замечательные доказательные случаи. Один был связан с гибелью «Лузитании», и миссис Трэверс Смит любезно предоставила мне следующий отчет:

Случай с Хью Лейном

«Вечером того дня, когда пришло известие, что „Лузитания“, по сообщениям, тонет, мы с м-ром Ленноксом Робинсоном сели за доску „уиджа“; преподобный Сэвил Хикс вел запись. Мы *не знали*, что на борту был сэр Хью Лейн. Мы оба были его личными друзьями и знали, что он в Америке, но не имели понятия, что он возвращается так скоро.

Явился наш обычный „руководитель“, а затем слова: „Молитесь о душе Хью Лейна“. Я спросила: „Кто говорит?“ — ответ был: „Я Хью Лейн“. Он рассказал нам о гибели корабля и сказал, что это был „мирный конец бурной жизни“. В эту минуту мы услышали, как на улице выкрикивают экстренный выпуск вечерней газеты, и м-р Робинсон сбежал вниз и купил газету. Я вышла из комнаты ему навстречу, и он указал мне на имя сэра Хью Лейна среди пассажиров. Мы оба были очень взволнованы, но продолжили сеанс. Сэр Хью передал через меня поручения нашим общим

друзьям и закончил этот сеанс словами: „Я не страдал, я утонул и ничего не почувствовал“.

На последующих сеансах он говорил о своем завещании, но ни разу не упомянул о дополнении к нему, о котором теперь идет спор. Он надеялся, что ему не поставят памятника ни в виде галереи, ни в каком-либо ином, но беспокоился о своих картинах. Сообщения всегда были связными и доказательными и всегда приходили через м-ра Робинсона и меня».

(Подписано) Хестер Трэверс Смит

Это весьма доказательный случай, ибо никаких сведений о *смерти* сэра Хью Лейна не поступало еще несколько дней.

Другое правдивое сообщение через тех же участников получил один мой друг, глубоко удрученный гибелью в бою своего сына, офицера нашей армии во Франции. Это сообщение вместе с другими, полученными им позже через одну даму в Лондоне, которая прежде ничего не знала о моем друге, совершенно убедило его в тождестве сына и в его посмертном существовании. Результат был очень отрадный: от почти безутешного горя он пришел к спокойной и полной уверенности в посмертном существовании сына.

Помимо названной группы участников, один известный и уважаемый член квакерского Общества друзей, мой друг в Дублине, вот уже несколько лет держит небольшой частный кружок для сеансов с доской «уиджа». Он получил таким образом несколько тысяч сообщений, главным образом от умерших членов своей семьи; они доказали ему факт их посмертного существования и тем принесли великое утешение ему самому и другим друзьям, постигнутым горем. Для постороннего эти сообщения доказательной силы не имеют, но в них содержатся некоторые замечательные утверждения об условиях жизни и

занятиях в невидимом мире, более или менее согласные с подобными сообщениями (неизвестными этим участникам), полученными другими.

Свод учений духов, полученных через одного американского медиума, которого высоко ценит д-р Хислоп, недавно опубликовал м-р Прескотт Холл в «Журнале Американского общества психических исследований» за ноябрь и декабрь 1916 года. Как указывает м-р Холл, если, сопоставив ряд сообщений, полученных через разных медиумов, с разной подготовкой, в разных странах, мы найдем, что они в существенном согласны относительно некоторых фактов о природе и условиях жизни духов, результат может оказаться интересным и ценным.

Но это будет зависеть от того, не встречаются ли данные описания в спиритической литературе и не являются ли они поэтому, скорее всего, общим мнением медиумов вообще. К сожалению, обычно оказывается, что такие описания — лишь отражение собственных взглядов и прочитанного медиумом, а следовательно, продукт памяти или подсознательных впечатлений медиума. Особенно это бросается в глаза, когда медиум пускается в научные или философские рассуждения, которые редко обнаруживают что-либо, кроме сбивчивых утверждений ума, не знакомого с предметом. Тем не менее м-р Прескотт Холл делает доброе дело, классифицируя эти учения духов, исследуя их источник и проверяя их последовательность.

Самое замечательное и интересное собрание «Учений духов» было издано несколько лет назад покойным преподобным Стейнтоном Мозесом («М. А. Oxon»), о котором уже шла речь. Эти учения были получены через его собственный медиумизм и вполне заслуживают внимательного чтения, равно как и его книга «Тождество духов и высшие стороны спиритизма».

В следующей главе читатель найдет несколько проблесков духовного мира, полученных через двух дам, ни одна из которых не была спиритуалисткой; одна была моим личным другом, и обе были безупречно правдивы.

ГЛАВА XV

НОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОСМЕРТНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

✦

«Души праведных в руке Божией. В глазах неразумных они казались умершими, и исход их считался погибелью, и отшествие от нас — уничтожением; но они пребывают в мире».

Книга Премудрости Соломона, III, 1–3

Установив сверхнормальный характер многих сообщений, которые доходят до нас через медиума или автоматиста, обратимся теперь к новым свидетельствам посмертного существования и тождества развоплощенного разума, а заодно и к тем проблескам, которые порой открывают нам его состояние после смерти.

Несколько лет назад я гостил в загородном доме моих друзей, который назову Хоторн-Мэнор, и узнал, что хозяйка дома, миссис Э., — жена юриста, занимавшего ответственную должность, и сама почтенная дама большой проницательности и здравого смысла, средоточие целого кружка религиозной и благотворительной деятельности, — случайно обнаружила, что ее рукой временами движет какая-то сила, над которой она не властна. Таким образом были написаны длинные послания, содержание которых в то

время было ей неизвестно. Любопытной особенностью этого автоматического письма было то, что оно находило на нее внезапно: когда она вела записи домашних расходов, ее охватывало мечтательное, полутрансовое состояние, и тогда она чувствовала, как на ее правую руку ложатся пальцы другой руки, принадлежавшей, по-видимому, невидимому лицу, сидящему напротив нее, после чего начиналось внезапное и энергичное писание. Но все написанное было перевернуто вверх ногами: каждая строка начиналась с правого от нее края страницы, и прочесть написанное можно было, лишь повернув лист. Миссис Э. уверяла меня, и у меня нет причин сомневаться в ее словах, что в обычном своем состоянии она совершенно неспособна написать таким образом правильно хотя бы одно слово. Всякий, кто попробует, убедится, как трудно писать подобным способом, особенно тем ясным и своеобразным почерком, каким было исполнено это письмо.

Миссис Э. не была спиритуалисткой и ничего не знала о предмете, скорее даже питала к нему неприязнь. Поэтому никто не принимал этого необычного письма всерьез, пока не пришло послание с некоторыми определенными сведениями, лежавшими совершенно вне знания ее самой и ее мужа; впоследствии они выяснили, что это были вполне достоверные случаи из жизни одного умершего родственника, который утверждал, что присутствует и водит рукой дамы. За этим последовали другие сообщения, тоже подтвердившиеся. А затем в один из вечеров произошел тот случай, о котором я говорил как о доказательстве тождества.

Чатемский случай

В этом случае сообщающийся разум был миссис Э. неизвестен. Обстоятельства, записанные тогда же, были следующие. Двоюродный брат моей хозяйки, офицер инженерных войск по фамилии Б., гостил в Хоторн-Мэноре. Сам я при этом не присутствовал, но факты мне были присланы, а некоторые из них даже стали известны мне лично. У Б. был друг, его сослуживец, майор К., который умер после того, как Б. покинул Чатем; Б. часто заходил к нему в казарменные комнаты поиграть на пианино К., так как оба были музыкальны; об этом, как уверяла меня миссис Э., она не знала решительно ничего. На упомянутом сеансе, к великому изумлению Б., который ничего не знал о спиритизме, неожиданно были написаны имя и фамилия майора К., а затем вопрос, обращенный к Б.: «Вы не забросили музыку?» Потом последовали некоторые частные подробности поразительного свойства, как вдруг невидимый посетитель вставил вопрос: «Что сделали с книгами?» — «С какими книгами?» — спросили его. «Которые дали мне на время», — ответил К. «Кто дал вам книги?» Ответ пришел сразу: «А.», и было названо имя еще одного сослуживца, о существовании которого миссис Э. также совершенно не подозревала. «Написать ли мне А. и спросить, у него ли они?» — спросил Б. «Да», — был ответ. Все присутствовавшие заверяют честным словом, что не знали ни о каких одолженных книгах, что названный офицер не приходил никому из них на ум и что миссис Э. никогда прежде не слышала имени А. Офицеру А. написали и между прочим задали вопрос о книгах, но в ответе, пришедшем некоторое время спустя, вопрос этот остался без внимания. Однако через два месяца Б. случайно встретил своего друга А., и тот посреди разговора о других делах вдруг воскликнул: «Странную же вещь ты спрашивал у меня в письме — я имею в виду майора К. и книги. Я действительно

давал ему кое-какие книги, но не знаю, что с ними сталось после его смерти».

Возражающий мог бы сказать, что Б., как можно допустить, когда-то видел в комнате майора К. какие-то книги, принадлежавшие А., а потом забыл об этом и что это скрытое воспоминание телепатически (и бессознательно для всех участников) передалось миссис Э.; но очевидно, что такое объяснение не покроет других случаев, некоторые из которых я приведу. Для них придется изобретать какую-то более замысловатую гипотезу, и наша изобретательность подвергается тяжкому испытанию, когда мы вспоминаем, что это лишь разрозненные примеры из растущей массы проверенных свидетельств, указывающих в сторону посмертного существования. Многое из этих свидетельств опубликовано, другие случаи известны мне частным образом, и всякий раз, когда мы пытаемся отделаться от случая объяснением, приходится прибегать к новым и нередко нелепым допущениям.

Приведу теперь еще несколько образцов автоматического письма, которое шло через руку моей знакомой миссис Э., причем на первых порах тем удивительным способом, о котором уже было сказано. Замечательно, что миссис Э. не знала, что написала ее рука, пока лист не поворачивали целиком и не прочитывали послание. Я не знаю другого случая, когда послания писались бы таким перевернутым письмом, хотя, быть может, такие случаи и бывают. «Зеркальное письмо» встречается нередко: так называют послания, написанные (как пишут иногда почтовые открытки) почерком, который можно прочесть, лишь глядя на него в зеркало; этому искусству научиться не так трудно, как перевернутому письму.

Следующие сообщения тоже непохожи на обычные, так как открывают нам, если только они действительно вередикальны, проблеск состояния души тотчас после смерти. Миссис Э. уверяла меня, что эти послания были совершенно чужды ее мыслям и что сочинить их было ей вовсе не под силу. Прошлой зимой она потеряла горячо любимого брата, который учился в инженерном колледже близ Лондона. Один из его друзей, долго болевший, умер раньше него, но об этом друге миссис Э. вовсе не думала, когда однажды вечером ее рука написала:

> «Я хочу, чтобы вы поверили, что ваши друзья по-прежнему живут и могут думать о вас… Открыв глаза своего духовного тела, я нашел себя неизменившимся; никакого ужаса, сначала только странное чувство, а потом покой, утешенное сердце, любовь, общение, наставление. Я — [здесь он назвал свое полное имя], и это написал я, но здесь ваш брат — [назвав имя], и он хочет поговорить с вами».

Спустя некоторое время миссис Э. почувствовала, что ее руку снова побуждает писать, и пришло следующее послание:

> «Я здесь [назвав имя ее брата] и хочу рассказать тебе о моем пробуждении к жизни духа. Сначала я смутно сознавал фигуры, двигавшиеся по комнате и вокруг постели. Потом дверь закрыли, и все стихло. Тогда я впервые заметил, что не лежу на постели, а как будто парю в воздухе немного выше нее. В полумраке я увидел тело, вытянутое прямо, с закрытым лицом. Первой моей мыслью было, что я мог бы снова войти в него, но вскоре всякое желание сделать это покинуло меня — связь была порвана. Я встал на пол и оглядел комнату, где был так болен и так беспомощен и где теперь снова мог двигаться без помехи. Комната не была пуста. Рядом со мной был отец моего отца [имя названо правильно]. Он был со мной все время. Были и другие, которых я люблю теперь, хотя

тогда мало о них знал. Я вышел из комнаты, прошел через соседнюю, где были моя мать и — [родственники, еще живущие в этой жизни], и попытался заговорить с ними. Мой голос был ясен мне самому и даже громок, но они не обращали внимания ни на что из того, что я мог сказать. Я прошел по комнатам колледжа; много черноты, но и немного света. Потом я вышел под вольное небо. Напишу еще на другом сеансе — сила теперь слишком слаба. Спокойной ночи». [Следует его подпись.]

На другом сеансе, через день или два, было написано то же имя, и нить прежнего рассказа была внезапно подхвачена без всякого вступления:

«Я увидел землю, лежавшую темной и холодной под звездами при самом начале зимнего рассвета. То был пейзаж, который я так хорошо знал и на который так часто смотрел. Вдруг во мне родилось зрение; мои глаза открылись. Я увидел, как духовный мир занимается зарей над действительным, словно распускается цветок. Для этого у меня нет слов. Ничто из того, что я мог бы сказать, не дало бы никому из вас постигнуть чудо этого откровения, но со временем оно станет и вашим. Меня повлекло, словно по сродству, к миру, который теперь мой. Но я не прикован к нему. Меня сильно влечет к земле, но не несчастной цепью. Меня влечет к тем, кого я люблю, к местам, ставшим очень дорогими».

Эти послания глубоко интересны: некоторые из них были написаны в моем присутствии, и, как я уже сказал, миссис Э. в обычном бодрствующем сознании была убеждена, что не могла бы их сочинить. Но подпороговое «я», в прорывах которого, по предположению м-ра Майерса, коренится гениальность, обладает дарованиями, далеко превосходящими силы обычного «я», и возможно, хотя, по-моему, и маловероятно, что эти сообщения — лишь драматизированные порождения собственных скрытых и

неподозреваемых способностей миссис Э. Однако это объяснение не может истолковать вередикальных сообщений, приходивших через миссис Э. и дававших сведения, лежавшие за пределами знания всех присутствовавших; не может оно объяснить и многих сообщений, полученных через других автоматистов, — таких, как уже приведенные случаи и те, что последуют.

Но почему нам кажется столь сумасбродным допустить простейшее объяснение — что порой открывается путь из невидимого мира в наш и что некоторые из тех, кто вступил в тот мир, способны дать нам знать о своем продолжающемся существовании? Почему лишь некоторые, мы сказать не можем. И почему проявление так ничтожно? Но разве ничтожно что-либо, в чем проявляется жизнь?

В немой муке, что охватывает душу, когда у нас отнимают кого-то любимого, в страшном чувстве разлуки, которое сковывает нас, когда мы смотрим на безжизненное тело, рождается невыразимая жажда какого-нибудь голоса, какого-нибудь знака оттуда; и если бы в ответ на наш молящий зов об уверении, что вера наша не напрасна, что наш дорогой человек все еще жив, лицо умершего озарилось улыбкой, или шевельнулись его губы, или хотя бы приподнялся палец, — сочли бы мы ничтожным какое бы то ни было действие, которое уверяет нас, что смерть еще не окончила жизни, и тем более что смерть не окончит всего?

Пусть это будет

«Лишь поданный знак да голос из тьмы», —

это не ничтожно! Только мертвые духом равнодушны к самому слабому, самому грубому знаку, который уверяет нас, «медлительных сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки», что душа живет, освобожденная от

плоти, что личный ум и память остаются, хотя одежда тела и мозга исчезла.

И как раз это естественное человеческое стремление делает беспристрастное рассмотрение фактов, спокойное и критическое взвешивание свидетельств столь трудным и вместе с тем столь настоятельно необходимым. Это и делается теперь, как показывает следующий случай, — с тщательностью, которая растет с опытом, и с честностью, которую никто не может оспорить.

Записи миссис Холланд

Одни из самых замечательных автоматических записей — их с критической проницательностью разобрала научная сотрудница Общества психических исследований — были получены одной образованной дамой с положением в обществе, жившей в Индии. Эта дама не была спиритуалисткой и в то время не была знакома с членами Общества психических исследований. Так как ее семья не жаловала всего этого предмета, она предпочитает быть известной под псевдонимом «миссис Холланд». Впоследствии, по возвращении в Англию, она лично познакомилась со многими руководителями и должностными лицами Общества, которые прониклись к ней уважением.

Когда однажды ее внимание случайно обратили на автоматическое письмо, она попробовала сделать опыт и, к своему удивлению, обнаружила, что ее рука пишет и стихи, и прозу без всякого участия ее воли; первые послания открывались импровизированными строками:

Верь в то, чего не можешь видеть,
Покуда не придет к тебе видение.

Миссис Холланд говорит, что во время писания остается в полном сознании, «но рука моя движется так быстро, что я редко знаю, что пишу». Интерес ее к предмету возрос, и она достала и прочла монументальный труд м-ра Майерса *«Человеческая личность»*, вышедший уже после смерти м-ра Майерса. Хотя она не знала автора, естественно, что многое в ее автоматическом письме выдавало себя за внушенное им. Тщательное изучение посланий, внушенных таким образом, привело к убеждению, что дух м-ра Майерса действительно *управлял* некоторыми из этих посланий. Вот, например, весьма характерное сообщение, будто бы исходящее от м-ра Майерса:

> «Думать, что самый акт смерти позволяет духу понять всю тайну смерти, так же нелепо, как воображать, будто акт рождения позволяет младенцу понять всю тайну жизни. Я все еще ищу ощупью — предполагаю — строю догадки. Для каждого из нас этот опыт свой… Недавно здесь был один, который не мог поверить, что умер; он принял новые условия за известную стадию лечения своей болезни».

Затем следуют, не совсем дословно, две первые строки поэмы м-ра Майерса «Святой Павел» — поэмы, которой, как заявляет миссис Холланд, она никогда не читала и о которой ровно ничего не знала. Конечно, возможно, что она где-нибудь видела эти строки в чьей-нибудь цитате, хотя сама этого не помнит. Автоматическая запись такова:

> «Да, я Христов, — и пусть довлеет вам это имя, — как и мне Он с избытком довлел[1]. Если бы душа могла умереть обратно в земную жизнь, я умер бы от одной тоски по вам — от желания достичь вас, сказать вам, что все, что мы воображали, и наполовину не так чудесно, как истина, что бессмертие — не прекрасная мечта, а

единая, единственная действительность, крепкая золотая нить, на которую нанизаны все иллюзии всех жизней. Если бы только я мог достичь вас, если бы только мог сказать вам… Я жажду силы, а все, что мне дано, — бесконечная тоска, бесконечная боль. Доходит ли до вас что-нибудь из этого, доходит ли до кого-нибудь, или я только вою, как воет ветер, — без слов и без внимания?» — *«Труды Общества психических исследований», т. XXI, с. 233*.

---

[1] Подлинные строки «Святого Павла» м-ра Майерса таковы:
«Христос! Я Христов! И пусть довлеет вам это имя, —
Да, и мне Он с избытком довлел».

В другой раз «руководитель» Майерс написал:

«Быть может, те, кто умирает внезапно, не испытывают долгого помрачения сознания, но в моем собственном опыте бессознательное состояние было чрезвычайно продолжительным».

И еще:

«Действительность бесконечно чудеснее самых смелых наших догадок. Право, ни одна догадка не бывает достаточно смелой».

Гипотеза, будто эти послания — драматические создания подпорогового «я» миссис Холланд, становится все менее правдоподобной, когда мы находим другие, совершенно иного рода послания, будто бы исходящие от м-ра Эдмунда Герни и достопочтенного Родена Ноэла, которые также были миссис Холланд совершенно неизвестны. Когда они жили на земле, я знал этих выдающихся людей лично и часто переписывался с каждым из них; поэтому по собственному знанию могу утверждать, что эти сообщения необыкновенно характерны для несходных темпераментов каждого из них.

Но было и нечто большее: «руководитель» Роден Ноэл не только написал весьма яркие белые стихи, но и упомянул места и лица, связанные с м-ром Роденом Ноэлом, которые миссис Холланд не были известны. Более того, автоматистка не знала, кто управляет ее рукой, когда та написала:

> «Я всегда был искателем, — так что временами казалось, будто поиск значит для меня больше, чем награда, — только достигнутое в моих поисках обычно оказывалось подобным радужному золоту, всегда где-то дальше и вдали… Меня не томит желание, которое движет некоторыми из нас, — поделиться с вами всеми своим знанием или своими упованиями прежде времени. Разрешения великой Задачи я не мог бы вам дать — я сам еще очень далек от него; но прочное знание той присущей всему истины и красоты, в которых в конце концов растворяется все неизбежное безобразие существования, со временем станет вашим».

Перед этим пришло следующее:

> «Это для А. У.: спросите его, что значила дата 26 мая 1894 года для него — для меня — и для Ф. У. Г. Не думаю, чтобы им трудно было вспомнить, но если трудно, пусть спросят Нору».

Здесь надо заметить, что миссис Холланд, находившаяся в Индии, ничего не знала ни о д-ре А. У. Верролле, на имя которого наводят инициалы А. У., ни о том, что миссис Сиджвик звали Норой (ее христианское имя — Элинор); однако весь контекст в конце концов навел мисс Джонсон (научную сотрудницу Общества психических исследований), которой была послана запись, на мысль о послании от Родена Ноэла, знакомого и д-ру Верроллу, и м-ру Ф. У. Г. Майерсу, и миссис Сиджвик. Мисс Джонсон добавляет: «Уместно было, что нам велели спросить Нору (миссис Сиджвик),

если мы не сможем выяснить сами, поскольку он (Роден Ноэл) был близким другом д-ра Сиджвика». А названная дата в точности совпадала *с днем смерти Родена Ноэла*. Хотя миссис Холланд думала, что, может быть, когда-то видела какие-то стихи м-ра Ноэла, лично о нем она ничего не знала, как не знала и дня его смерти.

Ссылаться здесь на подпороговое или телепатическое знание трудно, а когда мы находим, что одна из самых ранних записей миссис Холланд, написанная в Индии и будто бы исходящая от м-ра Майерса, дает подробное и пространное описание одного пожилого джентльмена, кончающееся так, то это становится и вовсе нелепым:

> «Это все равно что доверить послание, от которого зависит нечто бесконечно важное, спящему человеку. Добейтесь доказательства, — постарайтесь получить доказательство, если чувствуете, что без него это пустая трата времени. Пошлите это миссис Верролл, Селуин-Гарденс, 5, Кембридж».

Когда мисс Джонсон получила эту запись, она тотчас узнала в описании сходство с д-ром Верроллом, а указанный адрес миссис Верролл был *совершенно верен*. Мало того, когда запись показали миссис Верролл, та сказала, что все описание удивительно удачно и характерно для ее мужа, который был тогда еще жив. Миссис Верролл, которая теперь, увы, тоже ушла в невидимое, утверждает, что ни портрета, ни описания ее мужа никогда не публиковалось, а в «Человеческой личности», которую, как сказано, читала миссис Холланд, ее адрес указан не был. На расспросы миссис Холланд заявила, что никогда не видела адреса миссис Верролл и не имела о нем никакого понятия. В добросовестности миссис Холланд нет ни малейших сомнений, и

она сама больше всего хотела выяснить, не исходит ли что-нибудь из ее автоматического письма из ее подсознательной памяти.

Другие весьма замечательные случаи сверхнормального знания в записях миссис Холланд описаны в обширном докладе мисс Джонсон в «Трудах Общества психических исследований»; один из них особенно заслуживает внимания. 17 января 1904 года рука миссис Холланд написала, будто бы под управлением м-ра Майерса:

> «Запечатанный конверт пока вскрывать нельзя. Я не могу заставить вашу руку выводить греческие буквы и потому не могу дать текст так, как хотел бы, — только ссылку: 1 Кор. XVI, 12 [„Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды“]. О, я слаб от нетерпения. Как мне лучше всего дать себя опознать! Это значит так много помимо одной личной любви и тоски. Помощи Эдмунда [м-ра Эдмунда Герни] сейчас со мной нет. Я пытаюсь один среди несказанных трудностей».

Между тем миссис Сиджвик просила миссис Верролл, которая тоже была замечательной автоматисткой, назвать в виде испытания любимый текст ее мужа, и был получен довольно удовлетворительный ответ; об этом миссис Холланд не знала решительно ничего, но *в тот же самый день*, 17 января 1904 года, когда запись миссис Верролл в Кембридже упомянула запечатанное письмо и текст, рука миссис Холланд в Индии автоматически написала только что приведенное послание. Текст 1 Кор. XVI, 12 был не тем, о котором спрашивала миссис Сиджвик, но именно он начертан *по-гречески* над воротами Селуин-колледжа в Кембридже, мимо которых постоянно проходил м-р Майерс и о которых, по поводу небольшой ошибки в словах греческой надписи, м-р Майерс не раз говорил миссис Верролл. Миссис Холланд никогда не бывала в Кембридже, никак не была

связана с университетом и ровно ничего не знала о греческой надписи на воротах Селуин-колледжа.

Случай с текстом может служить примером того, что уже было названо «перекрестной перепиской», то есть когда два далеко разделенных автоматиста дают несколько сходные ответы или когда один из них дает фразу, смысл которой непонятен, пока ее не дополнит дальнейшее сообщение через другого автоматиста, ничего не знающего об отрывочном послании первого. Все это выглядит так, словно одна невидимая личность управляла обоими автоматистами, чтобы исключить всякое объяснение телепатией или подпороговым «я». Любопытно при этом, как я уже указывал, что лишь после смерти м-ра Майерса и д-ра Ходжсона, — которым был хорошо знаком этот излюбленный способ отделываться от значения подобных посланий, — появились многочисленные случаи перекрестной переписки между независимыми и далеко разделенными автоматистами.

ГЛАВА XVI

СВИДЕТЕЛЬСТВА ТОЖДЕСТВА РАЗВОПЛОЩЕННЫХ

✦

Дух в человеке и Дух, что был когда-то человеком,
Но не может вполне освободиться от человека,
Перекликаются сквозь зарю,
Странней которой земля еще не видала; завеса
Раздирается, и голоса дня
Слышны сквозь голоса тьмы.

Теннисон

Эти известные строки нашего великого поэта получают сегодня подтверждение более полное, чем казалось возможным поколение назад. В настоящей главе я приведу несколько замечательных свидетельств посмертного существования, полученных через моих личных друзей.

Я уже приводил примеры удивительной медиумической силы преподобного Стейнтона Мозеса и говорил о том, каким глубоким уважением он пользовался. Никто из знавших его не мог ни на минуту усомниться, по словам м-ра Майерса, «в его здравом рассудке или искренности, в его правдивости или чести», и те, кто знал его лично, как знал его я, могли понять уважение и привязанность, которые всегда питали к нему его сослуживцы по школе при Университетском колледже и близкие друзья. Расскажу

здесь вкратце о двух замечательных случаях, говорящих в пользу тождества так называемого, *soi-disant*, духа, сообщавшегося через м-ра Мозеса. Случаи эти хорошо известны тем, кто знаком с литературой спиритизма, но многим моим читателям они, быть может, неизвестны.

Случай Абрахама Флорентайна

В августе 1874 года м-р Мозес гостил у своего друга, врача, на острове Уайт, и на одном из «сеансов», которые они проводили вместе, с необычайной стремительностью пришло сообщение, исходившее, по его словам, от духа, назвавшегося Абрахамом Флорентайном; дух сообщил, что участвовал в войне Соединенных Штатов 1812 года, а в духовный мир вступил лишь недавно, умерев в Бруклине, в Соединенных Штатах, 5 августа 1874 года в возрасте восьмидесяти трех лет, одного месяца и семнадцати дней. Никто из присутствовавших не знал такого человека, но м-р Мозес напечатал эти подробности в том виде, как они изложены выше, в одной лондонской газете и попросил американские газеты их перепечатать, чтобы по возможности проверить или опровергнуть сделанные заявления.

Со временем один американский юрист, «агент по искам», проверявший притязания солдат в Нью-Йорке, увидел эту заметку и написал в одну американскую газету, что ему попадалось имя А. Флорентайна и что полные сведения о лице, предъявившем притязание, можно получить в канцелярии генерал-адъютанта Соединенных Штатов. Тогда обратились в штаб армии Соединенных Штатов и получили официальный ответ, где говорилось, что рядовой по имени Абрахам Флорентайн служил в американской войне в начале столетия. В конце концов выяснилось, что вдова Абрахама Флорентайна жива. Д-р Кроуэлл, бруклинский врач, нашел по адресной книге ее адрес в Бруклине,

повидал вдову и расспросил ее. Она рассказала, что ее муж сражался в войне 1812 года, что он был человеком довольно порывистым, что умер он в Бруклине 5 августа 1874 года и что восемьдесят третий день его рождения пришелся на предшествовавшее 8 июня. Следовательно, умирая, он прожил восемьдесят три года, один месяц и двадцать семь дней; единственное расхождение — семнадцать дней вместо двадцати семи, а такая ошибка легко могла вкрасться при записи послания, переданного через м-ра Мозеса, когда он был в трансе на острове Уайт. Все подробности этого случая опубликованы в XI томе «Трудов Общества психических исследований».

Что сказать об этом свидетельстве? Подшивки газет остаются и удостоверяют факты, которые кажутся совершенно неопровержимыми. Единственное, что можно предположить, — это что м-р Мозес видел в какой-нибудь американской газете заметку о смерти и жизни этого человека и либо забыл об этом, либо умышленно обманул своих друзей. Но ведь это мог быть лишь один из многих подобных случаев забывчивости или обмана, и прежде чем допустить это, нужно доказать, что м-р Мозес действительно получил нужные сведения из газет или по другим земным каналам. Миссис Мозес уверена, что этого не было, и никому до сих пор не удалось ни показать, что это было, ни найти хоть крупицу свидетельства в пользу того утомительного и бесцельного обмана, который в таком случае должен был быть привычной чертой человека безупречной честности и чести. Кроме того, совершенно невероятно, чтобы безвестному рядовому солдату посвятили некролог в американской газете, а если бы так и случилось, — чтобы его заметили английские читатели. Наконец, критически рассмотрев этот случай, м-р Ф. У. Г. Майерс замечает: «Я держусь того мнения,

что переживший смерть дух Абрахама Флорентайна действительно сообщался с м-ром Мозесом»[1].

[1] «Труды Общества психических исследований», т. XI, с. 407.

Однако каждый случай «спиритического» сообщения необходимо подвергать строжайшей проверке, прежде чем решать, откуда он вероятнее всего происходит: то, что новичку может показаться пришедшим из-за пределов земли, в действительности может быть телепатическим воздействием какого-нибудь живого лица или оживлением какого-нибудь забытого впечатления. Долгий опыт психических исследований показал, какую опасность таит в себе так называемая криптомнезия, то есть скрытая память. Некоторые исследователи и в самом деле допускали такое объяснение для только что изложенного случая (по-моему, без достаточных оснований), но к следующему случаю оно приложено быть не может; он дает еще одно из замечательных доказательств тождества духа, полученных через автоматическое письмо м-ра С. Мозеса.

Случай Бланш Аберкромби

Следующий случай м-р Майерс считал чрезвычайно интересным и ценным, поскольку лишь после смерти м-ра Мозеса ряд случайностей привел м-ра Майерса к открытию новых доказательств его подлинности. Дух, который, по его словам, сообщался через м-ра Мозеса, был духом дамы, знакомой м-ру Майерсу; будем называть ее Бланш Аберкромби. Эта дама умерла в воскресенье после полудня в загородном доме милях в двухстах от Лондона. О ее болезни и смерти м-р Мозес не знал решительно ничего, но в тот же воскресный вечер в его уединенной лондонской квартире ему было передано сообщение, исходившее,

по его словам, от нее и гласившее, что она «только что покинула тело».

Через несколько дней рукой м-ра Мозеса снова завладел тот же дух, и было написано несколько строк, будто бы от нее, причем дух утверждал, что они написаны ее собственным почерком, в доказательство ее тождества. Нет причин предполагать, что м-р Мозес когда-либо видел ее почерк, ибо он встречался с ней лишь однажды, мимоходом, на сеансе. Факты, сообщенные м-ру Мозесу умершей дамой, были частного свойства; поэтому он ни с кем не говорил об этом деле, а страницы с сообщением в своей записной книжке заклеил и пометил: «Частное дело».

Когда после смерти м-ра Мозеса м-р Майерс разбирал его бумаги, он получил от душеприказчиков разрешение вскрыть эти заклеенные страницы. К своему изумлению, он обнаружил, что сообщение исходило от знакомой ему дамы, а сравнив почерк записи с письмами этой дамы, писанными ею при жизни, нашел, что сходство неоспоримо. Он представил дело на суд сына этой дамы и знатока почерков, и оба подтвердили, что почерк духа и почерк дамы при жизни принадлежат одному и тому же лицу. У того и другого нашлось множество общих особенностей, а содержание автоматической записи тоже было характерно для умершей дамы. Обычный почерк м-ра Мозеса совершенно не похож на тот, которым обычно исполнены его автоматические записи, а тот, в свою очередь, был совсем непохож на почерк в настоящем случае.

Здесь никакая гипотеза — ни телепатии от живых, ни забытого воспоминания, ни подпорогового «я» м-ра Мозеса — не дает объяснения, и я считаю этот случай одним из самых прочных звеньев в цепи свидетельств в пользу посмертного существования. Как правило, почерк автоматической записи не совпадает с почерком лица, которое будто бы сообщается, да мы и

не должны этого ожидать, если сообщение передается телепатически от умершего.

Есть, однако, и другие случаи, когда так называемый дух, по-видимому, способен порой водить рукой медиума столь совершенно, что получается точное воспроизведение почерка умершего. Замечательный пример этого был в случае покойного профессора Генри Сиджвика, от которого через автоматическое письмо пришло характерное для него сообщение, скрепленное его подписью. Эта подпись тождественна подписи на многих письмах, которые я получал от профессора Сиджвика при его жизни, и здесь также нет причин думать, что медиум, дама, которую я знаю лично, когда-либо видела почерк профессора Сиджвика[2].

[2] В «*Человеческой личности*», т. II, с. 168, м-р Майерс говорит об этом признаке, почерке, как о доказательстве тождества и на с. 466 приводит замечательный случай, подтверждающий сказанное. Дельная критическая статья сэра Г. Бабингтона Смита, кавалера ордена Бани, где разбирается это и другие свидетельства, полученные автоматическим письмом, опубликована в V томе «*Трудов* Общества психических исследований».

Памятуя о гипотезе криптомнезии, приведу теперь несколько замечательных посланий, которые прислал нам мой почтенный друг, покойный м-р Хенсли Веджвуд, двоюродный брат и шурин Чарльза Дарвина и сам известный *ученый*. М-р Веджвуд живо интересовался психическими исследованиями и провел много сеансов автоматического письма (планшеткой) с двумя своими ценными друзьями, «миссис Р.» и ее сестрой «миссис В.», обе они были сенситивами. В настоящем случае автоматистом была миссис Р., дама, несколько лет знакомая м-ру Фреду Майерсу, в чьей щепетильной добросовестности сомневаться так же невозможно, как в добросовестности самого м-ра Веджвуда. Миссис Р. и м-р Веджвуд сидели друг против друга за маленьким столом; она держала на планшетке левую руку, он — правую. М-р

Веджвуд утверждает, что письмо шло прямо по отношению к нему, но вверх ногами по отношению к его партнерше, и он не только не направлял планшетку, но с трудом лишь старался не мешать ее быстрому движению. Его партнерша заявила то же самое и к тому же не могла бы писать таким перевернутым образом быстро, да и вообще не могла бы. Записи миссис Р., подтвержденные м-ром Веджвудом, таковы.

Случай Дэвида Брейнерда

10 октября, пятница, в —, сидим м-р Веджвуд и я. После недолгой паузы и одного предварительного круга доска задвигалась.

«Дэвид — Дэвид — Дэвид — умер 143 года назад».

В эту минуту дворецкий доложил, что подан завтрак, и м-р Веджвуд сказал так называемому духу: «Не продолжите ли вы для нас потом, а то сейчас мы должны прерваться?»

«Попробую».

За завтраком м-р Веджвуд высчитал, что указанная дата — 1747 год, и предположил, что руководитель — быть может, Дэвид Юм, который, как он думал, умер примерно тогда. Когда мы снова сели, без всякого вопроса было написано следующее:

«Я не Юм. Я пришел с сестрой Теодора. Меня влекло к ней, пока она жила в Америке. Мое дело было в той земле, и мой земной труд оборвался рано, как и ее. Я умер тридцати лет. Я трудился пять лет, неся вперед светильник Божией истины, как я ее разумел».

М-р Веджвуд заметил, что он, должно быть, был миссионером.

«Да, на Саскуэханне и в других местах».

«Можете ли вы назвать еще какое-нибудь имя, кроме Дэвида?»

«Дэвид Брей — Дэвид Брей — Дэвид Брейн — Дэвид Брейне — Дэвид Брейн».

М-р В.: «Вы хотите сказать, что ваша фамилия Брейне?»

«Почти верно».

М-р В.: «Попробуйте еще раз».

«Дэвид Брейне. Это не все имя; верно, насколько написано… Я родился в 1717 году».

М-р В.: «Вы американец?»

«Америку я считаю своей страной, как у нас понимают вещи. Я трудился в —» (фраза кончается строкой из букв «Д»).

Немного погодя м-р Веджвуд сказал, что ему, кажется, пришло в голову, кто наш руководитель. Он смутно припоминал, что в XVIII веке некий Дэвид Брейнерд был миссионером у индейцев Северной Америки. Мы снова сели, и было написано следующее:

«Я рад, что вы меня узнали. У меня не хватило силы дописать имя или дать больше подробностей. Я знал ту тайну края. Ее стерегли индейцы, и она была открыта двум независимым друг от друга кружкам. Ни тому, ни другому не удалось, но придет день, который откроет золото».

Высказали предположение, что имеется в виду небесная истина.

«Я говорил о земном золоте».

М-р Веджвуд сказал, что письмо стало таким бледным, что, по его мнению, сила иссякает.

«Да, почти ушла. Я писал во все пять лет моего труда. Это поддерживало жизнь в моем сердце».

М-р Веджвуд пишет:

«Сначала я не мог сообразить, где я когда-либо слышал о Брейнерде, но от дочери из Лондона узнаю, что моя свояченица,

жившая у меня лет сорок или пятьдесят назад, была большой почитательницей Брейнерда и, кажется, имела жизнеописание его; но я совершенно уверен, что ни разу не открывал этой книги и ничего не знал о датах, которые все верны, равно как и о том, что он был миссионером у саскуэханнов.

Дочь прислала мне выписки из его жизнеописания, где сказано, что он родился в 1718 году, а не в 1717-м, как написала планшетка. Но в „Биографическом словаре“ сказано, что он умер в 1747 году тридцати лет от роду».

Миссис Р. пишет, что до этого ничего не знала о Дэвиде Брейнерде.

«Биографический словарь» дает следующее:

«Брейнерд, Дэвид. Знаменитый американский миссионер, прославившийся успешными трудами по обращению индейцев на Саскуэханне, Делавэре и т. д. Умер тридцати лет, в 1747 году».

В связи с последней фразой, написанной планшеткой, быть может, стоит отметить, что в жизнеописании Брейнерда, составленном Джонатаном Эдвардсом, приведенные выдержки из его дневника показывают, что писал он много, например: «3 февр. 1744 г. Не мог не писать, как и не размышлять» и т. д. «15 февр. 1745 г. Почти весь день был занят писанием». О письме он неизменно говорит как об утешении.

Другой случай, приведенный м-ром Веджвудом, слишком длинен, чтобы излагать его подробно, но дается краткий пересказ, потому что он, подобно предыдущему, — один из немногих случаев, когда так называемый дух утверждает, что жил на земле очень много лет назад.

Случай полковника Гурвуда

В этом случае автоматистом также была приятельница м-ра Веджвуда миссис Р., дама, как уже сказано, безупречной честности, а способ проведения сеанса с планшеткой был тот же, что описан в предыдущем случае. Сеанс состоялся в июне 1889 года и записан в «*Журнале* Общества психических исследований» за тот год. Заметки о сеансе писались тогда же, и написанное планшеткой было переписано.

> Как только сеанс начался, планшетка написала, что присутствует дух, который хочет рисовать; тотчас был сделан грубый рисунок: верх зубчатой стены, или стенная корона, из которой поднимается рука, держащая меч. Планшетка написала: «Жаль, лучше не могу, задумано как проверка, Дж. Г.». На вопрос, что изображает рисунок, пришел ответ: «Нечто, что было мне дано». На вопрос, мужчина Дж. Г. или женщина, планшетка написала: «Мужчина, Джон Г.». М-р Веджвуд сказал, что знал некоего Дж. Гиффарда, — верно ли это? Пришел ответ: «Не Гиффард, Джон Гурвуд, вам не родня». На вопрос, как он умер: «Я убил себя в Рождество, будущим Рождеством будет сорок четыре года», то есть в 1845 году. На вопрос, служил ли он в армии, пришел ответ: «Да, но доконало меня перо, а не меч». На вопрос, верно ли слово «перо», и если да, то не был ли он писателем, потерпевшим неудачу, ответ был: «Да, перо; неудачи я не потерпел, перо оказалось мне не по силам после раны». На вопрос, где он был ранен, ответ был: «На Полуострове, в голову, я был ранен в 1810 году». На вопрос, герб ли это на рисунке и связан ли он с раной, планшетка написала: «Оттого он и пошел и был мне дан, рисунок был проверкой; запомните мое имя, силы объяснить нет, теперь кончайте».

Тогда м-р Веджвуд вспомнил, что некий полковник Гурвуд издал депеши герцога Веллингтона, но он никогда не читал ни одной истории Пиренейской войны и не знал никаких подробностей ни о жизни Гурвуда, ни о его гербе; миссис Р. об этом деле не знала ровно ничего. После сеанса м-р Веджвуд навел справки и нашел, что полковник Гурвуд вел передовой отряд охотников при штурме Сьюдад-Родриго в 1812 году[3], а «Эньюал реджистер» сообщает, что он тогда «получил рану в череп, которая сказывалась на нем всю остальную жизнь». В награду за храбрость он получил в 1812 году пожалование герба, который описан в «*Книге родовых гербов*» и изображен в нашлемнике следующим образом: «Из стенной короны, с разрушенным замком посередине, и оттуда рука, держащая ятаган». Рисунок, *данный как проверка*, — это, в сущности, тот самый нашлемник, хотя разрушенный замок, несомненно, было слишком трудно нарисовать планшеткой. Более того, «Эньюал реджистер» за 1845 год сообщает, что полковник Гурвуд покончил с собой в Рождество того года в припадке уныния, и замечает, что это произошло, вероятно, от переутомления, вызванного тяжелой работой по изданию депеш; этим и объясняются слова автоматической записи: «Перо оказалось мне не по силам после раны». Ни один из этих фактов не был известен ни м-ру Веджвуду, ни миссис Р. до того, как пришло автоматическое письмо.

[3] Планшетка написала «1810», если цифры были прочитаны верно.

На последующих сеансах полковник Гурвуд снова управлял планшеткой и сообщил еще кое-какие подробности своей жизни, о штурме крепости и имена людей, и все это оказалось верным в той мере, в какой поддавалось проверке. Но доказательную ценность этих позднейших сеансов приходится снизить, так как м-р Веджвуд тем временем заглянул в «*Историю Пиренейской войны*» Нейпира и мог почерпнуть часть сведений с ее страниц.

Можно было бы привести много других поразительных примеров посмертного существования, но читатель, которого это занимает, должен обратиться к первоначальным статьям, на которые я ссылался выше. У сэра Оливера Лоджа были замечательные случаи «тождества духа» через других автоматистов, и особенно через миссис Пайпер, с которой он провел множество сеансов. Эти случаи он критически исследовал: многие из них касаются его самого и его семьи и открывают факты, совершенно неизвестные медиуму и в то время неизвестные самому сэру Оливеру, которые впоследствии оказались верными. Убеждение, к которому сэр Оливер был приведен собственным долгим опытом и которое он открыто исповедует, состоит в том, что свидетельства посмертного существования неоспоримо существуют.

Один из самых недавних случаев, подкрепляющих этот вывод, касается посланий, исходивших, по их словам, от его доблестного и любимого сына, лейтенанта Реймонда Лоджа, погибшего на войне. Подробности этого случая были доложены Обществу психических исследований, и я составил извлечение из того доклада, любезно просмотренное сэром О. Лоджем, чтобы поместить его здесь. Но с тех пор сэр Оливер выпустил свою книгу «Реймонд», где приводятся и дополнительные свидетельства, а так как эту книгу так широко читали и о ней столько писали в печати, то, по-видимому, нет нужды касаться этого предмета дальше. Кроме того, почти все приведенные мною свидетельства пришли через частных и не получающих платы медиумов, а со всеми посланиями Реймонда дело обстояло не так.

Достопочтенный Джеральд Бальфур недавно (в декабре 1916 года) прочел перед Обществом психических исследований доклад, который, по мнению некоторых компетентных судей, содержит

самое поразительное из полученных доселе свидетельств посмертного существования. Ибо он, по-видимому, доказывает продолжающуюся и деятельную умственную жизнь покойного профессора А. У. Верролла и покойного профессора Бутчера, обоих выдающихся знатоков классической древности. Свидетельства обнаруживают такой объем знаний и такое умение построить классическую головоломку, каких нельзя объяснить ни телепатией, ни подпороговым «я» автоматиста. Автоматические записи пришли через даму, хорошо знакомую м-ру Бальфуру, о которой уже упоминалось под ее псевдонимом «миссис Уиллет».

М-р Бальфур с уверенностью утверждает, что миссис Уиллет знакома с классическими предметами не больше, чем средняя образованная женщина. Тем не менее в записях появились такие малоизвестные классические намеки, как «Ухо Дионисия» (оно и дало название докладу м-ра Бальфура), и другие темные предметы, и все это вместе составило литературную головоломку, которая оставалась неразрешимой, пока позднее записи не дали к ней ключ. М-р Бальфур говорит, что трудно предположить, чтобы материал, из которого построена эта головоломка, мог быть почерпнут из ума какого-либо живого человека; он полагает, что его следует приписать какому-то развоплощенному разуму или разумам, и есть веские причины считать, что настоящими его авторами были — как они себя и называют — покойные профессора Верролл и Бутчер. Доклад вскоре будет опубликован в «Трудах» Общества психических исследований.

ГЛАВА XVII

СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОСМЕРТНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ИЗ ДРУГИХ СТРАН

✦

Смерти нет; то, что кажется ею, — переход;
Эта жизнь смертного дыхания —
Лишь предместье жизни Елисейской,
Чьи врата мы называем смертью.

Лонгфелло

Следует помнить, что компетентные исследователи психических явлений и в других частях света, помимо Соединенного Королевства, уже много лет ведут свою работу и получили то, что сами они сочли убедительными свидетельствами посмертного существования. В этой главе я приведу частицу свидетельств, приходящих к нам из Америки и России.

Ни один исследователь психических явлений не уделил критическому изучению свидетельств в пользу посмертного существования больше времени, чем покойный д-р Ходжсон за годы жизни в Соединенных Штатах. По сути, этот предмет на протяжении многих лет перед смертью был почти единственным его занятием. Он был так далек от легковерия, что обнаружил и разоблачил множество поддельных явлений, а в отношении других медиумов, кроме миссис Пайпер, с которой он провел

бесчисленное множество сеансов, по моему мнению, даже заходил в своем скептицизме слишком далеко. Сначала он пытался объяснить полученные через миссис Пайпер результаты так, чтобы от них ничего не осталось, но в конце концов был вынужден принять гипотезу духов; вот его собственные слова: «Испытывая в течение нескольких лет гипотезу телепатии от живых… я без колебаний утверждаю с самой полной уверенностью, что „спиритическая“ гипотеза оправдана своими плодами, а другая гипотеза — нет».

Вывод, к которому д-р Ходжсон пришел после долгого и критического опытного изучения миссис Пайпер, он подытожил следующими словами:

> «В настоящее время я не могу сказать, что сомневаюсь в том, что главные „сообщающиеся“, о которых я говорил на предыдущих страницах [своего отчета], поистине те самые личности, какими они себя называют, что они пережили перемену, которую мы называем смертью, и что они непосредственно сообщались с нами, кого мы называем живыми, через организм миссис Пайпер, пребывавший в трансе»[1].

[1] «Труды Общества психических исследований», т. XIII, с. 406.

Как бы невероятным ни считали скептики этот вывод, мы должны помнить, что д-р Ходжсон начал свое долгое и трудное исследование с тем же сомнением и даже неверием в «спиритическую» гипотезу, какое может питать любой из его критиков. Более того, он был не только на редкость здравомыслящим и проницательным исследователем, но и особенно искусным в разоблачении обмана и обольщения чувств. Это видно, как я уже заметил, из того, что он разоблачил различные мнимые спиритические явления, которые озадачивали

и ставили в тупик некоторых самых способных исследователей. Поэтому те, у кого нет опыта д-ра Ходжсона, не вправе противопоставлять одни лишь свои представления о вероятном и невероятном, о возможном и невозможном его обдуманному мнению, к которому он пришел после многих лет терпеливого и кропотливого исследования.

Если бы оказалось, что какой-нибудь другой компетентный исследователь после столь же исчерпывающего изучения пришел к противоположному выводу, скептики были бы вправе колебаться, прежде чем принять опытные свидетельства посмертного существования. Но как раз этого привести и нельзя. Напротив, насколько мне известно, всякий опытный наблюдатель любой национальности, посвятивший годы подобному опытному исследованию, либо пришел практически к тому же выводу, что д-р Ходжсон и другие способные исследователи, либо был вынужден признать, что рассматриваемые явления в настоящее время совершенно необъяснимы.

После смерти д-ра Ходжсона его работу в Америке продолжает главным образом его друг д-р Дж. Г. Хислоп, бывший профессор Колумбийского университета. Д-р Хислоп, живущий ныне в Нью-Йорке, посвятил этой работе свою жизнь и выделяется среди всех как способный, смелый и неутомимый труженик психических исследований. Среди его поразительно многочисленных работ в «Трудах» и «Журнале Американского общества психических исследований» немало статей, содержащих разительные свидетельства посмертного существования. Эти свидетельства заставили его отказаться от агностических взглядов, которых он держался прежде, и стать убежденным сторонником гипотезы духов. Так как д-р Хислоп — опытный психолог, его мнение тем более ценно.

В последние шесть лет д-р Хислоп постоянно проводил сеансы с одной дамой, миссис Ченоуэт (это псевдоним), у которой развились сильные медиумические способности. Ниже следует краткое изложение одного из доказательных случаев посмертного существования, полученных через миссис Ченоуэт, полная надежность и честность которой не подвергаются сомнению. Этот случай показывает, какими мелкими бывают подробности, сообщаемые для того, чтобы можно было установить тождество.

Случай Тауша

Д-р Хислоп рассказывает, что получил письмо от одной дамы из Германии, о которой никогда прежде не слышал; она спрашивала, не может ли он порекомендовать ей сенситива: недавно она потеряла мужа и в своем великом горе хотела найти какое-нибудь свидетельство, которое уверило бы ее, что муж продолжает существовать. Д-р Хислоп ответил, что не знает ни одного сенситива в Германии, но если она приедет в Америку, он устроит ей сеансы с сенситивом, которому доверяет. Дама ответила, что это невозможно, но сообщила имя (не совпадающее с ее собственным) и адрес своей сестры в Бостоне, в Соединенных Штатах, которая могла бы ее заменить.

Соответственно д-р Хислоп условился с сестрой о встрече, но не сообщил ей ни имени, ни адреса сенситива, равно как и сенситиву (миссис Ченоуэт) ничего не сообщил ни о посетительнице, ни о цели сеанса. Прежде чем впустить посетительницу, д-р Хислоп ввел миссис Ченоуэт в состояние транса, когда обычные способности бездействуют; более того, д-р Хислоп был уверен, что медиум не знала даже, мужчина ее посетитель или женщина. Рука миссис Ченоуэт начала автоматически писать, и невидимый сообщающийся дал понять, что здесь присутствует джентльмен,

который очень хочет известить жену о своем существовании, что он был философом и другом покойного профессора Уильяма Джеймса из Гарварда, что его мать умерла, а чтобы указать на свое тождество, он показал на пустое место во рту, где был удален зуб. Разумеется, ни один из этих фактов не был известен д-ру Хислопу, но в надежде, что они могут относиться к мужу писавшей ему дамы, он сообщил их вдове в Германию и узнал, что все они верны: ее муж читал лекции по философии, был другом профессора У. Джеймса и лишился зуба, хотя пустого места не было видно. Затем невидимый сообщающийся заявил, что джентльмен незадолго до кончины страдал сильной головной болью, мысли его путались и он тосковал по дому; дух прибавил, что умер он не вдали от дома, но это было не то, что его дом. Все это оказалось правдой: он умер в своем старом доме в Германии, а не в своем доме в Америке.

Затем пришли разительные доказательства тождества: сообщающийся заявил, что умерший хотел доказать, что не был глупцом, веря в дух, и что его очень занимали некие записи, которые одолжил ему «его друг Джеймс». В ответ на расспросы д-ра Хислопа вдова написала, что незадолго до смерти мужа профессор Джеймс дал ему почитать некие записи, произведшие на него впечатление. Все присутствовавшие на сеансе, разумеется, совершенно ничего не знали ни об этом, ни о других подробностях. Невидимый сообщающийся продолжал: умерший любил чинить вещи и поправлять часы; он имел обыкновение делать пометки в своих книгах; затем дух, по-видимому, попытался подписать свое имя, ибо пришли буквы «T. h.». В ответ на расспросы вдова написала д-ру Хислопу, что ее муж в самом деле очень много возился с часами, что он делал пометки в своих книгах и всегда читал с карандашом в руке. А фамилия умершего была Тауш (Tausch), и из нее были даны первая и последняя буквы.

Позднее сообщающийся приложил большие усилия, чтобы назвать свое имя автоматическим письмом через миссис Ченоуэт, находившуюся в трансе, и без всякой помощи со стороны д-ра Хислопа (который, разумеется, знал имя, но никаких других подробностей) пришло: «Taussh, Tauch и Taush», что фонетически верно. Тогда д-р Хислоп обратился к сообщающемуся по-немецки и получил ответы по-немецки, и между прочим ответ, что посетительница — его сестра, *Geschwister*, что было верно, хотя миссис Ченоуэт (через которую, разумеется, и шло автоматическое письмо) знала по-немецки всего четыре слова, и в эти ответы они не входили. Пришли и другие любопытные подробности, устанавливающие тождество, — например, что умерший обыкновенно носил с собой маленький саквояж со своими рукописями и лупой и что незадолго до смерти он совершил долгую поездку по железной дороге. На запрос миссис Тауш написала, что ее муж всегда носил с собой маленький саквояж, куда клал свои рукописи и очки, и что незадолго до смерти он совершил долгую поездку по железной дороге.

Д-р Хислоп говорит, что все описанные подробности были ему неизвестны и потребовали подтверждения перепиской с миссис Тауш в Германии, единственным живым человеком, который знал, что они верны. И ни разу за все годы сеансов с миссис Ченоуэт д-р Хислоп не получал сообщений, содержащих подробности, подобные описанным выше. Имя могло быть похищено телепатически из ума д-ра Хислопа, но нет никаких свидетельств того, что миссис Ченоуэт обладает хотя бы малейшей телепатической восприимчивостью. Даже если бы миссис Ченоуэт знала имя и адрес миссис Тауш в Германии (а она их, разумеется, не знала), она не могла бы с ней снестись, так как от первого сеанса до последнего прошло всего 36 часов. Никого в Америке, кто мог бы дать ей эти сведения, не было.

Я согласен с д-ром Хислопом, что никакого удовлетворительного объяснения этого случая ни телепатией, ни подпороговым знанием, ни сговором со стороны медиума дать нельзя и что самое простое и самое разумное решение состоит в том, что сведения были почерпнуты из ума умершего.

Но я должен заканчивать свою несовершенную выборку из той массы свидетельств из первых рук, которая накапливается в доказательство тождества духа.

Следующий случай выбран потому, что он исходит от совершенно независимых и способных исследователей в России. Здесь тоже любое объяснение, основанное на сговоре, телепатии или знании присутствующих, исключено. К сожалению, свидетельство несколько пространно, но так как в нем проявление физических явлений сочетается с доказательствами тождества сообщающегося разума, оно служит важным звеном между этими двумя разрядами явлений. Ни платных, ни профессиональных медиумов там не было, а добросовестность, *bona fides*, всех участников, по-видимому, не подлежит сомнению.

Этот случай приводится по VI тому «Трудов» Общества психических исследований, где читатель найдет и другие подобные доказательные случаи в ценной статье м-ра Ф. У. Г. Майерса.

Случай Перелыгиной

18 ноября 1887 года в доме г-на А. Нарцова в Тамбове, в России, состоялся сеанс. Г-н Нарцов принадлежит к русскому дворянству и владеет землей; кроме него, присутствовали только его тетушка, экономка и городовой врач города Тамбова.

Сеанс начался в 10 часов вечера за столом, поставленным посреди комнаты, при свете ночника, стоявшего на каминной полке. Все

двери были закрыты. Левая рука каждого участника лежала на правой руке соседа, и каждая нога касалась ноги соседа, так что в продолжение всего сеанса все руки и ноги были под контролем. В полу послышались резкие стуки, потом в стене и в потолке, после чего удары раздались прямо посреди стола, будто кто-то бил по нему сверху кулаком, и так сильно и так часто, что стол все время дрожал.

Г-н Нарцов спросил: «Можете ли вы отвечать разумно, давая три стука в знак „да“ и один — в знак „нет“?» — «Да». — «Хотите ли вы отвечать по азбуке?» — «Да». — «Назовите по буквам ваше имя». Азбуку стали повторять, и тремя стуками были указаны буквы: «Анастасия Перелыгина». — «Прошу вас, скажите теперь, зачем вы пришли и чего желаете». — «Я несчастная. Молитесь за меня. Вчера днем я умерла в больнице. Третьего дня я отравилась спичками». — «Сообщите нам какие-нибудь подробности о себе. Сколько вам было лет? Давайте по стуку на каждый год». Семнадцать стуков. — «Кто вы были?» — «Я была горничной. Я отравилась спичками». — «Почему вы отравились?» — «Не скажу. Больше ничего не скажу».

После этого тяжелый стол, стоявший у стены, вне цепи рук, три раза быстро придвигался к столу, вокруг которого была составлена цепь, и всякий раз его отталкивало назад, неизвестно какими средствами. Затем в стене послышались семь стуков (условленный знак окончания сеанса), и в 11 часов 20 минут вечера сеанс закончился.

(Далее следуют подписи всех присутствовавших с их удостоверением.)

Присутствовавшие подписали также следующее удостоверение:

«Нижеподписавшиеся, присутствовавшие на сеансе 18 ноября 1887 года в доме г-на А. Н. Нарцова, сим удостоверяют, что ранее ничего не знали ни о существовании, ни о смерти Анастасии

Перелыгиной и что услышали ее имя впервые на вышеупомянутом сеансе».

Затем были наведены справки о том, верно ли сообщение, исходившее, по его словам, от неизвестной самоубийцы. Д-р Тулушев, городовой врач, присутствовавший на сеансе и подписавший приведенные выше документы, заявляет, что сначала не верил, будто в сообщении есть хоть доля правды. Вот что он пишет:

«Как городовому врачу, мне полиция тотчас сообщает обо всех случаях самоубийства. Но так как Перелыгина прибавила, что смерть ее последовала в больнице, а в Тамбове у нас только одна больница — больница Богоугодных заведений, *Institutions de Bienfaisance*, — которая не входит в мой служебный надзор и начальство которой в подобных случаях само посылает за полицией или следователем, я послал письмо моему коллеге, д-ру Сундблату, старшему врачу этой больницы, и, не объясняя причины, просто попросил его сообщить мне, не было ли в последнее время в больнице случая самоубийства, и если был, то сообщить имя и подробности. Ниже следует копия его ответа, заверенная собственноручной подписью д-ра Сундблата.

(Подписал) Н. Тулушев».

«19 ноября 1887 года.

Дорогой коллега! 16-го числа сего месяца я был дежурным, и в тот день в больницу поступили две больные, отравившиеся фосфором. Первая, Вера Косович, 38 лет, жена чиновника… была принята в 8 часов вечера; вторая, прислуга по имени Анастасия Перелыгина, 17 лет, — в 10 часов вечера. Эта вторая больная, кроме настоя из коробков спичек, выпила стакан керосина и при поступлении была уже очень плоха. Она умерла 17-го в 1 час дня, и вскрытие было произведено сегодня. Косович умерла вчера, и вскрытие назначено на завтра. Косович сказала, что приняла

фосфор в припадке тоски, Перелыгина же не назвала причины, по которой отравилась.

(Подписал) Ф. Сундблат».

Когда г-на Нарцова спросили, не могла ли экономка, бывшая на сеансе, слышать о самоубийстве, он ответил так:

«В ответ на ваше письмо сообщаю, что экономка моей тетушки — не экономка в строгом смысле слова, а скорее друг семьи: она живет у нас почти пятнадцать лет и пользуется нашим полным доверием. Она не могла заранее узнать о самоубийстве, так как у нее нет ни родных, ни знакомых в Тамбове и она никогда не выходит из дому.

Больница, о которой идет речь, находится на другом конце города, верстах в пяти от моего дома. Д-р Сундблат сообщает мне, ссылаясь на протокол дознания, что Перелыгина умела читать и писать. (Это ответ на вопрос, могла ли умершая понять сообщение по азбуке.)»

Немного найдется случаев, которые, по моему мнению, давали бы столь простое и разительное доказательство тождества развоплощенной личности, как изложенный выше. Профессионального медиума не было; все причастные к делу свидетели называют свои полные имена; это люди с добрым именем, и после того как факты были опубликованы, их показания ни разу не были оспорены.

Те, кто все еще сомневается в ценности свидетельств, приведенных в предыдущих главах, должны помнить, что получить такое убедительное логическое доказательство посмертного существования, которое удовлетворило бы всякого агностика, невозможно и, вероятно, всегда будет невозможно. Но «формальная логическая последовательность», как сказал кардинал Ньюмен в своей «Грамматике согласия», «на деле вовсе

не тот способ, которым мы можем удостовериться в конкретном… Действительный и необходимый способ… есть накопление вероятностей, не зависящих одна от другой и вытекающих из природы и обстоятельств того частного случая, который рассматривается», а значит, и истинность гипотезы духов и тождества духа, как и истинность всякого спорного предмета, надлежит судить именно так, то есть по *всей совокупности свидетельств*, взятых вместе[2].

[2] Кант ничего не знал ни о телепатии, ни о психических исследованиях, но даже его критический ум допускал, что «что касается рассказов о привидениях, то, хотя я сомневаюсь в каждом из них в отдельности, все же я питаю некоторую веру во все эти рассказы, вместе взятые». — «Грезы духовидца», с. 83.

В заключение этой главы я хочу обратить внимание на ценный и живо написанный труд в двух томах под странным заглавием «О космических связях» м-ра Генри Холта, широко уважаемого американского издателя. В этом труде м-р Холт приводит массу свидетельств, полученных им самим, а также д-ром Ходжсоном и другими, которые убедили его в существовании сверхнормальных явлений и в невозможности отделаться от свидетельств в пользу существования после телесной смерти, объясняя их телепатией или как-либо иначе.

ЧАСТЬ V

ГЛАВА XVIII

ЯСНОВИДЕНИЕ. ПСИХОЛОГИЯ ЯВЛЕНИЙ ТРАНСА

✦

Все мы ходим среди тайн. Нас окружает атмосфера, о которой мы не знаем, что в ней движется и как она связана с нашим собственным духом. Несомненно одно: в особых случаях мы можем протянуть щупальца нашей души за ее телесные пределы, и ей даровано предчувствие и даже подлинное прозрение ближайшего будущего.

Гете, «Разговоры с Эккерманом»

Обозревая тот краткий и несовершенный очерк спиритических явлений, который я попытался дать на предыдущих страницах, мы сталкиваемся со многими трудностями и запутанными вопросами. Их желательно рассмотреть в этой и следующей главах.

Некоторые из этих трудностей, быть может, отпадут, когда мы полнее узнаем весь предмет в целом. Те из моих читателей, кто подходит к этим вопросам впервые, конечно, будут помнить, что в пределах небольшой книги можно было представить лишь частицу уже доступных свидетельств. Кроме того, мне пришлось опустить некоторые области обширного поля психических исследований, которые подвергались долгому и критическому

изучению и которые необходимо принимать во внимание при любом объяснении спиритических явлений. Одна из них — телепатия, ныне широко признанная; к ней я вернусь в последней главе; другая — так называемое ясновидение. О нем следует теперь сказать несколько слов[3].

[3] В письме, напечатанном в лондонской «Таймс» еще в 1876 году, я говорил, что, прежде чем мы сможем надеяться прийти к каким-либо определенным выводам о так называемых сообщениях духов, мы должны узнать, существуют ли в действительности ясновидение и (то, что ныне называется) телепатия.

Словом «ясновидение», к сожалению, обозначают две различные стороны сверхнормальной способности. В одном смысле его употребляют для выражения трансцендентного восприятия отдаленных мест или скрытых материальных предметов. Что такая способность существует, в этом я нисколько не сомневаюсь; ее можно вызвать на высших ступенях гипнотического транса, или же она может проявляться у некоторых сенситивов в их обычном состоянии. Миссис Г. Сиджвик опубликовала тщательное исследование того, что было названо «странствующим ясновидением»[4], а в своих долгих изысканиях о так называемой волшебной лозе, или лозе лозоходца, я показал, что хороший лозоходец несомненно обладает несколько сходной способностью, хотя наукой она и не признана[5]. Для этой способности м-р Ф. У. Г. Майерс предложил термин *телэстезия*, подразумевая восприятие земных предметов или обстоятельств помимо признанных путей чувств, а также помимо всякого знания, которое могло бы быть получено телепатически.

[4] См. «Труды Общества психических исследований», т. VII и след.

[5] См. «Труды Общества психических исследований», т. XIII и XV; краткое *изложение* всего предмета см. также в главе XII моей книги «Психические исследования» из серии «Домашняя университетская библиотека».

Словом «ясновидение» обозначают также трансцендентное видение существ, пребывающих на ином плане бытия. Утверждают, что многие медиумы обладают этой способностью в обычном состоянии, или в состоянии транса, а также в «стадии пробуждения» между тем и другим. И здесь свидетельства в пользу такой способности кажутся мне неоспоримыми; но получить убедительные доказательства в этом вопросе очень трудно, так как сюда может вмешаться телепатия — эта удобная и изрядно загруженная работой гипотеза.

Я почти не сомневаюсь, что ясновидение в обоих его значениях, так же как и телепатия, в значительной мере входит в сообщения, которые будто бы приходят из мира духов, и отчасти их объясняет. Но мы должны допустить телепатию от умерших так же, как и от живых, и нам нужны доказательства того, что медиум действительно обладает способностью перципиента, то есть бессознательного приемника телепатического впечатления. Давно пора экспериментальным психологам и исследователям психических явлений признать, что сверхнормальные явления действительно бывают, и проверять, а не только выдвигать различные теории, которые ныне часто предлагаются без доказательств.

Изучающие психические исследования найдут самый важный и критический разбор психологии явлений транса в спиритизме в монографии миссис Генри Сиджвик, которая занимает объемистый том «Трудов Общества психических исследований» за декабрь 1915 года. Это кропотливое исследование посвящено явлениям транса у миссис Пайпер — но в большей или меньшей мере приложимо и к другим подлинным медиумам — в тех случаях, когда налицо доказательства знания, приобретенного

иначе, чем через чувства, будь то от живых или от умерших. Цель статьи — пролить свет на вопрос:

> «Есть ли разум, который говорит или пишет в трансе и иногда находится в телепатическом общении с другими умами (будь то живых или умерших), нечто иное, чем одна из фаз, или один из центров сознания, самой миссис Пайпер».

Миссис Сиджвик решительно признает, что миссис Пайпер обладает сверхнормальными способами получать знания, но приходит к выводу, что транс миссис Пайпер, а вероятно, и транс других подобных медиумов —

> «Есть, вероятно, состояние самовнушенного гипноза, в котором ее гипнотическое „я“ изображает различные лица, либо сознательно и намеренно, либо бессознательно, веря, что она и есть то лицо, которое она представляет, а иногда, вероятно, в состоянии сознания, промежуточном между тем и другим… И далее… она может получать, несовершенно и большей частью отрывочно, телепатические впечатления… Такие впечатления не только воспринимаются ею как следствие ее собственной телепатической деятельности или деятельности других духов — духов живых, а может быть, и умерших, — но и поднимаются частично или полностью в сознание, действующее в сообщениях транса, и таким образом опознаются»[6].

[6] «Труды Общества психических исследований», т. XXVIII, с. 330.

Итак, телепатия от живых, а иногда и от развоплощенных, в соединении с действительным или мнимым расщеплением личности медиума в состоянии транса — таков взгляд миссис Сиджвик на эти явления. По существу, таково было мнение д-ра Ходжсона на ранней стадии его исследований. Но, как говорит миссис Сиджвик, «он, по-видимому, уже отказался от этой

гипотезы, когда опубликовал свой первый отчет». Как хорошо известно и как уже упоминалось в предыдущей главе, д-р Ходжсон и м-р Майерс, подобно многим другим критически мыслящим исследователям, в конце концов были вынуждены принять гипотезу духов как самое последовательное и самое простое решение.

Выводы миссис Сиджвик несомненно заслуживают внимательного рассмотрения и, без сомнения, придутся по душе многим психологам и людям осторожного образа мыслей. Если позволительно мне без самонадеянности высказать мнение, я думаю, что в значительной мере они справедливы и объясняют многие из тех озадачивающих несообразностей, ложных утверждений и присвоений великих имен, которые встречаются в этих сообщениях транса.

Так, на одном сеансе с миссис Пайпер в 1899 году будто бы сообщался еврейский законодатель «древний Моисей» и пророчествовал, что в близком будущем будут великие войны и кровопролитие, а затем наступит тысячелетнее царство. Но в этой великой войне Россия и Франция окажутся на одной стороне, против Англии и Америки на другой, а Германия не примет в войне никакого серьезного участия. После этого «Моисей» прибавил еще немало торжественных, но малосодержательных слов.

В другой раз будто бы сообщается сэр Вальтер Скотт и говорит д-ру Ходжсону, что если тот захочет что-нибудь узнать о планете Марс, то пусть непременно вызовет романиста, так как он побывал на всех планетах; на вопрос, видел ли он планету, более далекую, чем Сатурн, так называемый Вальтер Скотт ответил: «Меркурий»! Будто бы управляют медиумом также Юлий Цезарь и мадам Гийон; но другим, более частым «руководителем» была

Джордж Элиот (романистка), которая иногда выступает и сообщающейся, ибо она говорит:

> «Мы говорим мыслью, если только не действуем на некую машину, так называемого медиума, и тогда наши мысли передаются „руководящему“ духу, который записывает их за нас».

Может быть, это и верно; но настоящая Джордж Элиот никогда не стала бы говорить так неграмотно, как: «Я навряд ли знаю, как достаточно ли света, чтобы сообщаться», или: «Не знаю, как я когда видала дом с привидениями», а эти слова передаются как ее собственные. Подобные грамматические ошибки делают и другие образованные «руководители».

Но одни из самых убедительных доказательств присвоения чужого лица дает «руководитель», выдававший себя за преподобного Стейнтона Мозеса. Были названы имена трех друзей-духов (из «круга Императора»), которых настоящий Стейнтон Мозес никак не мог бы забыть, и, как говорит нам профессор Ньюболд, «ни одно из этих имен не верно и не имеет ни малейшего подобия истины». А д-р Стэнли Холл на сеансе с миссис Пайпер спросил, не может ли сообщиться его племянница Бесси Билс. Она будто бы явилась и на нескольких сеансах передавала разные послания, но ее никогда не существовало: д-р Холл назвал вымышленное имя и вымышленное родство!

Отсюда видно, что мы не можем принимать эти сообщения за чистую монету, так как иногда они явно ложны, хотя и предстают перед участником сеанса с такой драматической отчетливостью и столь соответствующим характером, что кажутся живой действительностью. Вероятно, они представляют собой фазы гипнотического «я» миссис Пайпер, вызванные к жизни каким-нибудь словесным или телепатическим внушением из ума

участника сеанса. Несмотря на это несомненное присвоение лиц умерших, миссис Сиджвик признает, что —

> «Получаются вередикальные сообщения, и есть веские основания полагать, что некоторые из них исходят от умерших и, следовательно, подразумевают подлинного сообщающегося на заднем плане» (с. 204).

Здесь полезно отметить, какое значение придается словам «руководитель» и «сообщающийся». Под первым разумеется разум, который находится или выдает себя за находящийся в непосредственном общении с участником сеанса через голос или письмо медиума. Под «сообщающимся» разумеется разум, для которого «руководитель» служит писцом или толмачом или чьи замечания либо телепатические впечатления «руководитель» повторяет участнику сеанса через медиума. Это определение, данное миссис Сиджвик, общепринято.

Трудности сообщения неизбежно велики, так как нельзя предполагать, что сообщающиеся пользуются физическим процессом или физическими органами речи и слуха. Они и в самом деле говорят нам, как говорил Сведенборг задолго до того, как была открыта телепатия, что духи беседуют мыслью. Иногда упоминается и зрительное восприятие. Один невидимый сообщающийся говорит:

> «Если бы вы могли видеть меня, как я стою здесь, вы увидели бы всякий мой жест, а его копирует Ректор [„руководитель“]; он подражает мне, когда я говорю с вами».

Мысленные картины, как утверждал д-р Хислоп, проплывают перед умом медиума, и трудность, по-видимому, в том, чтобы выбрать подходящую. Упоминаются и трудности слуха, или

телепатического восприятия, особенно трудность передать имя. Бывают затем и блуждание мысли, и умственная спутанность; один сообщающийся, говоря через миссис Пайпер, жалуется:

> «Я говорю будто сквозь густой туман, и он часто меня душит»; и еще: «Не могу найти нужного слова, ум мой так путается»; «условия удушающие».

Скептик, конечно, станет утверждать, что это всего лишь ловкий прием, к которому прибегает медиум, чтобы прикрыть свое незнание, но есть все основания полагать, что здесь проявляется подлинная трудность передачи мыслей из невидимого в видимое. Мы знаем, как неверны условия телепатии здесь, и такие же условия могут существовать на той стороне, когда «руководитель» пытается запечатлеть мысли в подсознательном «я» медиума.

Это проливает некоторый свет на отрывочный, бессвязный и путаный характер многих вередикальных посланий. Первостепенная необходимость установить свое тождество, вероятно, объясняет, почему сообщения в столь большой мере состоят из отрывочных воспоминаний о земной жизни умершего.

Хотя в большинстве сообщений умерший, по-видимому, обнаруживает урезанный, словно сонный разум, — будто между двумя мирами лежит полоса сна, — так бывает не всегда. Некоторые недавние записи, как в статье м-ра Джеральда Бальфура об «*Ухе Дионисия*», показывают не только совместную работу двух или более развоплощенных умов, но, как было сказано в главе XVI, дают и положительные доказательства такого дарования и такой широты классических познаний, которые совершенно превосходят возможности автоматиста. Правда, для того чтобы сделать эти доказательства понятными обычному уму,

загадочные намеки требуют немалой изобретательности, учености и искусства. Такой мудреный способ сообщения, быть может, избран для того, чтобы предупредить подозрение, будто послание почерпнуто из земных умов телепатией или иным источником ошибки. Тем, у кого нет нужного времени или знаний, чтобы распутать эти мозаики классической учености, придется удовольствоваться уверением, что компетентные и непредвзятые исследователи убедились: они дают убедительные доказательства тождества тех умерших, от которых, по их словам, исходят.

ГЛАВА XIX

ТРУДНОСТИ И ВОЗРАЖЕНИЯ

✦

Но верь, что те, кого зовем мы мертвыми,
Дышат воздухом дня более просторного
Ради целей все более благородных.

Теннисон. «In Memoriam», CXVIII

В ходе нашего рассуждения мы видели, как унылый агностицизм, материалистическое направление научного исследования и нынешний торгашеский дух сталкиваются с неоспоримыми фактами психических исследований. Переворот в мышлении, который эти факты подразумевают и делают неизбежным, со временем станет очевиден и принесет великую пользу и знанию, и религии.

Остается, однако, много нерешенных задач. Почему невидимые собеседники так редко помнят о других друзьях на земле, за пределами тесного круга участников сеанса? Не оживают ли земные воспоминания лишь благодаря некоей связи между мыслями сообщающегося или «руководителя» и мыслями, которые живут в умах кружка? Почему у нас нет сообщений, способных выдержать критическую проверку, от величайших или святейших мужчин и женщин, когда-то живших на земле? Почему нет ясного и связного рассказа о той обстановке, в которой

пребывают ушедшие в духовный мир, и о том, чем они заняты? Эти и многие другие вопросы возникают сами собой, и мы можем лишь надеяться, что в будущем на эти загадки прольется больше света.

Завеса, отделяющая нас от ушедших в невидимое, несомненно, истончилась, но невольно хочется спросить: почему лишь кое-где приподнят только краешек завесы и нам не дано полного откровения о жизни в духовном мире? К тому же то, что дано, кажется таким скудным и так мало удовлетворяет.

Но, вероятно, мы никогда не сможем заглянуть за завесу с той ясностью и уверенностью, какими, по его словам, обладал Сведенборг, хотя сам он и предостерегал других от вступления на почву, по которой ступал. Для такого смутного видения могут быть, и, я думаю, есть, веские причины. Если бы каждый был так же уверен, как в том, что за ночью следует день, что после мгновенной тьмы смерти он перейдет в бесконечную жизнь, полную света и свободы, какой ее рисуют многие спиритуалисты, то, возможно, немногие захотели бы оставаться на земле. Может быть, множество измученных земной жизнью и усталых душ прибегло бы к какому-нибудь безболезненному смертельному снадобью, которое позволило бы им вступить в царство, где, как они надеются, их тревогам навсегда придет конец. Тщетная и безрассудная надежда, ибо дисциплина земной жизни необходима всем нам, и никто не может надеяться достичь высшей жизни без воспитывающего опыта испытаний и борьбы.

Немалая часть сомнений, которые питают религиозные умы относительно подлинности этих автоматических сообщений, несомненно, проистекает из убеждения, что послания, способные дойти до нас из-за пределов этой жизни, удостоверяли бы себя возвышенной мудростью и благочестием или знанием,

превосходящим всякое земное. Корень такого убеждения — в распространенном представлении, будто в смерти, покидая этот мир, мы внезапно преображаемся и переходим в состояние высочайшей святости и мудрости или же полного и безнадежного страдания. Считается, что добрые сразу вступают в свое окончательное состояние бесконечного блаженства, а злые, перейдя с земли, — в свое окончательное состояние бесконечного ада. Одно из огромных благ, оказанных Сведенборгом богословию, — крушение этого сурового средневекового верования, и не только среди его последователей, но и в гораздо более широком кругу; сегодня то же можно сказать о спиритизме, который опровергает расхожее представление о небесах и аде и учит нас непрерывности нашего существования здесь и в будущей жизни. Давным-давно Мильтон с удивительной прозорливостью написал:

Что, если земля —
Лишь тень Небес, и вещи там и здесь
Друг другу подобны больше, чем мыслят на земле?

Сэр Артур Конан Дойл, публично заявивший о своей вере в спиритизм, замечает: «Мы оказываемся, по всей видимости, в общении с умершими очень скоро после того, как они нас покидают, и они кажутся точно такими же, какими были до расставания»; и добавляет, что спиритизм, хотя он ничуть не враждебен христианству, устраняет многие грубые представления и видоизменяет некоторые учения в их ходячем понимании.

Обращаясь теперь к тем, кто, подобно римским католикам и многим другим, считает все спиритические явления делом злых духов, а потому и тем, чего следует сторониться, лучше всего ответить: «по плодам их узнаете их». Нам сказано: «не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они». Способный

католик-мирянин м-р Дж. Г. Рауперт, имеющий немалый опыт в спиритизме, много писал об опасностях этого предмета, и со многим из того, что он говорит, я согласен; но, как и покойный монсеньор Бенсон, он, естественно, смотрит на все это дело как на запрещенное его Церковью, а потому, по его словам, «это вкушение плода от запретного древа познания».[1]

[1] Мисс Г. А. Даллас написала превосходную небольшую книгу о возражениях против спиритизма с религиозной точки зрения, где дан убедительный ответ на многие доводы м-ра Рауперта.

Большая часть анафем, которые произносят против спиритизма протестантские и католические духовные лица, исходит из уст людей, мало или вовсе ничего не знающих о предмете. Некоторые из тех, кто взял на себя труд в нем разобраться, пришли к убеждению, что спиритизм обнаруживает существование некой таинственной силы, которая может иметь более или менее злобный характер.

Апостол Павел в Послании к Ефесянам, конечно, указывает на племя духовных существ, не из плоти и крови, которые населяют окружающий нас воздух и способны причинять людям вред. Без сомнения, в невидимом существуют силы как добрые, так и зловредные; и это, разумеется, одинаково верно и в том случае, если явления производятся теми, кто когда-то жил на земле. «В мире духов столько же глупцов, сколько их было когда-либо в этом мире», — сказал Генри Мор более двухсот лет назад. Во всяком случае, допуская существование духовного мира, необходимо остерегаться вторжения в нашу волю разумов низшего порядка и низшей нравственности.

Опасность для медиума заключается, по моему мнению, не только в утрате духовной стойкости, но и в возможной утрате того первородного права, которое каждому из нас дано беречь, —

нашей индивидуальности, нашей подлинной самости; точно так же, как иным путем ее может подорвать чувственность, опиум или алкоголь.

Великая цель нашей земной жизни состоит, по-видимому, с одной стороны, в созидании, укреплении и увековечении наших отдельных и обособленных личностей, а с другой — в пробуждении и развитии в каждом сознания лежащего в основе всего Единства, которое связывает каждого человека с большей Личной Жизнью, общей для всех, Которой «мы живем и движемся и существуем»; одним словом, в постижении того, что все мы — неотъемлемые части и члены одного Тела. Нравственное действие спиритизма надо оценивать по тому, насколько он помогает этим целям или препятствует им; подобно мистицизму, он, я думаю, помогает второй цели, но легко ставит под угрозу первую.

Сказанное мною, повторю еще раз, очевидно, никак не относится к осмотрительному научному исследованию. Огульное осуждение и некритичная доверчивость — вот, по правде сказать, две самые опасные вещи, с которыми сталкивается публика в связи со спиритизмом. Исследователь быстро обнаруживает, что ни тому, ни другому здесь не место, и в пылу поисков, если он не снаряжен как следует и не руководствуется сухим светом, *lumen siccum*, научного духа, рискует увязнуть в Сербонской трясине, если только его не постигнет участь еще худшая.

Именно потому, что я убежден: в бесстрашном поиске истины первейший долг *науки* — идти впереди и ставить такие указатели, какие могут понадобиться на огромной территории, смутно видимой нами впереди, — я так решительно осуждаю прежнее и нынешнее презрительное отношение многих людей научного мира. Сверх того, как заметил один знаменитый философ о родственных фактах, «обсуждаемые явления, по крайней мере с

философской точки зрения, суть без всякого сравнения важнейшие из всех фактов, какие предлагает нам весь опыт; а потому долг каждого ученого — основательно с ними ознакомиться».[2]

[2] Шопенгауэр; он говорит здесь о месмеризме и ясновидении, но его замечание еще решительнее приложимо к явлениям спиритизма. Место взято из «Опыта о духовидении» и приводится в «Философии мистики» Дю Преля.

ГЛАВА XX

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ И СОВЕТЫ

✦

Как чист сердцем и здрав умом,
Как смел божественной любовью
Должен быть тот, чья мысль желала бы
Хоть час беседовать с умершими.

Теннисон. «In Memoriam», XCIV

Прежде чем завершить эту книгу, следует рассмотреть, какой вес можно по справедливости признать за доводом, который часто выдвигают откровенные друзья: будто опасности психических исследований с лихвой перевешивают их возможную пользу.

Я не отрицаю, что известный риск есть (в какой отрасли нового исследования его нет?), но он сильно преувеличен, и больше всего склонны раздувать опасности как раз те, кто меньше всего знает обо всем предмете. Как недавно писал один ведущий еженедельный журнал:

> «Во всяком случае, исследовать явления, или предполагаемые явления, правильно и разумно, пока их исследуют в научном духе. Никто не предлагает прекратить химические исследования оттого, что неосторожные люди могут отравиться или взорвать себя. Точно так же, если опасности понятны, психическое исследование не следует запрещать или затруднять только

потому, что с ним связаны известные психологические и нравственные риски».[3]

[3] «Спектейтор», 18 ноября 1916 г.

Публичные представления месмеризма, которые дают бродячие фокусники, следовало бы запретить законом, точно так же как следовало бы запретить, и непременно запретили бы, публичные показы действия хлороформа каким-нибудь шарлатаном-лекарем. Но опыты по передаче мыслей, мягко говоря, совершенно безвредны, насколько я знаю, а говорю я об этом с некоторым правом знатока.[4]

[4] Забавно слышать, как часто робкие и несведущие друзья говорили мне, что уверены: странные психические явления — «дело дьявола или же электричества»; для многих людей одна из этих таинственных сил или обе вместе — вероятная причина всех непривычных и иначе необъяснимых происшествий.

Всякое научное исследование нужно вести благоразумно и со здравым смыслом, и когда в психических исследованиях соблюдается и то и другое, нет причин опасаться каких-либо бед — таких, какие, несомненно, могут постичь тех, кто без подготовки и душевного равновесия, из праздного любопытства, отваживается ринуться в область, которая может оказаться для них коварными психическими зыбучими песками.

Однако при исследовании спиритических явлений необходимы некоторые меры предосторожности, и, быть может, полезно их изложить.

Прежде всего, что касается участников сеанса для физических явлений или более привычных сеансов автоматического письма, речи в трансе или ясновидения, позволю себе привести слова мудрого и опытного спиритуалиста м-ра Эпса Сарджента, который давно уже писал:

«То обстоятельство, что люди науки, как правило, держались в стороне от всего этого предмета — отчасти из сомнения в своей способности с ним совладать, отчасти из-за собственных предвзятых, *a priori*, возражений и укоренившихся предрассудков, — оставило его в значительной мере в руках тех, кто по недостатку подготовки или за отсутствием критической способности полагал, будто все, что может прийти из невидимого мира, непременно должно быть непререкаемым и верным. Так послания, нарушающие все законы логики и здравого смысла, принимались за подлинные, *bona fide*, сообщения великих умерших мыслителей мира».[5]

[5] Эпс Сарджент, «Научные основы спиритизма», с. 341.

Это было написано несколько лет назад, но сегодня нельзя сказать, что спиритуалисты в целом так же некритичны, как прежде. Меня приглашали выступать на их многолюдных собраниях, и я нашел их столь же разумными и столь же стремящимися дойти до истины, как любое другое собрание англичан и англичанок. Сильнее всего меня поразили царящие среди них дух товарищества и свобода мнений, а также благоговейный тон их молитвенных собраний. Неопытные, без сомнения, часто легковерны и слишком охотно принимают за чистую монету послания, полученные автоматическим письмом или речью в трансе.

Что касается широкой и несведущей публики, очевидно, что эти явления, а также тот род предполагаемого ясновидения, который описан в главе XVIII, дают повод к грубым злоупотреблениям со стороны шарлатанов и мошенников, наживающихся на легковерии или горе людей. Это одно из несчастий всего предмета, и оно в такой большой мере его дискредитировало. Доверчивые люди слушают и оплачивают

пустые предсказания, которые им дают мнимые астрологи, гадалки, созерцатели кристалла и всякий подобный люд, *et hoc genus omne*. Бывают подлинные случаи ясновидения при начальном гипнозе, вызванном созерцанием кристалла, как показали м-р Эндрю Лэнг и другие; бывают и подлинные случаи предвидения, или предузнавания, событий, как доказал м-р Майерс, точно так же как бывают вещие сны и предчувствия.[6] Но эти подлинные случаи исключительны, и редко их можно встретить у известного разбора медиумов, которые помещают объявления и обирают публику.

[6] Обо всем этом см. «Труды Общества психических исследований» или книгу Майерса «Человеческая личность», главы VI и IX.

Всякий, кто обладает подлинной психической силой, имеет, конечно, полное право на вознаграждение, когда его или ее время занято применением этой силы. Есть, я уверен, немало честных и одаренных профессиональных медиумов, очень далеких от шарлатанов, о которых говорилось в предыдущем абзаце. Беда возникает большей частью тогда, когда неискушенная публика идет к таким честным сенситивам и ждет немедленной отдачи за свои деньги. Медиум, естественно, стремится не разочаровать участника сеанса, и потому возникает искушение дополнить подлинные явления поддельными. Нельзя слишком часто повторять, что сверхнормальные дарования редки и неуловимы и требуют от исследователя терпения, знаний и разборчивости.

Вот почему я скорее отговаривал бы несведущих людей обращаться к профессиональным медиумам, чем поощрял бы их к этому. Даже тем, кто жаждет проникнуть за завесу ради «касания исчезнувшей руки и звука умолкнувшего голоса», было бы, по моему мнению, лучше, если у них нет христианской веры, удовольствоваться чтением свидетельств посмертного

существования, которые ныне накапливает строгое и кропотливое исследование знатоков.

Такой совет легче дать, чем ему последовать, и некоторые скорбящие со временем находили в тихих, постоянных, частных сеансах с одним-двумя друзьями ту уверенность, которую жаждали обрести. Если это не приводит их к пренебрежению первейшими обязанностями их жизни и труда и если они сохраняют здравое и трезвое суждение, никакого вреда быть не может.

В одной из предыдущих глав я говорил об одной из самых досадных черт этих сообщений — о нередком самозванстве под великими историческими именами. Несообразность здесь так очевидна, что вводит в заблуждение лишь неискушенных, но даже у совершенно честных сенситивов эти причуды подпорогового «я» часто прибавляют недоумения исследователю и поводов для насмешки скептику. За столетие до возникновения современного спиритизма Сведенборг предостерегал об обманчивом характере многих сообщений от «духов». В «Небесных тайнах» он говорит:

> «Когда духи начинают говорить с человеком, они соединяются с его мыслями и чувствами; отсюда явно, что говорят с человеком и действуют на него только сходные с ним духи… Они облекаются во все, что есть в его памяти, то есть во все, чему человек научился и что впитал с младенчества; духи полагают, что все это — их собственное; так они становятся как бы частью человека среди людей».[7] [Это мы назвали бы теперь выходом на поверхность подсознательного «я» сенситива.] «Посему пусть говорящие с духами остерегаются, чтобы не быть обманутыми, когда духи говорят, что они — те, кого люди знают, или выдают себя за кого-либо».[8]

[7] «Небесные тайны», §§ 6192 и 5850.

[8] «Духовный дневник», §§ 1622, 2686 и далее. Ср. также «Апокалипсис объясненный», § 1182.

Так и Прейсверк в немецком сочинении, изданном в 1856 году, рассказывая о спиритизме у швейцарцев, говорит, что было обнаружено, «что сообщения, получаемые посредством стуков стола, были лишь отголоском и отражением мыслей участвующих лиц».[9] Как мы знаем, так часто и бывает, и это указывает, что источником некоторых «физических явлений» также может быть бессознательное «я» медиума, как я уже предполагал.

[9] Делич, «Библейская психология», с. 369.

Очень часто, я думаю, мы склонны судить медиума слишком строго. Мы должны помнить о ненормальном состоянии и утрате обычного самообладания, которые связаны с медиумизмом, и, несомненно, обвинять глубоко погруженного в транс медиума в сознательном обмане было бы так же несправедливо, как обвинять лунатика, разгуливающего по крыше, в том, что он сознательно подвергает опасности свою жизнь. Именно это ослабление самообладания и личной ответственности у медиума составляет, по моему мнению, главную опасность спиритизма. Поэтому новичку следует делать шаги осторожно; даже здравомыслящим надлежит ступать осмотрительно, а людям возбудимым и чувствительным лучше вовсе не иметь с этим дела, ибо очарование этого предмета подобно свече для мотыльков: оно притягивает и опаляет неосторожных, доверчивых и душевно неуравновешенных.

Всякий спиритуалист знает, какой вред приносят беспорядочные сеансы с участием неподготовленных людей, и многие так же твердо, как я, убеждены, что платных профессиональных медиумов, уличенных в обмане, следует

тщательно избегать. Темные сеансы также нежелательны, и поощрять их не следует. Лучшие сеансы, какие у меня были, проходили при полном свете; так было и с удивительными наблюдениями сэра У. Крукса. Хоум, если не ошибаюсь, вообще всегда отказывался сидеть в темноте; и, вероятно, с любым медиумом можно было бы терпением и настойчивостью постепенно усиливать свет без серьезного ущерба для результатов и с огромным выигрышем для точности и четкости наблюдений.

Спиритизм иногда обвиняли в том, что он порождает помешательство и поощряет безнравственность. Никаких надежных доказательств в пользу столь огульных обвинений никогда приведено не было, а голословные обвинения подобного рода знакомы по истории почти каждого нового и тревожащего умы направления мысли. Отдельные случаи, без сомнения, бывают; но, как указывает миссис Генри Сиджвик в статье для «Британской энциклопедии», к этому широко распространенному и ошибочному выводу, вероятно, привел «тот факт, что бред душевнобольных нередко принимает форму беседы с невидимыми существами».

Переходя к другим последствиям для медиума, скажу, что сомневаюсь, причиняли ли когда-нибудь вред сеансы автоматического письма или автоматической речи, в нормальном состоянии или в трансе. Но есть, безусловно, некоторые свидетельства, указывающие, что постоянные сеансы для физических явлений вызывают недолжную и чрезмерную трату жизненных сил медиума, порождая нервное истощение, которое в крайних случаях может привести к душевному расстройству или к привычке прибегать к возбуждающим средствам с не менее плачевным концом. Если это так, мы, разумеется, должны быть

настороже, ибо никакая польза для науки не оправдала бы опытов, пренебрегающих столь большим риском; но в этом вопросе нам недостает знаний. Д. Д. Хоум иногда тяжко страдал после долгой череды сеансов. Сэр У. Крукс сообщает, что после некоторых опытов Хоум был совершенно обессилен: «бледный, безмолвный, почти без чувств, он лежал на полу, показывая, какую трату его жизненных сил вызвало выделение „психической силы“».

Что касается впечатления, которое такие явления производят на широкую публику, м-р Ч. К. Мэсси, о близком знакомстве которого со всем предметом я уже говорил, писал мне в 1895 году:

> «Значительная часть противодействия так называемому спиритизму явлений происходит от отвращения к нелепому несоответствию между духовными тайнами и вульгарными проявлениями, о которых мир главным образом и слышит в связи с этим предметом».

Всякий здравомыслящий, по крайней мере всякий благоговейный человек, не может принять картину духовного царства, населенного неприкаянными духами, словно, *quasi*, отпущенными под надзор, а такие так часто встречаются в этих проявлениях. Сравните это с нашими заветными идеалами, как их выразил архиепископ Тренч:

Где ты коснулась, о дивная смерть,
Где ты встала между нами,
Там — о, смотри! — навеки гибнет
Все обыденное и низкое.

Сведущие и опытные спиритуалисты говорят, что всякий внезапный свет или резкое пробуждение медиума из состояния

транса подвергают серьезной опасности здоровье, и душевное и телесное, медиума, сидящего для физических проявлений. Насмешливой публике эта оговорка кажется явно придуманной для того, чтобы оградить медиума от разоблачения, когда его внезапно хватают на темном сеансе. Но насмешки людей, не знакомых с предметом, не продвигают наших знаний; мы хотим знать вот что: есть ли по этому вопросу убедительные свидетельства в ту или другую сторону? Чтобы решить этот вопрос, нужны опытные и непредубежденные врачи. Каков бы ни был вывод, было бы странно предполагать, будто средства науки настолько исчерпаны, что высокообученные исследователи не могут с разумной точностью определить, вызваны ли те или иные физические движения или видимые образы известной или неизвестной причиной, не прибегая к неуклюжим и, возможно, опасным полицейским уловкам.

По-видимому, действительно лучшие и самые убедительные физические проявления бывают тогда, когда исследователь обращается с явлениями так, словно их производит робкое животное, чуткое живое существо, которое при внезапной помехе или неожиданности любого рода, часто при потрясении не только вещественном, но и душевном, сжимается, уходит в темноту и исчезает. Вообразите, что вы наблюдаете, как раскрывается редкий и высокоорганизованный полип, и следите за прихотливыми движениями его длинных чувствительных щупалец, — и вы поймете, как толчок или даже внезапный луч света может испугать его и заставить мгновенно сомкнуться, хотя упражнением его можно приучить раскрываться и при полном и ровном свете.

Заканчивая эту главу, полезно, быть может, кратко рассмотреть, каковы наилучшие условия для получения

свидетельств на сеансах с хорошими сенситивами. Нет сомнения, что подозрительность губительна для успеха: необходимо сочувствие в соединении с критической способностью. Отношение веры к психическим исследованиям хорошо выразили покойный м-р Ч. К. Мэсси и м-р Стейнтон Мозес. «Вера, — говорит м-р Мэсси, — есть условие свидетельства, ключ к вратам невидимого мира». По этому поводу м-р Мозес замечает:

> «То, что м-р Мэсси называет „верой“, — это расположение и внимание, сочувственное состояние ума, которое устанавливает между наблюдателем и медиумом связь, *rapport*, без которой нельзя получить никаких результатов, стоящих того, чтобы их получать. Поэтому, когда бесстрастный критик ставит себе в заслугу отсутствие предубеждения в своем уме, он поступает хорошо. Можно допустить, что эта отрицательная сторона сделает его безвредным; она может даже позволить ему приобрести личный опыт при исключительно благоприятных обстоятельствах. Но, быть может, как хорошо указывает м-р Мэсси, „этого отрицательного качества недостаточно, и… нужно положительное сочувствие“, прежде чем станет возможен какой-либо действительный успех».

Бесполезно скептику говорить, что нам не нужно «сочувствие», когда мы проверяем свидетельства какого-нибудь нового физического или химического открытия. Нет, там имеют дело с миром *материи* и должны ставить опыты так, чтобы вредные влияния в этой области не искажали результатов. Но здесь мы имеем дело с тонкими *психическими* условиями и должны выяснить, каковы благоприятные или неблагоприятные условия для успеха в этой области. М-р Мозес продолжает:

> «Если человек идет к медиуму с сильнейшим желанием увидеть явления, но приносит с собой отталкивающий склад ума,

составляющий противоположность вере, его, по всей вероятности, постигнет неудача, разве только ему посчастливится встретить вполне развитого сенситива, которого его холодность не может совсем остудить». «Я сказал бы, — замечает м-р Мэсси, — что самое неблагоприятное расположение, с каким можно прийти к медиуму, — это *подозрительность*, а самое благоприятное — *доверие*. Но ведь это значит отдать себя в добычу обманщику! Да, такие люди *действительно* попадаются». Я согласен с м-ром Мэсси: попадаются. Согласен я с ним и тогда, когда он добавляет: «Я полагаю, что их успех будет в целом так велик и такого рода, что с лихвой возместит эти невыгоды».[10]

[10] «Лайт», 23 октября 1886 г.

Доверие, конечно, неуместно, когда сидишь с сомнительным или обманывающим медиумом, и во всяком случае его нельзя считать синонимом легковерия. Наименее легковерен как раз самый опытный исследователь, и столь же бесспорно, что именно те исследователи психических явлений, которые ощетиниваются подозрительностью, так и не смогли получить убедительных доказательств физических явлений спиритизма. Они не способнее и не критичнее сэра У. Крукса и других людей науки, получивших подавляющие доказательства, но они приносят с собой психическую атмосферу, столь же неблагоприятную для успеха, как сырая атмосфера — для работы электрической машины, фрикционной или машины Гольца.

Сказано было в древности: «в тишине и уповании крепость ваша»; и это расположение духа в соединении с зорким наблюдением и неутомимым терпением мы советуем психическому исследователю, который хочет получить наилучшие результаты.

ЧАСТЬ VI

ГЛАВА XXI

УРОК ФИЛОСОФИИ В ИСТОЛКОВАНИИ ПРИРОДЫ

✦

Вот по чему узнаю я ученого вельможу!
Чего вы не коснулись — то лежит за тридевять земель;
Чего не ухватили — то для вас пропало вовсе;
Чего не сосчитали — то, по-вашему, не может быть правдой;
Чего не взвесили — в том, увы, и веса нет;
Чего не начеканили — то, вы уверены, ходить не будет!

Гете, «Фауст», часть II, в переводе Байярда Тейлора

В одной из первых глав (III) мы рассмотрели возражения, которые наука и религия выдвигают против явлений спиритизма, и вкратце упомянули, что одна из причин, мешавших общему признанию этих явлений, состоит в том, что современная наука, или, вернее, господствующая школа научной мысли, по самой своей сути *материалистична* — или, быть может, была таковой. Эта школа, как красноречиво сказал м-р Ф. У. Г. Майерс, «настаивает — порой громче и воинственнее, чем готов повторить или передать бесстрастный воздух науки, — что всякие исследования психической природы человека, всякие исследования, допускающие, что он, быть может, есть нечто большее, чем частица организованной материи, уже не открыты, а

закрыты, и закрыты для его стремлений навсегда». Материалист заключен в пределах своих чувств; поэтому мир, не имеющий постоянной связи с его чувствами, для него не существует. Жизнь без весомой материи, уверенно утверждает он, невозможна, и он предрекает, что атомы такой материи заключают в самих себе, как утверждал д-р Тиндаль в своей речи перед Британской ассоциацией, «залог и возможность всякой формы и всякого свойства жизни».[1]

[1] «Фрагменты науки», т. II, с. 210.

Так как наука сделала столь много для человеческой мысли и жизни, общественное мнение, естественно, склонялось к взгляду недавней школы научной мысли, которая отрицает возможность какой бы то ни было жизни без протоплазмы, то есть без особой группировки молекул материи, составляющей основу всякой земной жизни. Однако многие из наших ведущих физиков отмежевались от такого образа мыслей. Еще в 1881 году выдающийся ученый профессор Бальфур Стюарт, давно уже ушедший в невидимое, писал мне следующее:

> «Совершенно ясно, по-видимому, что именно научного признания невидимого недостает в умственном воспитании нашего рода, и я не сомневаюсь, что этот недостаток будет восполнен».

Его уверенность, по-видимому, с избытком оправдалась, ибо психологический климат нынешнего дня заметно благоприятнее для психических исследований. Физики больше не верят в атом Лукреция, «крепкий своей сплошной простотой», а отодвигают последнюю природу материи в область непостижимого и неосязаемого эфира. Механистическая теория вселенной, столь распространенная в немецкой науке, рушится. Правда,

самоуверенные и самодовольные допущения материализма философия оспаривает уже давно. В самом деле —

> «Распространенное предположение, будто материальная вселенная и окружающие нас сознательные существа познаются непосредственно и несомненно и образуют мир „положительных“ фактов, о которых разум может судить с уверенностью, вовсе не прибегая к вере… — совершенная ошибка, основанная на поразительном незнании существенных пределов человеческого знания, о которых прекрасно знали мыслители, жившие на самой заре философии. Дело в том, что мы точно так же вынуждены выходить за пределы явлений и верить в события, силы и реальности, которые нам не являются, когда признаем прошлое, или далекое, или материальную вселенную, или умы людей, как и тогда, когда заключаем о бытии Бога и невидимого мира».[2]

[2] Профессор Герберт, магистр искусств, «Реалистические допущения современной науки в критическом рассмотрении», с. 455.

Материя, мир вне нашего сознания, — вот тайна, требующая объяснения; ведь мы знаем материю лишь на языке сознания, а потому никогда не сможем найти в материи понятного объяснения разума и воли. Механистическая теория вселенной низводит сознание до простого побочного продукта материи, а волю — до обмана ума.

И если наука ответит на это, что посылки, на которых она покоится, доставляет непосредственный опыт в виде наблюдения и эксперимента, —

> «Что же нам сказать об этих самых данных опыта, когда мы обнаруживаем не только то, что они могут быть совершенно ложными, но и то, что они никогда не бывают совершенно истинными… девять десятых наших непосредственных

впечатлений от предметов — зрительные, а все зрительные впечатления без исключения, согласно науке, ошибочны»,[3]

[3] Достопочтенный А. Дж. Бальфур, «Основания веры».

то есть степени яркости, форма или цвет, по которым мы воспринимаем предметы, суть, как учит оптика, не *свойства* видимых вещей, а ощущения, вызываемые в нас колебаниями эфира. Поэтому, с психологической точки зрения, можно сказать, как замечает далее м-р Бальфур, что —

«Наши восприятия, рассматриваемые как источники сведений, не просто изредка неточны, но постоянно лживы».[4]

[4] «Основания веры», с. 111.

Так, всякое раздражение зрительного нерва — светом ли, давлением, электричеством или химическим реактивом — обнаруживает себя как вспышка света, и мы так его и называем. То же самое с соответствующими изменениями (*mutatis mutandis*) можно сказать и о других специализированных органах чувств.

И опять-таки, как иначе выглядело бы наше представление о внешнем мире, если бы мы были лишены каких-то из наших чувств, например зрения или осязания; и как иначе — если бы у нас были другие врата чувств, более глубокие пути к познанию мира вне нас. Будь мы ограничены одним-единственным чувством, например зрением, мы заключали бы, что все явления, все материальные вещи состоят из изменений яркости или цвета. Стало быть, наши представления о мире расширялись бы или сужались соразмерно с тем, сколь обширны средства, которыми этот мир воспринимается.

Именно наше незнание или забвение этих фактов, наше пренебрежение огромной разницей между нашими восприятиями

и реальностями, которые они обозначают, порождает многие из встречающихся нам затруднений и некоторые из столкновений между наукой и верой. Тем, кто не задумывался над этим предметом, стоит уделить ему еще минуту размышления.

Первый урок, который преподает философия духа, состоит в том, что все, что мы знаем о внешних предметах и материальных явлениях, — это, как уже было замечено, известные ощущения внутри нас; о *вещах в себе* мы не знаем ровно ничего. То, что мы действительно знаем, — это известные состояния сознания, известные символы — или *текмерии*, как предложил называть их покойный д-р Джонстон Стоуни, член Королевского общества,[5] — знаки, вызываемые в нашем уме событиями, которые совершаются во вселенной вне нашего ума. Следовательно, мы не воспринимаем действительного материального мира, ни даже чего-либо на него похожего, и потому не имеем ни малейшего понятия о том, что такое сама по себе вещь, которую мы называем материей.

[5] См. статью д-ра Стоуни, наводящую на многие мысли, в «Трудах Королевского Дублинского общества», т. VI, с. 475.

Мы можем следить за движениями телеграфной стрелки и научиться читать весть, которую она приносит, но движущаяся стрелка не позволяет нам воспринять телеграфиста на другом конце, который приводит ее в движение, и даже отдаленно на него не похожа; ее сигналы, правда, дают нам понятную весть, но понятна она лишь потому, что разум телеграфиста был и есть сродни нашему разуму. Точно так же умственные знаки, которые наш мозг и нервный механизм дают нам о материальном мире вне нас, — это не сами вещи и не подобие вещей в себе; действительный мир вокруг нас, мир *онтологии*, для нас совершенно недоступен. Но материальный мир понятен, и мы

можем истолковывать подаваемые им знаки потому, что за вселенной стоит Разум, который был и есть сродни нашему разуму.

Для чистого материалиста вселенная держится сама собою и не имеет более глубокого смысла, чем тот облик, в каком она предстает нашим чувствам; эти явления для него — последняя реальность. Если он строит механическую теорию природы, наделяя атомы какой-то тайной силой, или сознанием, он придает им как раз те свойства, которые и требуется объяснить. Поэтому мы вынуждены верить в Верховный Разум и смотреть на вселенную как на выражение Божественной Мысли, непрестанно поддерживаемой Божественной Волей. Это, несомненно, простейшее и самое верное истолкование природы.

В науке немного имен, окруженных большим почетом, чем имя сэра Джона Гершеля, и в этой связи одно место из его очерков кажется мне столь ценным вкладом в нашу веру в Высший Разум, что я позволю себе его привести. Весь этот очерк, как и все, что написал сэр Джон, полон светлой мысли.

> «Вселенная являет нам совокупность явлений — физических, жизненных и умственных, — причем связующим звеном между мирами разума и материи служит организованная жизнь, занимающая всю область животной и растительной жизни; во всей этой области каким-то непостижимым для нас образом среди молекул материи зарождаются движения такого рода, что они, по-видимому, подпадают под власть некоего деятеля, отличного от физического, который отменяет обычные законы, управляющие движениями неодушевленной материи, или, иными словами, *порождает движения*, которые не возникли бы из действия этих законов, если бы в них ничто не вмешивалось; а это, на том же самом основании, предполагает зарождение силы.

«Первый и величайший вопрос, который Философии предстоит решить в ее попытках построить Космос — охватить созерцанием ума совокупность явлений, представленных в этих трех областях бытия, как стройное целое, — состоит в том, можем ли мы почерпнуть хоть какой-то свет из нашего внутреннего сознания мысли, разума, силы, воли, побуждения, замысла или нет; иначе говоря, *легче ли поддается истолкованию* Природа или нет, если предположить, что эти вещи (каковы бы они ни были) имели или имеют отношение к ее устройству.

«При том, как устроен человеческий ум, если Природа *не* поддается истолкованию через эти понятия, то она не поддается истолкованию вовсе; и единственной причиной утруждать себя ею может быть либо утилитарная — улучшить наше положение, „покоряя Природу“ себе на пользу через более полное понимание ее „законов“, чтобы войти в ее колею и тем легче и успешнее достигать своих целей, — либо удовлетворение того рода бесцельного любопытства, которое находит отраду в том, чтобы все рассматривать и ничего не понимать. Но если эти свойства ума не *согласны между собою*, они бесполезны для объяснения. Воля без побуждения, сила без разума, мысль, противная разуму, превосходно объясняли бы хаос, но мало помогли бы объяснить что-либо иное».[6]

[6] «О происхождении силы», с. 473. — Сэр Дж. Ф. У. Гершель, баронет, доктор гражданского права, член Королевского общества и т. д., «Лекции на научные темы».

Некогда представление о разуме и материи как об отдельных сущностях было столь неотъемлемой частью современной научной мысли, что мы забываем: это привычное дуалистическое понятие может оказаться совершенно ложным. Как язык есть проявление мысли и неразрывно с нею связан, так и материя может быть лишь проявлением духа для нас. Человеческому

разуму дух всегда является через материю, так что дух и материя, подобно силе и материи или мысли и языку, кажутся нам неразделимыми и даже немыслимыми порознь. Глубинное единство, лежащее в основе мысли и ее выражения в языке, дает любопытную аналогию для духа и материи. Как заметил один автор, умеющий будить мысль, —

> «Язык — это образ, в котором мысль обретает форму, ее способ стать известной самой себе, и потому своим существованием он обязан мысли, но отношение между ними гораздо теснее, чем отношение причины и следствия… Мы не можем „объяснить“ мысль законами языка просто потому, что мысль бессознательно сама создает эти законы, чтобы яснее узнать саму себя. Точно так же мы не можем „объяснить“ разум законами материи, потому что эти законы в действительности суть начала, по которым человеческий разум постигает материальную вселенную. В них разум узнает самого себя во внешнем мире. Как мысль по самой своей сути есть самопроявление, так и жизнь духа по самой своей сути есть самопроявление; поэтому как язык есть высказывание первой, так материя есть высказывание второй».[7]

[7] Мисс Кайяр, «Прогрессивное откровение», гл. V; см. также мою брошюру «Творческая мысль», изданную Уоткинсом, Сесил-корт, Лондон, W.C.

Опытная наука еще молода и не вполне вышла из картезианской ступени мысли, на которой материя и разум, природа и дух — абсолютные противоположности, чья вражда примиряется лишь в Божественной непостижимой Воле. По мере того как растет наше знание и наше истолкование природы становится все более верным, мы начинаем сознавать, что двойственность и противоположность природы и духа исчезают, а чудеса, как и все сверхнормальные явления, становятся менее невероятными,

когда природа предстает, по слову Новалиса, «расцвеченным оглавлением духа».

ГЛАВА XXII

ТАЙНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

✦

Единая Жизнь течет сквозь все необъятное творение,
Единый Дух — у луны, у моря, у солнца;
Все, что летает в воздухе и ползает по земле,
И неведомые безымянные чудища глубин —
Все дышащее покорно власти единого Разума,
И во всяком веществе — единая Душа.

Вергилий, «Энеида», книга VI, в переводе м-ра Майерса

Краткое рассмотрение некоторых сторон человеческой личности было необходимо в одной из прежних частей этой книги. Быть может, в заключение будет уместно отметить некоторые более высокие стороны этого предмета. Мы видели, что наша личность — нечто весьма сложное и таинственное. Вероятно, в каждом из нас, а во многих наверняка, есть возможности, далеко превосходящие способности нашего сознательного произвольного разума; более того, выходящие за пределы наших чувств, пространства, времени и даже нашей мысли и сознания. Но если эти сверхнормальные способности существуют — а в их существовании были убеждены такие проницательные мыслители, как Шопенгауэр и Э. фон Гартман, — то можно было бы ожидать и иных их проявлений, помимо тех, что знакомы нам по спиритизму, сомнамбулизму, гипнотическому трансу и т. п.

Темный материк внутри нас — на самом деле нечто гораздо большее, чем скрытая летопись незамеченных или забытых прошлых впечатлений; есть не только *под*пороговое, но и *за*пороговое «я»;[8] нечто, обладающее более высокими силами восприятия, чем наше нормальное сознание, нечто в нас, способное откликаться на направленную мысль, будь мыслящий «в теле» или «вне тела», нечто, связывающее нашу отдельную жизнь с Источником этой жизни и с океаном вселенской жизни. В это твердо верил великий философ Кант, который, предвосхищая наше нынешнее знание, как оно ни скудно, одной лишь силой своего проницательного ума пришел к утверждению:

[8] М-р Майерс употреблял слово *надпороговый* для обозначения нашей сознательной бодрствующей жизни, но ее, быть может, уместнее было бы назвать *предпороговой*, то есть лежащей по сю сторону порога сознания; я же употребил слово «запороговый» для обозначения высшего трансцендентального «я». Великий труд м-ра Майерса «Человеческая личность» (вышедший много позже того, как эта глава была написана для первого издания этой книги) следует прочесть всем, кто желает полнее узнать этот предмет.

> Итак, можно считать почти доказанным… что человеческая душа уже и в этой жизни находится в неразрывной общности со всеми нематериальными существами духовного мира, что она взаимно воздействует на них и получает от них впечатления, которых, однако, как человек не сознает, пока все идет хорошо.

И далее он говорит:

> Итак, это поистине один и тот же субъект, принадлежащий *одновременно* и видимому, и невидимому миру, но (поскольку представления одного мира не сочетаются с идеями другого) того, что я мыслю как дух, я не помню как человек.[9]

[9] Кант, «Сочинения» (изд. Розенкранца), т. VII, с. 53, 59; цитируется д-ром Дю Прелем в его «Философии мистики» (издательство Редуэя, Лондон). Эта выписка

взята из «Грез духовидца» Канта, перевод которых издан фирмой «Суон Зонненшайн и К°». Труд Дю Преля с любовным усердием превосходно перевел покойный м-р Ч. К. Мэсси, и не последнюю ценность этого издания составляет собственное, богатое мыслями предисловие переводчика. М-р Мэсси оказал также большую услугу английским читателям своим переводом «Спиритизма» Э. фон Гартмана. Подобно другим беспристрастным исследователям, этот выдающийся немецкий философ, тщательно и старательно ознакомившись с фактами спиритизма, заявляет, что они представляют собой «настоятельный призыв к науке приступить к точному исследованию этой области явлений».

Таков был и взгляд Сведенборга. Он неоднократно утверждает:

> Человек так устроен, что пребывает *одновременно* и в духовном мире, и в мире природном: духовный мир — там, где ангелы, а природный мир — там, где люди.

Плотин, живший в III веке, держался очень сходного убеждения, называя людей «амфибиями», которые живут отчасти в природном, отчасти в духовном мире. В сущности, учение неоплатоников и мистицизма вообще гласит, что у души двоякая жизнь — низшая и высшая. Ямвлих верил, что даже во сне душа освобождается от стеснения тела и вступает в свою божественную жизнь разумения: ночь тела — это день души.[10] «Экстаз» Плотина, а еще раньше Филона был, по их учению, временным освобождением души от ее конечного сознания и ее соединением с Бесконечным.[11]

---

[10] См. прелестную и широко известную книгу Воэна «Часы с мистиками». Статью профессора Гарнака «Неоплатонизм» в «Британской энциклопедии» следует прочесть всем, кого занимает этот предмет.

---

[11] В самом деле, вера в способность души общаться с миром духов занимает место в греческой философии уже в VI веке до н. э., ибо Эсхил вторил пифагорейскому учению, когда писал: «Во сне ум светел очами» (чтобы принимать духовные впечатления). Этим и многими другими ценными указаниями в этой книге я обязан моему другу преподобному М. А. Бейфилду.

Итак, мы видим, что мнение многих великих мыслителей мира в прошлом вполне согласуется с недавними свидетельствами, которые учат нас, что наше Я больше того, что открывает нам самосознание. Как корни дерева скрыты в земле, так и корень нашего Я можно считать погруженным в мир за пределами нашего сознания, и тогда становится понятной неоплатоническая мысль, что душа лишь отчасти познается в своем нормальном, или обусловленном телом, сознании.

Несомненно, существует мир за пределами нашего нормального сознания, от которого нас отделяют не пространство и не время, а лишь преграда наших чувственных восприятий. Эта преграда составляет то, что удачно названо «порогом чувствительности», и ограничивает область нашего сознания. В ходе эволюции от низших форм жизни к высшим этот порог последовательно смещался, и соответственно возвышалось сознание. Организм устрицы, например, образует порог, который отгораживает ее от большей части нашего чувственного мира; точно так же физический организм человека образует порог, отделяющий его от более обширного и трансцендентального мира, частью которого он является. Но этот порог не неподвижен. Порой — в восторге, во сне, в гипнотическом трансе — он смещается, и человеческий дух на время движется «в мирах, не постигнутых» чувствами. При ясновидении глубокого гипнотического сна и при сомнамбулизме порог смещается еще дальше, и выступает высший разум — с ясностью и силой тем большими, чем полнее прекращаются отправления и сознание нашей обычной бодрствующей жизни.

Этот разум, как было показано выше, обладает силами и восприятиями более широкими и глубокими, чем силы и восприятия нормального бодрствующего сознания. Поэтому, так

как проявлению этих способностей в нашей повседневной жизни, по-видимому, мешает наш телесный организм, мы можем заключить, что, когда мы освободимся от «этой грязной одежды тлена» и душа вступит в свою более широкую жизнь, эти способности уже не будут скованы так, как теперь. Когда одна за другой навсегда закрываются дороги чувств, порог чувствительности снимается не вдруг; а потому, когда наши любимые уходят от нас, вероятно, в большинстве случаев «заря за всеми зорями» тихо поднимается, медленно пробуждая их к тому более широкому и глубокому сознанию, которое, к добру или к худу, ожидает всех нас.

Тише, тише! Он не умер, он не спит, —
Он пробудился ото сна жизни.[12]

[12] Шелли, «Адонаис».

ГЛАВА XXIII

БОЖЕСТВЕННАЯ ОСНОВА ДУШИ. ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

✦

Все внешнее зрение уступает внутреннему,
К которому ни вероучение, ни канон не держат ключа;
Мы только чувствуем, что мы были
И пребудем вовеки.

Баярд Тейлор

Трансцендентные явления, о которых мы говорили, не только не исключают, но непременно предполагают «Божественную основу души», если воспользоваться выражением мистиков. Сверхнормальное в нас объемлет сверхъестественное — в истинном значении этого слова. Ибо «за самим сознанием, несомненно, следует поместить конечную Реальность, лишь отражение или бледное подобие которой являет нам сознание».[1] Близость и непосредственность союза между душой и Богом, Бесконечное, проявляющее себя в конечном и через конечное, — вот основная идея не только мистиков, но и Нового Завета, и всех великих христианских мыслителей. Достижение же этого более глубокого сознания, а значит, и нашей полной личности, есть область религии, «истинная тема которой — не будущая жизнь, а высшая жизнь».

[1] Об этом предмете см. замечательный труд преподобного Дж. Р. Иллингворта «Личность», особенно лекцию II и примечание на с. 240, где сопоставлены взгляды фон Гартмана и Лотце.

Это знание Бога — не способов Его действия, а сознание Его присутствия — и есть то, что разумеют под религией. С этой точки зрения очевидно, что спиритизм не есть и не может быть *религией*, которая по самому существу своему покоится на тех высших инстинктах души, что мы называем верой. Ибо, как говорит каноник Скотт Холланд в сборнике «Свет мира» (*Lux Mundi*, с. 15):

> «Вера есть та сила, которою сознательная жизнь прилепляется к Богу… Итак, вера открывает тварному бытию совершенно новое поприще; и новизна этого поприща выражается словом „*сверхъестественное*“. Сверхъестественный мир открывается перед нами, как только появляется вера».

В этом смысле спиритизм не может даже дать нам знания о сверхъестественном, хотя часто притязает на это.[2] В истинном своем значении сверхъестественное знание нельзя передать извне; это голос Духа к духу, или, как сказал Плотин, «бегство единого к Единому», ибо «душа должна совсем затихнуть, чтобы услышать, как говорит Бог». Об этом Божественном откровении знают самые смиренные человеческие души, не меньше, чем величайшие пророки и поэты.

[2] В приложении А я подробнее разобрал противоречащие друг другу ходячие представления, будто спиритизм, с одной стороны, есть «возрождение суеверия», а с другой — «свидетельство сверхъестественного».

Ибо не раз, когда я
Сидел совсем один, твердя про себя
То слово, что служит знаком меня самого,

Смертный предел моего «я» размыкался,
И оно уходило в Безымянное, как облако
Тает в небесах. Я касался своих рук и ног — они
Были чужие, не мои, — и все же ни тени сомненья,
Но полная ясность, и через утрату «я»
Обретение жизни столь великой, что рядом с нашей
Она была бы Солнцем рядом с искрой, — несказанной словами,
Которые сами лишь тени теневого мира.[3]

[3] Теннисон, «Древний мудрец».

Именно эта «утрата „я“», эта отдача себя, позволяет сознанию Бога войти в нашу жизнь. Наша собственная воля умирает, и Божья воля живет в нас, и в той мере, в какой это так, мы достигаем цели нашего земного существования, то есть осуществления высшего и более широкого сознания, открытия нашей истинной личности, которая бессмертна. Она не может пребывать, пока не достигнута, а ее достижение и есть Путь Жизни; как говорит Лотце, «совершенная личность есть только в Боге». Иными словами, когда мы сознаем, что в нас обитает Божественная жизнь и любовь, наша человеческая жизнь становится сознательной причастницей бесконечной жизни Бога; без этого сознания человеческая жизнь не только не дает удовлетворения, но и не может длиться.[4]

[4] Такого взгляда на возможное, но не врожденное бессмертие держались и держатся не только некоторые ученые богословы, древние и новые (см. «Жизнь во Христе» преподобного Эд. Уайта), но и немало благочестивых и выдающихся ученых, таких как покойный сэр Дж. Г. Стокс, бывший президент Лондонского королевского общества.

Здесь позволю себе заметить, что обычно делаемый вывод, будто сообщения духов учат нас необходимому и неотъемлемому бессмертию души, есть, по моему мнению, вредное заблуждение.

Правда, они показывают нам, что жизнь *может* существовать в невидимом и — если мы принимаем свидетельства «тождества» — что некоторые из тех, кого мы знали на земле, еще живы и находятся близ нас; но вступление в жизнь после смерти не обязательно означает *бессмертие*, то есть вечное пребывание нашей личности; не доказывает оно и того, что посмертное существование суждено *всем*. Очевидно, никакие опытные свидетельства никогда не смогут доказать ни того, ни другого из этих верований, хотя они могут устранить и действительно устраняют возражения, которые выдвигают против самой возможности посмертного существования.

Многие вместе с благочестивым и ученым Генри Мором и другими платониками, а также с рядом выдающихся мыслителей наших дней, таких как профессор Мактаггарт, полагают, что посмертное существование души предполагает и ее существование до рождения. Если так, то, как сказал м-р Ч. К. Мэсси, «все представление о бессмертии претерпевает важную перемену, если мы смотрим на личное сознание с его Я как на всего лишь частичное и временное ограничение более обширного „я“, которое выросло, так сказать, за многие времена года земной жизни».

Против идеи перевоплощения выдвигали то, что у нас нет никакой памяти о прошлых существованиях, если они были; но это может быть лишь временным затмением. Возможно, воспоминание о прошлых жизнях будет постепенно возвращаться по мере того, как в ходе духовного роста мы обретаем более полную жизнь и более глубокое сознание: лежащая в глубине подпороговая жизнь, быть может, и есть та золотая нить, которая связывает воедино все наши прошлые и будущие жизни.

Поскольку вопрос о перевоплощении привлекает ныне много внимания, быть может, небезынтересно привести еще одну-две фразы из названного выше благочестивого и богатого мыслями автора:

> «Основу перевоплощения, — замечает м-р Ч. К. Мэсси, — мы можем найти в притяжении к этому миру, или началу жизни… Что однажды привело нас сюда, то, надо полагать, будет приводить нас сюда снова и снова, пока не изменится движущая сила… Только возрождение (новая природа) освобождает от перевоплощения; когда узы желания, привязывающие нас к внешней природе, таким образом рассечены, все побеги привязанности к ней тем самым вырваны с корнем… Мысль христианства, как мне кажется, в том, что эта привязанность разрывается (для всех, кто желает ее разорвать) привязанностью к Личной Силе, которая в принципе уже совершила этот разрыв. Буддист говорит: „победи желание“, но это лишь отрицательная сторона; Христос дает положительную: возжелай *Его*, и ты уже свободен от власти земного желания, ибо два эти желания не могут существовать вместе».[5]

[5] «Мысли современного мистика», под редакцией сэра У. Ф. Барретта. Издательство «Кеган Пол, Тренч и К°».

Без сомнения, некоторые читатели сочтут предшествующие замечания неуместными в этой книге; но предмет спиритизма так тесно связан со всем вопросом эсхатологии и бросает на него столько света, что я отважился коснуться темы неисчерпаемой, которая веками вызывает интерес и споры. Бессмертие Мэтью Арнольд определил как «жизнь в вечном порядке, который никогда не умирает»; но душа жаждет большего, чем безличное существование любви и добра, истины и красоты, которые пребывают в вечном порядке, вне времени и без границ.

Признаем, однако, свое неведение: далеко вперед мы видеть не можем, «у нас есть лишь вера: знать мы не можем». Быть может, как учит индийская философия и как верил ученый доминиканец и мученик Бруно, человеческая личность, обособление души, — лишь мимолетное событие, которое в бесконечном лоне времени обладает лишь эфемерной устойчивостью и продолжительностью, хотя как частица Божественной жизни она бессмертна. Вся вселенная была для Бруно, как и для многих позднейших мыслителей, живым Космосом, вечным превращением Мировой души, вечно присутствующего Божественного Слова.

Несомненно, всякая религия должна признать, что Бог есть средоточие, а проявление Бога — окружность всего сущего. Внутри этого необъятного круга лежит все творение, подобно мириадам клеток, живущих в человеческом теле. Каждая из этих клеток нашего тела имеет собственную жизнь, и все же все они соотнесены с единым сознанием, с личностью, которая далеко превосходит жизнь каждой клетки. Между отдельными клетками и подсознательным «я», возможно, существует, и даже, по-видимому, существует, некий таинственный способ взаимного общения.

Так и человеческий род мы можем представить себе как составляющие его клетки, как многие члены одного Тела, с которым все они связаны и которых все же превосходит единое верховное, неизреченное Существо. И нельзя сомневаться в том, что между Творцом и всем тварным бытием существует некий способ общения и влияния. Ибо:

Все — лишь части одного огромного целого,
Чье тело — Природа, а душа — Бог.

«Неизбежно, — замечает Фредерик Майерс, — по мере того как крепнет наша связь с другими духами, по мере того как жизнь организма все полнее изливается через отдельную клетку, мы будем чувствовать все более пламенную любовь, все более широкую мудрость, все более высокую радость, постигая, что это органическое единство Души, составляющее внутреннюю сторону телепатического закона, само по себе есть Порядок Космоса, Совокупность Вещей».[6]

---

[6] «Человеческая личность», т. II, с. 291.

На возможность такого Божественного притока проливает некоторый свет открытие телепатии, следствия которой мы кратко рассмотрим в заключительной главе.

ГЛАВА XXIV

ТЕЛЕПАТИЯ И ЕЕ СЛЕДСТВИЯ

✦

Каждое творенье — островок в пространстве;
Но может ли кто шевельнуть пальцем, издать звук,
Чтобы все несметные существа вокруг
Во всех бесчисленных мирах, где время и место —
Условия их бытия, вплоть до самой глубинной основы,
Не дрогнули, быть может, колебанием и отзвуком,
И жизнь не откликнулась бы жизни через бездонный простор
Полным созвучием хора, по общей благодати?

Элизабет Барретт Браунинг. Сонет «Жизнь»

В этой книге я занимался главным образом спиритическими явлениями; я не намеревался говорить здесь о других предметах психических исследований, большинство которых не столь поразительны, а некоторые, как гипнотизм и телепатия, установлены, по моему мнению, почти так же прочно, как многие признанные истины науки. Мы немало прибавили к весу свидетельств с тех пор, как Шопенгауэр написал: «Кто в наши дни сомневается в фактах месмеризма и его ясновидения, того надо называть не скептиком, а *невеждой*». И это замечание приложимо теперь и к другим отраслям нашего исследования. Глубоко

интересные научные задачи ждут нас в ближайшем будущем. Я могу лишь намекнуть на некоторые из них.

Что передается при передаче мыслей — идея или слово, чувство или выражение чувства? Я думаю, в обоих случаях первое. Но если так, не дает ли это намека на возможность обмена мыслями между людьми вопреки различию языков? Язык — лишь неуклюжее орудие мысли: «состоя из произвольных знаков, он есть зачаток материальной системы»,[7] и можно ожидать, что под действием сил эволюции он исчезнет. Ведь насколько совершеннее мы могли бы передавать сложные идеи и тонкие чувства через прямое, ничем не прикрытое общение умов, чем через механизм речи!

[7] Айзек Тейлор, «Физическая теория иной жизни», с. 102. Эта книга, написанная почти за пятьдесят лет до того, как услышали о телепатии, содержит мысли, очень похожие на изложенные выше, хотя я узнал об этом лишь совсем недавно. Из-за выражения *«чтение мыслей»* распространилось ошибочное представление, будто передача мыслей означает чтение всех мыслей в чужом уме. Перципиенту передается лишь господствующая идея в уме агента, и для этого, по-видимому, требуется усилие воли; так что похищать мысли друг у друга невозможно, и святость и неприкосновенность нашего ума всегда остаются в нашей власти и в нашем обладании, пока мы сохраняем свое истинное «я». Профессор Г. Драммонд в «Восхождении человека» высказывает ту же мысль, что и А. Тейлор: «телепатия, — замечает он, — теоретически есть следующая ступень в эволюции языка», с. 233.

Или еще: не разделяют ли с человеком эту способность *животные*? Есть свидетельства, что домашние животные нередко воспринимают видения и часто бывают в своем восприятии чутче человека. Стоило бы проверить, *доступны* ли животные телепатии: откликнется ли, например, любимая собака на непроизнесенный зов по имени, когда до нее не доходит никакое чувственное восприятие? Повадки муравьев и пчел, по-видимому, указывают на то, что у них есть неизвестный нам способ общения.

Если наши домашние животные хоть в какой-то мере доступны передаче мыслей, не сможем ли мы таким путем войти с ними в несколько более тесное общение?

Но, оставив в стороне подобные догадки, скажу: более широкое признание факта передачи мыслей неизбежно поведет к ее упражнению и развитию. Не играет ли она уже некоторой роли в растущем чувстве сострадания и человечности, которое мы замечаем в окружающем мире? А если бы она была так же обычна здесь, среди людей, как, без сомнения, обычна в общении духовного мира, какая перемена совершилась бы! Если бы мы невольно разделяли радости и страдания друг друга, братство рода человеческого было бы не благочестивым стремлением и не напряженным усилием, а самой живой из всех действительностей, стоящих перед нами; *тем* фактом нашей жизни, который управлял бы всем нашим поведением. К чему был бы роскошный особняк в Уэст-Энде и парижские повара, если бы все это время нищета и голод наших ближних в Ист-Энде телепатически составляли неотъемлемую часть нашей повседневной жизни? С другой стороны, какие светлые видения и радостные чувства вошли бы во многие унылые жизни, лишенные любви, если бы такая человеческая отзывчивость была дарована роду людскому! Ибо, как говорит Шекспир в одном из своих сонетов (XLIV):

> *Будь косное вещество моей плоти мыслью,*
> *Злое расстояние не преграждало бы мне путь.*

Может быть, телепатия — пережиток древнего и некогда общего достояния человеческого рода, которое вышло из употребления и почти исчезло с развитием языка. Вероятнее, думаю я, что это способность зачаточная, или, быть может, ранний и частный случай той великой человеческой связи, *rapport*, которая

медленно пробуждает род людской к чувству более обширного «я» — к

...сердцу, что бьется
Всеми своими ударами в лад с общим сердцем
Рода людского, которое радует одно и то же
И одно и то же печалит.

Однако в связи с психическими исследованиями все еще часто слышишь вопрос: «Какая от этого польза?» Когда все сказано и сделано и факты, которые мы медленно накапливаем, станут общепризнанными и удостоверенными, что мы выиграем? Ровно ничего для таких, как Питер Белл, у которого первоцвет на берегу реки вызовет лишь сожаление, что его нельзя съесть или выпить; ничего для простого, довольного сердца; ничего для тех святых, чья высшая вера позволила им подняться над всеми земными сомнениями и которые изо дня в день живут, «как бы видя Невидимого»; но очень многое для остального человечества, к которому принадлежит большинство из нас.

Ибо, как говорит ученый д-р Гленвилл в посвящении к своему знаменитому «Торжествующему саддукеизму» (*Sadducismus Triumphatus*), «эти предметы касаются величайших наших интересов; если они будут установлены, то обеспечат некоторые из передовых укреплений религии и вернут часть земли, на которую вторглось дерзкое неверие». Но наш кругозор шире, чем тот, что был перед Гленвиллом, и наша философская нужда больше. Ложная и парализующая материалистическая философия должна будет либо исчезнуть, либо перестроиться, когда явления, которые мы удостоверяем, уже нельзя будет отрицать; и точно так же ходячие нападки на христианскую религию, основанные на

ее невероятности, лишатся в известных умах большей части той силы, какую они ныне имеют.

Самая глубокая перемена в человеческой мысли со времен начала христианской эры, по всей вероятности, последует за общим признанием со стороны науки имманентности духовного мира. Вера не будет больше смущаться трудностью представить себе жизнь в невидимом; смерть не будет больше так леденить своей хваткой даже христианские сердца; чудеса не будут больше казаться суеверными остатками варварского века; «молитва веры» не будет больше находить достаточного объяснения в одном лишь субъективном отклике, который она вызывает, а «слово Господне» — в одном лишь человеческом стремлении ввысь. Напротив, если, как я убежден, телепатия неоспорима, если наши тварные умы могут без голоса и языка воздействовать друг на друга, то Бесконечный и все Осеняющий Разум, вероятно, именно так открывал себя во все века отзывчивым человеческим сердцам. Одним одаренным душам были даны внутренний слух, открытое видение, вдохновенное слово, но ко всем порой приходит веяние тихого ветра, слабый отзвук в нас той большей Жизни, которая медленно, но верно выражает себя в человечестве по мере того, как постепенно разворачиваются века. Вордсворт чувствовал это, когда писал:

И мнится мне не меньше, что есть Силы,
Которые сами собой воздействуют на наш ум.

Но и тем, кто предпочитает смотреть на эти явления с чисто научной стороны, они принесут большую пользу. Я уже упоминал о возможном решении, которое они дают многим загадочным и пока непостижимым научным задачам, об открытии новых областей плодотворного опытного исследования, о толчке,

который они дадут более верной психологии и более здоровой философии. Но сверх того они будут все настойчивее напоминать нашему уму о солидарности рода человеческого, об имманентности невидимого, о господстве мысли и духа — одним словом, о трансцендентном единстве и непрерывности жизни.

Наша научная память, как и политическая, недолговечна. Живо мы видим лишь то, среди чего живем. Бывшее до нас словно никогда не было и не могло быть. Так нынешняя наука забывает, как хорошо было сказано,

> «что все ранние системы физической философии стремились придать естественным действиям сверхъестественный характер, тогда как современная наука стремится втиснуть в мир явлений конечные причины, которые всегда должны оставаться за пределами явлений. Старые писатели о физических науках любили символические изображения, где силы природы были представлены каждая за своим назначенным делом, а над всеми ними помещали облако, из которого выходила рука Божия, направляющая отдельных деятелей Вселенной».[8]

[8] Родуэлл, предисловие к «Научному словарю».

Этот символ не несправедлив, ибо

> *Вершина величия человека,*
> *Наше полуденное достоинство — знать, что мы*
> *Части и соразмерные доли одного дивного целого!*
> *…Но это Бог,*
> *Разлитый во всем, творит из всего единое целое.*[9]

[9] Кольридж, «Религиозные размышления».

Мы не обособлены ни внутри великого Космоса, ни от него: свет солнц и звезд достигает нас, таинственная сила тяготения

связывает всю материальную вселенную в одно органическое целое, мельчайшая молекула и самое далекое светило омываются одной и той же средой. Но, несомненно, за всеми этими материальными связями и над ними стоит солидарность разума. Как сущностный смысл и единство пчелиных сот заключены не в восковых ячейках, а в общей жизни и цели тех, кто строит эти ячейки, так и истинный смысл природы — не в материальном мире, а в том *Разуме*, который дает ему смысл, который лежит в его основе и объединяет его, который превосходит и творит мир явлений, через который каждый из нас проходит лишь на мгновение.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А. СУЕВЕРИЕ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ. ЧУДЕСА

✦

§ 1

Спиритические явления, описанные в этой книге, скептики обычно называют «возрождением суеверия»,[1] а верующие — «доказательством сверхъестественного». Если верно хотя бы одно из этих утверждений, из него вытекают серьезные и далеко идущие следствия, а так как за каждым из них стоит известный авторитет, в высшей степени желательно рассмотреть их внимательно. И прежде всего: какой смысл следует вкладывать, с одной стороны, в слово «суеверие»,[2] а с другой — в слово «сверхъестественное»? Суеверие (лат. *superstitio*) по своему происхождению означает *стояние над* предметом в изумлении или благоговейном страхе. Поступая так, мы преграждаем путь свету исследования и разума; где же этот свет проникает, суеверие меркнет, так что мы уже не окутываем тайну, стоя *над* ней, а начинаем ее понимать, становясь *под* нее, — *under-stand*. Суеверие, следовательно, есть противоположность пониманию и той *вере в постижимость вселенной*, которая служит якорем спасения науки и путеводной звездой всякого умственного прогресса.

[1] Передовая статья в «Нейчур», т. LI, 1894, с. 22.

[2] Джонсон дает несколько определений; лучшее из них — «излишний страх». Цицерон говорит, что это «некий пустой страх перед богами». Сходно с этим и определение Плутарха в его любопытном очерке «О суеверии».

Определение, данное ученым писателем сэром Дж. У. Коксом, кажется мне близким к истине, если дополнить его оговоркой, которую я прибавил в квадратных скобках, а именно: *суеверие есть вера, не согласная с фактами [при которой факту или событию приписывается ложная причина], и оно выливается в суеверные обряды, когда такую веру считают способной принести помощь или вред*. Поэтому, когда *исходная гипотеза* не только ошибочна, но и не связана с рассматриваемыми фактами, перед нами почва для суеверия и сопутствующих ему зол, хотя бы дедуктивные рассуждения, выведенные из этой гипотезы, и были неопровержимы. Так, мания охоты на ведьм была страшным суеверием. Ложные представления о мироздании — обильный источник ошибочных, а порой и жестоких суеверий.

Теперь мы можем проверить первое утверждение: является ли спиритизм — если брать это слово в том смысле, какой определен в главе I, — суеверием? Безусловно, является, если он не согласен с фактами; но утверждают это как раз те, кто, исходя из заранее принятых положений, *a priori*, считает эти факты невозможными или непроверяемыми и потому никогда не уделял предмету сколько-нибудь кропотливого изучения. Те же, кто был очевидцем и сделал его предметом упорного исследования из первых рук, утверждают, что некоторые явления, совершенно новые для науки, *действительно существуют*, что факты налицо; словом, хотя мнения о толковании этих фактов могут расходиться, никто еще не доказал, что вера в эти явления совершенно беспочвенна. Напротив, всякий кропотливый и честный исследователь, пытавшийся это доказать, насколько мне известно, потерпел неудачу, и многие из них в конце концов перешли на другую сторону.

Но если это так, то очевидно, что в отношении этих явлений исходная гипотеза многих ученых и образованных людей наших дней — та самая, что заставляет их отвергать приводимые свидетельства, — не согласна с фактами, и такая вера выливается в образ действий, препятствующий достижению истины. Не средний ли человек науки, не среднее ли общественное мнение наших дней оказывается, следовательно, в этом вопросе по-своему суеверным? Не следует забывать и о том, как эта ошибочная вера сказывается на самих ее приверженцах. Как сказал даровитый и вдумчивый писатель, чье определение суеверия я принял:

> «Отсюда следует, что всякая вера и всякий обряд, не основанные на действительном факте или не согласные с ним, неизбежно вредно влияют на умственное и нравственное состояние того, кто так мыслит или действует. Как велик может быть причиняемый таким образом вред и насколько он способен задержать рост всей литературы, искусства и науки, читатель может понять из IX главы „Средних веков“ Галлама».[3]

[3] «Словарь науки» д-ра Бранда, члена Королевского общества, и сэра Дж. У. Кокса, магистра искусств; статья «Суеверие».

Всем нам знакомо одно пагубное следствие этой ошибочной привычки мысли у материалистической школы в науке. Исходя из основного начала — отрицания невидимого, или духовного, мира, — эта школа приносит ему в жертву все остальное; хотя излишняя самоуверенность такого отрицания очевидна, стоит лишь вспомнить, как узки пределы и нашего знания, и наших чувств. Согласно этой школе, «*любое* разрешение затруднения вероятнее того, которое допустило бы, что чудо действительно произошло. Этим объясняется их кажущееся отсутствие беспристрастия и то,

что доводы, казалось бы, неопровержимые они встречают увертками».[4] Эти слова бывший ученый ректор Тринити-колледжа в Дублине д-р Сэлмон относит к библейским критикам этой школы, и они столь же верны в отношении многих ярых скептиков, когда дело касается психических исследований.

[4] О таких справедливо замечено: «Существует фанатизм неверия, столь же слепой и неразумный, влекущий за собой столь же полное отречение от высших способностей человеческого ума, как и фанатизм суеверия». — Преподобный Дж. Дж. Лайас, «Достоверны ли чудеса?», с. 12.

§ 2

Рассмотрим теперь второе, противоположное утверждение — что спиритизм есть «доказательство сверхъестественного».

Если оставить в стороне ту школу мысли, которая отрицает сверхъестественное целиком, *in toto*, было сделано немало попыток определить слово «сверхъестественное». Строго говоря, поскольку Бог — Творец и Источник всего сущего, лишь Он один может быть над природой или выше ее. Архиепископ Уэйтли замечает:

> «Так как природа — лишь другое слово для обозначения того порядка вещей и хода событий, которые установил Бог, ничто происходящее не может быть, строго говоря, названо сверхъестественным. Сам Иисус описывает Свои дела не как нарушения законов природы, а как „дела, каких никто другой не делал“. Слово *сверхчеловеческое* было бы, пожалуй, удачнее, чем „сверхъестественное“».

Но не таково было представление авторов ни Ветхого, ни Нового Завета. Их представление было общим для эпохи, в которую они жили, а именно — представлением о произвольном действии

Высшего Существа, вторгающегося в обычный ход событий ради особой цели; чудо было, таким образом, знамением или дивным делом, совершенным, чтобы засвидетельствовать Его бытие и могущество. Очевидно, пока наука не дала нам убедительных доказательств неуклонного порядка в природе, не могло быть ясного понятия о чуде как о нарушении этого порядка, не могло быть и верного взгляда на «сверхъестественное».

Любопытное рассуждение о значении слова «сверхъестественное» можно найти в содержательном и известном труде д-ра Хораса Бушнелла «Природа и сверхъестественное». Здравый взгляд на дело дает епископ Батлер. В своей «Аналогии» (ч. I, гл. 1) он говорит:

> «Единственный отчетливый смысл этого слова [естественный] — установленный, неизменный или упорядоченный; ибо то, что естественно, точно так же требует и предполагает разумного деятеля, который сделал бы его таковым, то есть производил бы его постоянно или в установленные сроки, как и то, что сверхъестественно или чудесно, требует такого деятеля, чтобы произвести его однажды. А отсюда необходимо следует, что понятие людей о естественном будет расширяться по мере того, как будет возрастать их знание дел Божиих и путей Его промысла. Нет никакой нелепости и в предположении, что во вселенной могут быть создания, чьи способности, знания и кругозор столь обширны, что все христианское домостроительство может казаться им естественным, то есть сходным или сообразным с тем, как Бог поступает с другими частями Своего творения, — столь же естественным, каким нам кажется видимый, известный нам ход вещей».

Подобно этому блаженный Августин заметил: «Чудеса совершаются не вопреки природе, а лишь вопреки тому, что нам

известно о природе». Этого взгляда держится большинство современных богословов.

Словом, как сказал бывший савилианский профессор геометрии в Оксфордском университете преподобный Баден Пауэлл, член Королевского общества, в превосходном сборнике очерков «Порядок природы» (с. 232 и далее):

> «Пределы изучения природы не приводят нас к *сверхъестественному*… Если в какой-либо точке наука находит *нынешний* свой предел, то лежащее за пределами науки не лежит тем самым за пределами природы; это лишь неизвестная природа; там, где мы перестаем прослеживать закон, мы уверены, что закон еще остается проследить. Сколь бы много чудесного ни встретилось нам при исследовании фактов, такие необычайные явления непременно получат когда-нибудь свое объяснение. Как доказывал Спиноза, мы не можем притязать на то, чтобы установить границу между естественным и сверхъестественным, пока вся природа не откроется нашему знанию… Из самых условий дела очевидно, что *сверхъестественное* никогда не может быть предметом *науки* или знания, ибо, как только оно попадает в поле разума, оно перестает быть сверхъестественным».

С этой точки зрения видно, что спиритизм не является и не может являться «доказательством сверхъестественного».

Однако обиходный смысл слова «сверхъестественное» таков: «некое событие, доставляющее доказательство невидимого, или духовного, мира вне нас и потому не принадлежащее к нынешнему, видимому порядку природы». Лишь в *этом* смысле, да и то неточно, мы могли бы назвать сверхъестественными некоторые хорошо засвидетельствованные спиритические явления.

Те, кто отрицает всякие чудеса, полагают, будто знают все законы вселенной. На таких людей доводы тратить напрасно, и, если они отказываются выслушать добротные свидетельства, их приходится оставить в покое. Как мудро говорит архиепископ Уэйтли в «Очерке о суеверии», «если римские католики или кто бы то ни было другой представят достаточные доказательства того, что чудо произошло, их следует выслушать; но притязать на какое-либо чудо или верить в него *без* достаточных доказательств — явное суеверие».

Ввиду явлений спиритизма я позволил бы себе предложить такое определение: чудеса суть *сверхнормальные и потому редкие проявления разума*, и в этом качестве они могут свидетельствовать либо (I) о Бесконечном Разуме, либо (II) о конечном разуме в невидимом, либо (III) о высшей, трансцендентной части человеческого разума.

Необходимо провести еще одно, существенно важное различие: между чудесами, которые суть произвольные проявления сверхнормальной силы ради Божественной цели, и чудесами — такими, как некоторые из рассмотренных нами явлений, — которые суть проявления разума и силы, совершенно не подвластных сенситиву, и к которым его воля причастна лишь постольку, поскольку он устраняет всякое противодействующее душевное состояние. Что касается последних (чудес относительных), то успехи исследования, вероятно, могут превратить сегодняшнее чудо в завтрашний признанный научный факт. Но первые, будучи самоопределяемыми, к той же категории не относятся и потому останутся, как говорит Кант, среди «событий в мире, действующие законы причин которых нам совершенно неизвестны и должны остаться неизвестными».

Отсюда видно, что распространенное среди протестантов убеждение, будто чудеса (если брать это слово в самом широком смысле) достоверны в Писании, но недостоверны вне его, неточно. Как хорошо показал д-р Бушнелл, век чудес далеко не миновал: от апостольских времен до наших дней существует непрерывное свидетельство о чудесах, то есть доказательства сверхнормального свойства в пользу существования и действия невидимого Разума.

ПРИЛОЖЕНИЕ B. ЗАМЕТКА ПОКОЙНОГО ПРОФЕССОРА БАЛЬФУРА СТЮАРТА

✦

Заметка профессора Бальфура Стюарта, доктора права, члена Королевского общества[5]

[5] Эта заметка служила дополнением к моей статье «Физические явления спиритизма» и была напечатана в «Трудах Общества психических исследований», т. IV, с. 42.

Я с большим интересом прочел статью профессора Барретта о некоторых физических явлениях, обычно называемых спиритическими, свидетелем которых он был сам. Свои выводы он выражает следующими словами: «Если признать свидетельства заслуживающими доверия, то, по моему убеждению, они ведут к выводу, что в условиях, настолько ограниченных, что частые нарушения обычного хода материальных законов не повергают нас в умственное замешательство, *разум изредка и бессознательно может оказывать прямое воздействие на неживую материю*».

Так как этому предмету я уделил немало размышлений, надеюсь, Общество психических исследований позволит мне сделать по этому поводу одно-два замечания, и я вполне уверен, что мой друг профессор Барретт не будет против.

Считая «сохранение энергии» представителем физических законов, я тем не менее смотрю на него — по крайней мере, при его рождении — не иначе как на научное утверждение, весьма проницательное, без сомнения, но все же утверждение. Мы пребываем в глубоком неведении не только о последнем

строении материи, но и о природе тех сил, что одушевляют атом и молекулу. В этих обстоятельствах, главным образом для того, чтобы двигать вперед физическое знание с помощью рабочей гипотезы, но отчасти, быть может, и как оружие против фантазеров, мы сформулировали утверждение, известное под именем «сохранения энергии». Бесспорно, этот *так называемый закон* сильно расширил наше знание физики; не встречали мы и ни одного строго физического опыта, повторяемого в неизменных условиях, который бы с этим законом не согласовался. Как же нам поступать, когда к нам является фантазер с какой-нибудь разновидностью «вечного двигателя»? Нравственная уверенность в том, что на нас наступает самонадеянное невежество, есть, без сомнения, достаточное оправдание, чтобы не обсуждать его затею. Но у нас есть менее предосудительный способ обойтись с таким человеком: попросить его осуществить свой замысел и представить свою машину, которую мы затем тщательно рассмотрим. То, что ни одной такой машины представлено не было и что, как я уже сказал, ни один физический опыт не противоречит великим законам энергии, конечно, весьма далеко идет в оправдание нашего взгляда на эти законы как на истинные — как на законы, которые действуют на том, что я назвал бы физическим рынком мира, и управляют физическими сделками между человеком и человеком.

Но многие не довольствуются таким ограниченным применением физических законов. *Во-первых*, они отвергают учение о свободе воли, считая его несовместимым с этими законами; *во-вторых*, они отвергают возможность того, что называют чудесами; и, *наконец*, они отвергают (с презрением) свидетельства в пользу телепатии и в особенности свидетельства

в пользу спиритических явлений, поступившие в Общество психических исследований.

Одно из следствий такой умственной позиции то, что между известным разрядом людей науки и защитниками христианства возникли бесконечные споры, причем последние в своем способе защиты были далеко не благоразумны. До недавнего времени они считали чудеса Божественными вмешательствами в обычные законы, а стало быть — событиями ненормальными и для ума непостижимыми, протестантские же богословы воображали, будто способность творить чудеса прекратилась вместе с апостолами.[6] Это последнее учение было, вероятно, принято как полемическое оружие во время великого спора с Римской церковью. Само собой разумеется, такой взгляд на вещи не может прийтись по душе людям науки, и вот между двумя разрядами людей, ни один из которых, по-видимому, не мог или не хотел войти в положение другого, тянулся ожесточенный и бесплодный спор.

[6] См. приложение А.

Однако в последние годы на чудеса стали смотреть не как на нарушения закона, а как на явления, охватывающие высший закон, — учение, представляющее большой шаг вперед по сравнению с прежним. И вот, естественно, возникает вопрос: если этот высший закон существует, не могут ли изредка встречаться его следы в мире даже в наш нынешний век? По-моему, чрезвычайно прискорбно, что многочисленный разряд богословов попытался решить этот вопрос отрицательно. Не им его решать, а тем, кто исследует вопросы факта. В действительности именно этим вопросом и занимается Общество психических исследований, и обстоятельства, о которых я

упомянул, придают, как мне кажется, его исследованиям необычайную важность. Начнем с того, что признаем: законы энергии господствуют на научном рынке, в научных отношениях между человеком и человеком. В этих пределах, полагаю, мы и распространяем это научное утверждение. Но вправе ли мы распространять его дальше? Вправе ли мы, например, утверждать, что в совершенно иных условиях, которые рассматривает Общество психических исследований, не может произойти по меньшей мере кажущегося нарушения этих законов, нарушения на первый взгляд, *prima facie*; и в особенности вправе ли мы наглухо закрывать глаза на все свидетельства, которые могут быть представлены нам в пользу таких кажущихся перерывов? Не думаю. Мы должны исследовать все. Если научное положение применимо к одному ряду условий, неужели оно непременно применимо и ко всему остальному? Я всегда думал, что это нужно устанавливать исследованием, а не догматическим утверждением, и потому полагаю, что наше Общество вполне вправе применять ко всем происшествиям бэконовский метод исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ С. ЭВСАПИЯ ПАЛЛАДИНО

✦

После благоприятных отчетов профессора Шарля Рише и сэра Оливера Лоджа об их опытах с Эвсапией, о которых говорилось в главе V, с ней, как там же сказано, в 1895 году были проведены новые сеансы в Кембридже.[7] Я на них не присутствовал и, правду сказать, никогда не имел ни случая, ни желания производить опыты с Эвсапией; но присутствовавшие в Кембридже пришли к выводу — после проверки, которая показалась им достаточной, — что налицо явные доказательства обмана со стороны Эвсапии,[8] хотя сэр Оливер Лодж остался при своем мнении, что явления, которые он наблюдал на острове Рубо, были подлинными.[9]

[7] См. «Журнал Общества психических исследований», т. VI, с. 306.

[8] Там же, т. VII, с. 148.

[9] Там же, с. 135.

Это мнение подтвердил и выдающийся физиолог профессор Шарль Рише. После кембриджских сеансов он на время воздержался от суждения, но впоследствии и в беседе со мной, и при других случаях заявлял, что совершенно убежден в сверхнормальном характере некоторых проявлений, происходящих с Эвсапией. Таково же было мнение известного писателя-астронома Камиля Фламмариона, который в своем труде «Неведомые силы природы» (*Les Forces naturelles inconnues*) подробно разбирает явления, происходившие с Эвсапией, и убежден в их сверхнормальном характере.

Но самое замечательное свидетельство в пользу Эвсапии исходило от некоторых ведущих ученых Италии — людей, особо подготовленных к исследованию психологических и физиологических явлений. Пожалуй, самым видным свидетелем был покойный профессор Ломброзо, который исследовал способности Эвсапии в своей лаборатории в Туринском университете, приняв все меры предосторожности против обмана. В итоге Ломброзо публично засвидетельствовал подлинность этих необычайных физических проявлений. Мнение столь опытного и даровитого криминолога, как Ломброзо, чье высокое научное положение признано во всей Европе, неизбежно имело большой вес. В статье, напечатанной в 1908 году в «Анналах психических наук», Ломброзо говорит о различных сторонах этих явлений, включая фантазмы и видения умерших. Он указывает, что иногда несколько явлений происходило одновременно и, следовательно, одному человеку они были не под силу; и что, кроме того, есть свидетельства вмешательства иной воли, которую нельзя приписать ни медиуму, ни кому-либо из присутствующих и которая шла наперекор всем, даже «руководителю» Джону. Он подчеркивает значение этих фактов для гипотезы, будто происходящее объяснимо одними лишь «психическими силами» медиума и кружка, — гипотезы, которую на более раннем этапе исследования он принимал сам, но теперь считает недостаточной.

Независимое свидетельство дал д-р Энрико Морселли, профессор неврологии и психиатрии (лечения душевных болезней) Генуэзского университета, руководивший в этом городе рядом сеансов с Эвсапией.[10]

[10] Очень подробный отчет о них дан в «Анналах психических наук» за февраль, март, май и июнь 1907 года.

Контроль над медиумом был очень строгим. Ее руки и ноги держали д-р Морселли и синьор Барцини, редактор «Коррьере делла сера», который говорит, что присутствовал «с целью разоблачить обман и плутовство», но в конце концов убедился в реальности некоторых явлений. Перед сеансом медиума тщательно обыскивали, обыскивали и комнату; свет никогда не гасили полностью.

В этих условиях д-р Морселли свидетельствует о следующих явлениях: движения стола, стуки по столу и звуки музыкальных инструментов без прикосновения; полные левитации стола; движения предметов на расстоянии от медиума, видимые при свете, а также приведение в действие самопишущих приборов невидимой силой; *апорты*, то есть предметы, принесенные в комнату извне; звуки человеческих голосов, исходившие не от какого-либо видимого лица; отпечатки рук, ног и лиц на пластичных веществах; появление темных продолжений тела медиума, отчетливо очерченных форм лиц, голов и бюстов. Хотя в начале своих опытов он был настроен совершенно скептически, теперь он объявляет, что убежден: большинство явлений, будто бы происходящих с Эвсапией, «реальны, подлинны и неподдельны».

Д-р Морселли склонялся к тому, чтобы истолковывать эти явления посредством того, что он называет гипотезой особых *психических, или биодинамических, сил*; то есть он приписывает их некоей особой силе, исходящей от самой личности медиума. По сути, это теория психической силы, которой держались многие прежние английские исследователи.

Вскоре после сеансов, проведенных под руководством д-ра Морселли в Генуэзском университете, в Турине другую серию опытов провели доктора Херлицка, К. Фоа и Аджаццотти;[11] на

самом замечательном из этих опытов присутствовал д-р Пио Фоа, профессор патологической анатомии. Эти сеансы дали такие же положительные результаты, как и сеансы профессоров Ломброзо и Морселли.

[11] Ассистенты выдающегося физиолога профессора Моссо.

Другой сведущий свидетель — д-р Джузеппе Венцано, которого д-р Морселли называет «превосходным наблюдателем». Он поместил в «Анналах психических наук» (август и сентябрь 1907 года) важную статью с подробной записью и критическим разбором своих наблюдений над Эвсапией в условиях строгого контроля, а иногда и при полном свете электрической лампы в шестнадцать свечей. Во время своих опытов с Эвсапией, когда света в комнате было достаточно, чтобы ясно видеть и медиума, и других участников сеанса, д-р Венцано заметил рядом с собой женскую фигуру, почувствовал ее прикосновение и услышал ее речь: фигура со всеми подробностями говорила о некоторых семейных делах, не известных никому из присутствующих, кроме него самого. Весь этот случай поразителен до крайности, и д-р Венцано заявляет, что, по его мнению, никакое объяснение этого случая, основанное на возможности обмана или галлюцинации, невозможно.

Профессор Филиппо Боттацци, директор Физиологического института Неаполитанского университета, прочитав отчет об опытах д-ра Морселли в Генуе, попытался проверить эти явления с помощью сложного и тщательно устроенного набора самопишущих приборов, в надежде получить автоматическую графическую запись психической силы, проявляемой медиумом. Такая запись опровергла бы гипотезу галлюцинации или неверного описания со стороны наблюдателя. Эти важные опыты,

проведенные при участии нескольких даровитых профессоров того же университета, оказались на редкость успешными, и статья профессора Боттацци заканчивается утверждением, что эти опыты «устранили малейший след подозрения или неуверенности относительно подлинности явлений. Мы получили такого же рода уверенность, какую имеем относительно явлений физических, химических или физиологических. Отныне скептики могут отрицать факты, лишь обвинив нас в обмане и шарлатанстве».[12]

[12] См. «Анналы психических наук», сентябрь 1907 года, с. 149; октябрь 1907 года, с. 260; декабрь 1907 года, с. 377, где можно найти полный отчет об этих опытах с иллюстрациями, показывающими кривые, вычерченные самопишущими приборами.

В 1909 году три члена Общества психических исследований — достопочтенный Эверард Фейлдинг, м-р У. У. Баггалли и м-р Хереуорд Каррингтон — получили от Общества поручение провести еще одно серьезное исследование с этим медиумом. Выбор был сделан с особым расчетом на подготовку исследователей. М-р Каррингтон был искусным фокусником-любителем и в течение десяти лет исследовал эти физические явления в Соединенных Штатах. Его книга об этом предмете показывает, как хорошо он знаком с приемами медиумов-обманщиков и с какой осторожностью относится ко всем подобным случаям. М-р Баггалли тоже был фокусником-любителем с большим опытом и пришел к отрицательному выводу о возможности каких-либо подлинных физических явлений. Так же был настроен и м-р Фейлдинг, который к тому же имел обширный опыт исследования физических явлений.

Итог этого исследования был таков: все трое этих хорошо подготовленных людей убедились в безусловной подлинности

замечательных сверхнормальных явлений, которые они наблюдали в своей гостинице в Неаполе. С тех пор у них была еще одна серия сеансов, давшая совсем иные результаты: на ней они не получили ничего убедительно сверхнормального и много такого, что было явно нормальным и, вероятно, поддельным. То же самое обнаружилось и на сеансах с Эвсапией в Америке.

Как примирить эти противоречивые результаты? Я вовсе не стремлюсь защищать Эвсапию; напротив, я скорее склонен питать к ней отвращение, но мы должны быть справедливы и отдать должное даже дьяволу. Подобно другим сенситивам, особенно тем, у кого бывают такие же поразительные сверхнормальные явления, она чрезвычайно чувствительна к «внушению», даже невысказанному; а в трансе, когда ее сознание и самообладание в значительной мере подавлены, она становится легкой добычей внешних влияний. Не имея сдерживающего, хотя бы и подсознательного, влияния высокой нравственной натуры, она без зазрения совести плутует всякий раз, когда условия неблагоприятны для появления сверхнормальных явлений. Мы не вправе предполагать, что она вполне сознает, что делает, ибо профессор Хислоп показал, что медиумизм часто сопровождается ненормальными состояниями как тела, так и души. Мы почти ничего не знаем о том, что составляет особую способность или обстановку, необходимую для появления этих физических явлений.

Если они вызываются, как думают некоторые, выведением вовне нервной силы сенситива, то не исключено, что степень этого выведения будет меняться в зависимости от благоприятного или неблагоприятного душевного состояния присутствующих. Можно даже представить себе, что, когда эта психическая сила стеснена или не выходит вовне, она может

вызывать движения конечностей сенситива, которые заставят ее выполнить обычными действиями (быть может, в полусознательном состоянии) то, что при хороших психических условиях совершилось бы сверхнормально. Это и производило бы впечатление умышленного обмана. Всякий, кто имеет большой опыт в этих запутанных исследованиях, знает, что обман, по видимости бессмысленный и бесцельный, часто вторгается после того, как получены самые убедительные доказательства подлинных явлений. Именно это и делает все исследование совершенно непригодным для торопливого и неискушенного исследователя.

ПРИЛОЖЕНИЕ D. СОВЕТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ

✦

Многие люди, всерьез ищущие истины, хотели бы знать, как ставить опыты для изучения психических явлений, и потому несколько советов на этот счет могут оказаться полезными.

1. Передача мыслей

Хотя свидетельства в пользу телепатии и обильны, и весомы, новые свидетельства всегда желанны, особенно ради лучшего знания условий успеха. В этой связи следует прочесть недавнюю статью профессора Гилберта Марри, доктора словесности, где описаны его собственные удачные опыты в угадывании событий, задуманных другими; ее можно найти в «Трудах Общества психических исследований» за ноябрь 1916 года. Профессор Марри указывает, как важно избегать скуки и равнодушия у всех участников опыта. Поэтому опыты с угадыванием карты или числа, хотя они полезны и необходимы для статистических целей, скоро наскучивают перципиенту и утомляют его, так что цель не достигается. В своих первоначальных опытах с детьми преподобного А. М. Крири тридцать пять лет назад я обнаружил то же самое, и в отчете об этих опытах, который Майерс, Герни и я напечатали в первом томе «Трудов Общества психических исследований» (1882), мы отметили, что чем разнообразнее были опыты, тем лучшие получались результаты. Всегда помните, что главное — поддерживать *интерес перципиента*.

Далее, необходимо избегать рассеянности внимания и всяких помех, а также решительно избегать особой тревоги об успехе. Делайте условия как можно строже, но вместе с тем старайтесь вести опыты так, будто это забавная игра. Не следует и агентам — то есть тем, кто выбрал предмет для угадывания, — мысленно напрягаться, словно они разбирают трудную теорему. Действует не сознательная часть нашей личности, а подсознательная; возможно, передача мыслей происходит повсеместно. Если так, то, по-видимому, лишь у ограниченного числа людей телепатический толчок всплывает в сознание перципиента. При этом всплывании часто бывает запаздывание; поэтому все «догадки» следует записывать, так как порой оказывается, что более раннее впечатление всплывает вместо более позднего или вместе с ним.

Кроме того, профессор Марри подтверждает то, что я заметил давно: когда «агент» держит перципиента за руку, очень часто получаются лучшие результаты. Это стоит исследовать дальше, остерегаясь всего, что похоже на «чтение мышц» или гиперестезию.

Серию опытов не следует продолжать слишком долго за один раз, так как иногда оказывается, что попытки утомляют или истощают перципиента. Некоторые корреспонденты сообщали мне, что опыты вызывают головокружение и т. п. (см. примечание на с. 57 в «Трудах Общества психических исследований», т. I). Но сам я никогда этого не замечал и не видел никаких дурных последствий ни от этих опытов, ни от опытов с «лозоходством» (см. главу 8 моей небольшой книги «Психические исследования» в серии «Домашняя университетская библиотека»).

2. Лоза и маятник-разведчик (*pendule explorateur*)

Различные автоскопы, как я их назвал, можно использовать, чтобы обнаружить непроизвольное мышечное действие автоматиста. Раздвоенная лоза лозоходца — самый простой из них и чаще всего успешный; но вращение лозы не служит доказательством какой-либо сверхнормальной способности и не означает успеха в отыскании подземной воды или металлических руд. Ее движение вызвано непроизвольным и бессознательным мышечным действием и может быть порождено любым подсознательным внушением, возникшим в уме лозоходца.

То же объяснение относится и к движению так называемого *маятника-разведчика* — кольца или другого небольшого предмета, подвешенного на нитке, которую держат между пальцами одной руки или перекидывают через подушечку большого пальца, опираясь локтем на стол. Если вокруг маятника расположить по кругу алфавит, то можно складывать слова, по мере того как маятник качается к той или иной букве.[13] Это утомительно, но порой получаются весьма забавные и любопытные результаты: могут даваться неожиданные сообщения и ответы на вопросы. Если тому, кто держит *маятник*, завязать глаза и переставить буквы алфавита, станет видно, сколь многое зависит от его бессознательного мышечного действия и невольного умственного руководства.

[13] Два века назад раздвоенную лозу употребляли для той же цели и записывали сообщения, будто бы исходившие с разных планет!

Однако в обоих этих случаях, как и при пользовании всеми прочими *автоскопами*, найдутся люди, обладающие сверхнормальной силой, и полученных ими результатов не объяснить никакой человеческой способностью, доселе

признанной официальной наукой. У хорошего лозоходца — будь то ребенок или совсем неграмотный человек того или другого пола, или выдающийся человек, как покойный м-р А. Лэнг и другие известные люди, — способность *ясновидения* обнаруживается не сознательным восприятием, а автоматическим действием, например вращением лозы, всякий раз, когда найден искомый предмет, будь то спрятанная монета, подземный источник или металлическая жила. На континенте для той же цели часто используют *маятник*; но когда с его помощью складываются сообщения, объяснение относится уже к следующему разделу.

3. Автоматическое письмо, доска «уиджа» и т. п.

Здесь мы подходим к той области психических исследований, которая, вероятно, вызывает наибольший интерес и в которой необходима наибольшая осторожность. Тем, кто впервые берется за предмет, следует прочесть предостережения и советы, изложенные мною в главах XIX и XX. Молодых людей и тех, у кого мало дел и забот, способных занять их время и мысли, следует решительно отговаривать от любых опытов в этой запутанной области.

Кроме того, нередко случается, как убедились некоторые мои друзья, что после нескольких интересных и правдивых сообщений и ответов на вопросы начинаются озорные и обманчивые сообщения вперемежку с богохульными, а порой и непристойными словами. В какой мере за это ответственно подпороговое «я» участников сеанса, сказать трудно; они, естественно, были встревожены и напуганы, так как эти мысли и

слова были совершенно чужды их образу мыслей, и с отвращением бросили все это дело.

С этим предварительным предостережением и призывая всех исследователей сохранять здравый и критический дух, скажу, что лучших результатов можно достичь, когда двое или более друзей договорятся регулярно садиться за опыты в какой-нибудь удобный и тихий час. Можно держать карандаш на листе бумаги, или воспользоваться планшеткой, или доской «уиджа», уже описанной в главе XIV.[14] Этот последний *автоскоп* обычно дает самый легкий, хотя и самый утомительный, способ автоматического действия. У него есть и то преимущество, что тому человеку или тем двоим, кто касается бегающего указателя, можно тщательно завязать глаза и переставить буквы алфавита без их ведома. Если сообщения удается получить и так, то сознательное или же бессознательное и неумышленное движение указателя участниками сеанса тем самым более или менее полностью исключается.

[14] Эту доску можно приобрести за несколько шиллингов в конторе «Лайт»: Лондон, W. C., Сент-Мартинс-лейн, 110.

Если после нескольких попыток результатов нет, следует сменить состав кружка и дать попробовать другим. Когда получены какие-либо сообщения, полезно расспросить невидимый разум и выяснить, каковы наилучшие условия и кто из присутствующих — самый многообещающий медиум. Чтобы получить наилучшие результаты, понадобятся неутомимое терпение и регулярные сеансы. Стоит ли игра свеч, исследователи должны решить сами; лично я так не думаю — разве что для тех, кто занят чисто психологическими исследованиями.

Их получить не так легко; хотя столоверчение и движения других предметов, к которым прикасаются участники сеанса, бывают часто, их обычно можно приписать бессознательному и непроизвольному мышечному действию участников. Стуки же и движение предметов без прикосновения так объяснить нельзя; нельзя так объяснить и все замечательные движения тел, происходящие при прикосновении. Это станет ясно из глав IV и V, посвященных физическим явлениям. Когда в частном кружке впервые раздаются стуки, это обычно очень слабые щелчки, которые при продолжении сеансов становятся громче и чаще.

Пожалуй, лучшие правила для кружков, собирающихся ради спиритических явлений, — те, что давно опубликовал «М. А. (Oxon)», преподобный Стейнтон Мозес. Наставив участников положить руки плашмя на верхнюю поверхность стола, вокруг которого они сидят, он продолжает:

> «Не сосредоточивайте внимание слишком пристально на ожидаемом проявлении. Ведите веселый, но не легкомысленный разговор. Избегайте споров и препирательств. Скептицизм не оказывает сдерживающего действия, но злобный дух противоречия в человеке с твердой волей может совсем остановить проявления или сильно им помешать. Если разговор не клеится, большим подспорьем служит музыка, если она приятна всем и не такова, чтобы раздражать чуткое ухо. Терпение необходимо, и, быть может, придется собраться десять или двенадцать раз через короткие промежутки, прежде чем что-нибудь произойдет. Если и после такой попытки у вас ничего не выйдет, составьте новый кружок. Неудачный сеанс не должен длиться дольше часа.

Если стол движется, касайтесь его поверхности так легко, чтобы быть уверенными, что вы не помогаете его движению. Через некоторое время вы, вероятно, обнаружите, что движение продолжается, если держать руки над столом, не касаясь его. Но не пробуйте этого, пока движение не установится, и не спешите получать сообщения.

Когда вы сочтете, что время пришло, пусть кто-нибудь возьмет на себя руководство кружком и говорит от его имени. Объясните невидимому Разуму, что желателен условленный набор сигналов, и попросите, чтобы, пока медленно повторяют алфавит, стол наклонялся на тех буквах, из которых складывается слово, которое Разум желает передать. Удобно, чтобы один наклон означал „нет“, три — „да“, а два выражали сомнение или неуверенность.

Когда удовлетворительное общение установлено, спросите, правильно ли вы рассажены, и если нет, то в каком порядке вам сесть. После этого спросите, за кого выдает себя Разум, кто из присутствующих медиум, и задайте другие подобные вопросы. Если поначалу вы только убедитесь, что можно говорить с Разумом, отдельным от разума любого из присутствующих, вы уже многого достигнете.

Сигналы могут принять форму стуков. Если так, пользуйтесь тем же набором сигналов и, когда стуки станут отчетливыми, попросите, чтобы они раздавались на столе или в той части комнаты, где их заведомо не может произвести никакое естественное средство; но избегайте всякого докучливого стеснения свободы общения. Пусть Разум пользуется своими собственными средствами. Во многом от участников сеанса зависит, будут ли проявления возвышенными или пустыми и даже обманными.

Если будет сделана попытка погрузить медиума в транс или проявиться каким-либо бурным способом, попросите отложить эту попытку до тех пор, пока вы не сможете обеспечить присутствие какого-нибудь опытного спиритуалиста. Если на эту просьбу не обратят внимания, прекратите сеанс. Развитие медиума, впадающего в транс, — процесс, который может смутить неопытного исследователя.

Наконец, проверяйте полученные результаты светом рассудка. Сохраняйте трезвую голову и ясное суждение. Не верьте всему, что вам говорят, ибо, хотя великий невидимый мир заключает в себе немало мудрых и проницательных духов, в нем есть и скопление человеческого безрассудства, тщеславия и заблуждений, и оно лежит ближе к поверхности, чем мудрое и доброе. Не доверяйте щедрому употреблению великих имен. Ни на миг не отказывайтесь от своего рассудка. Не беритесь за серьезное исследование из праздного любопытства или легкомыслия. Взращивайте в себе благоговейное стремление к чистому, доброму и истинному. Вы будете вознаграждены, если обретете хотя бы обоснованное убеждение, что существует жизнь после смерти, для которой чистая и добрая жизнь до смерти — лучшее и мудрейшее приготовление».

Заключительную фразу приведенного выше отрывка следует читать в связи с различными теориями этих физических явлений, изложенными мною в главе IX. Сам я считаю, что все эти проявления так тесно связаны с подпороговым «я» медиума, что было бы опрометчиво заключать, будто они исходят от развоплощенной человеческой личности; хотя русский случай, приведенный в главе XVII, а также собственный опыт преподобного С. Мозеса подкрепляют мнение, что в некоторых случаях это может быть так.

Как правило, чем выше и духовнее содержание сообщений, тем менее осязаемо и вещественно их проявление. Безмолвное «общение святых» очень далеко от спиритического сеанса. Такое общение может быть — и, вероятно, бывает — телепатическим, но, как учили мистики всех веков, для него необходим покой тела и души:

Иные стремились
И обрели покой, и им был дан
Восторг, что с Небом сливает человека.

И, как говорит нам Плотин, «в это безмолвное небо втекает Великая Душа».